

Свердловск
Средне-Уральское Книжное Издательство
1973

P2
H 63

В творчестве писателя Н. Никонова — автора так хорошо известных читателям книг, как «Листья», «Лесные дни», «Черный дрозд», «Голубая озимь», «Вкус жизни», и других — книга «Певчие птицы» занимает несколько особое место.

Рассказывая о певчих птицах наших лесов, лугов, полей, городских окраин, писатель делится своими наблюдениями птицелова-любителя, дает советы, как правильно содержать птиц, учит бережному отношению к миру пернатых, ко всем удивительным богатствам родной природы.

Выпущенная нашим издательством в 1968 году книга «Певчие птицы»

была с большим интересом встречена ценителями птичьего пения, птицеловами, любителями природы.

По многочисленным пожеланиям читателей мы переиздаем эту книгу — плод многолетних наблюдений автора за жизнью и повадками птиц. Наряду с очерками о певчих птицах, в книгу включено

несколько рассказов Н. Никонова, посвященных миру пернатых, родной уральской природе.

H— 0763-071 — 71-73
М 158(03)-73

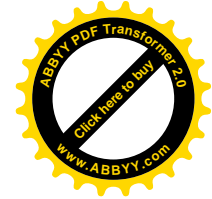

Средне-Уральское Книжное Издательство, 1973

Предисловие

Собираясь писать о певчих птицах, я долго раздумывал, как лучше построить книгу. Принять за основу научную классификацию? Или деление на пролетных, кочующих и оседлых? Или искусственное разделение на птиц «простых», всем известных по содержанию в клетках, более редких и «трудных» и, наконец, таких, содержание и ловля которых исключительно тяжелы и под силу лишь опытейшим классным любителям? Однако все это не удовлетворяло меня, ибо я не ставил цели создать еще одну книгу по биологии птиц, — книгу, интересную, быть может, только специалисту-орнитологу. Таких книг в нашей биологической литературе достаточно много. Книг же, рассказывающих широкому кругу читателей и любителей о содержании, воспитании и приручении певчих птиц, самое малое число — они давно стали библиографической редкостью или перепевом старых авторов.

Мне хотелось создать книгу о родной природе, о ее прекрасных детях — певчих птицах; книгу, которая бы помогла уберечь птиц в руках неопытных и несведущих, была бы пособием и помощником любителю-птицелову, руководителю кружка, учителю-биологу, школьнику; книгу, где были бы рассмотрены также и вопросы охраны, привлечения в сады, разведения певчих птиц; книгу, кото-

рая при необходимости могла бы быть и определителем птиц в природе.

Вот почему за основу я взял разделение птиц по типичным местам обитания, а именно: птицы полей, пустырей и городских окраин; птицы лугов и болот; птицы опушек и кустарников; певчие птицы леса.

Конечно, разделение по местам обитания или, говоря языком научным, по биотопам, грешит некоторой неточностью. В разное время года птицу лесную, скажем снегиря, можно встретить и на опушке, и на овсяном поле, где есть клади снопов и обмолоченной соломы. Снегирь попадается в городском саду на рябине и в зарослях ивняка на болоте. Но все эти случаи можно оговорить, ибо, в общем, снегирь остается лесной птицей, а не полевой и не болотной.

Описывая жизнь певчих птиц, я стремился связать ее с сезонными изменениями в природе: весна — лето — осень — зима. Наконец, птицы расположены в таком порядке, что крайние в каждом разделе могут встречаться и в том и в другом из описываемых мест.

Настоящая книга — результат более чем тридцатилетних наблюдений за певчими птицами. Я содержал и добывал почти все из описанных здесь пород. Все, что мне удалось заметить и пережить самому, увидеть своими глазами, я хотел передать любителям.

Н. НИКОНОВ

Певчие птицы

Шумит тихонько на ветру столетний бор. Его шум так задумчив, ровен и вечен, что сразу мирно становится пришедшему сюда. Хочется броситься в траву под соснами, в запахи земляники, хвои, топленой смолы и цветов. Я лежу на пригорке в редкой тени, слушаю ветровой шорох сосен, утренние голоса птиц. Летом, радостью, безмятежным летом звучит замирающий раскат зяблика. Еще нежнее откликается ему с опушки пеночка-весничка, а щелкающий удивительный пересвист лесной малиновки торжественно подчеркивает их голоса, сплетаясь с одиноким криком иволги. Поют птицы. Пахнет трава. Синее небо. Шумит лес. Поют птицы...

Певчие птицы. Они есть в аллеях городского парка, на светлых березовых опушках, в еловом темном лесу и в поле, над рожью, меж летними облаками, в густом и сильном солнечном разливе. Певчие птицы... Найдется ли человек, который равнодушно идет по росе, не глядя, не слушая пригожую птаху, из всех силенок звенящую на 7

розовом от зари сучке? Наверное, найдется и такой. Да не для него писана эта книга — не для равнодушного. А мы будем слушать, как звучит птичий голосок — свидетельство высокого совершенства природы. Мы поглядим, как хорошо ее оперение, перышко к перышку, тон в тон. Птичка... Существо задорное, бойкое, пугливое, миленькое, радостное и незащищенное — его можно сравнить разве что с маленьким ребенком.

О вреде и пользе

Вредны ли содержание певчих птиц в клетках и охота за птицами (здесь под охотой, как и везде далее, я понимаю ловлю певчих птиц, а не стрельбу из ружей)? Вероятно, если бы на этот счет было ясное и единое мнение, я не стал бы начинать книгу такими рассуждениями.

Некоторые (в основном равнодушные к природе или чрезмерно сентиментальные люди) считают, что ловля птиц и содержание их в клетках не более чем вредная забава, которую хорошо бы воспретить, искоренить, предать забвению. Так ли это?

Могу лишь заметить, что содержание певчих птиц имеет едва ли не более широкое распространение, чем охота плюс рыбная ловля плюс увлечение аквариумом плюс разведение голубей. Ведь почти в каждой семье, особенно там, где есть дети, живут или жили одна, две, три птички. И сколько же таких временных любителей? И сколько любителей постоянных, для которых птица — спутник всей жизни, любимое существо. Побывайте в воскресенье на

посмотрите, как, приплясывая от радости, беспрестанно заглядывая в клетку с желтоперым щегленком, бежит домой за отцом счастливый потомок, и вы убедитесь, что содержание певчих птиц — огромное интересное увлечение.

По сравнению с уже названными видами увлечений, отдыха и спорта содержание и ловля певчих птиц имеют множество достоинств.

В сравнении с ружейной охотой, так или иначе связанной с пролитием крови, ловля певчих птиц позволяет совместить всю прелесть скитаний по лесам, полям и болотам в поисках добычи с прекрасным результатом, когда птица, живая, красивая, здоровая, попадает в руки охотника.

И она даст ему столько удовольствия своим бойким нравом, пением, повадливостью и привязанностью, сколько не могут дать никакие убитые птицы.

Не жестоко ли заирать живых существ в клетки? — спросит сердобольный человек.

Только что говорил я о ружейной охоте, объявлять которую варварством никто не собирается, которую издревле воспевают, посвящают ей страницы журналов.

Подавляющее большинство любителей содержит птиц в осенне-зимний период, когда голодно и холодно. Не секрет, что огромное количество птиц гибнет именно зимой и ранней весной от бескормицы. На лето многие птиц выпускают. Делать это нужно с осторожностью, в подходящем для птицы месте, а не просто в форточку. Всякой «сиделой» клеточной птице нужно время, чтоб она «облеталась», восстановила подавленные в клетке инстинкты самосохранения, осторожности и т. д. Я знаю много примеров, когда птицы, выпущенные из клеток в лесу поздней

весной и летом, нормально гнездились. Так, в июне 1965 года я нашел в ельнике гнездо снегиря, на котором сидела весьма потрепанная снегириха с подстриженным хвостом, ясным свидетельством пребывания в мальчишеских руках. Гнездили в саду и выпущенный мной щегол. Он очень скоро нашел себе, по-видимому, такую же бывшую пленницу, и щеглы построили на березе отличное гнездо. Выпущенного закольцованного реполова я поймал через год в той же местности (окрестности поселка Елизавет на южной окраине Свердловска). Случайно вылетевший на охоте снегирь был пойман через три недели абсолютно здоровым.

Почти все выпущенные птицы гнездятся поблизости от города или в садах. Именно этим выпуском мы обязаны тем, что под Свердловском стали нередкими гнездящиеся снегيري и даже чечетки, а прямо в городе — щеглы.

Не следует выпускать птичку, если она прожила в клетке много лет. Такая полудомашняя птица скорее всего станет добычей ястреба или кошки.

Наконец, последнее. Не приносит ли птицеводство ущерб народному хозяйству и жизни леса? Можно только сказать: любая охота — удочкой, ружьем, капканом — гораздо большее зло, чем ловля птиц. Во-первых, объектом ловли являются в основном птички, не приносящие существенной пользы. Таковы чечетка, чиж, щегол, снегирь, реполов, клест. Все они большую часть года питаются семенами и зернами растений. Они поедают и семена сорняков, и семена деревьев. Эти птицы не столько способствуют уничтожению бурьянных порослей, сколько их расширению, ибо сорят, развеивают и разносят семена сорных трав. Поедая в летнее время насекомых, они не различают полезных от вредных.

Определенный вред может наносить лишь охота на птиц насекомоядных, в первую очередь синиц, но и здесь есть несколько важных примечаний.

Как правило, в большом количестве ловятся лишь синицы-кузнечики. Они очень бойки и часто попадают в мальчишечьи западни. Зато так же скоро их выпускают, ибо выдержать дику, злобную, все время долбящую клетку синицу у редкого мальчишки хватает терпения. Мелкие синицы: гаечки, гренадерки, москочки, лазоревки — редко попадают в клетки. Из сотни любителей лишь у одного-двух живут такие птички. То же самое можно сказать о чисто насекомоядных — пеночках, славках, камышевах и других прилетных птицах. Бывают они у нас обычно в тот период, когда певчих птиц не ловят. Содержат их в клетках отдельные знатоки-охотники, которых и на тысячу любителей один не найдется. Птицеловы-промышленники насекомоядными не интересуются, у них все такие птички называются «пеночки», а «пеночки» конопки не едят, спроса на рынке не имеют. Так что процент «вреда», если говорить всерьез, просто ничтожен.

Десятилетия, проведенные бок о бок с птицами, убеждают, что клеточное содержание имеет и свое будущее. Разве не от диких птичек с Канарских островов выведены все породы домашних канареек? Разве австралийский волнистый попугайчик не стал завсегдатаем наших квартир? Канарейка буквально завоевала весь мир благодаря стараниям целых поколений любителей певчих птиц. Ее содержат и в Африке, и в Австралии, и в обеих Америках, не говоря уж о Европе и Азии. Одомашнены и разводятся в клетках многие тропические ткачики и вьюрки. Любовь к живому, несомненно, перерастет в новое качественное

состояние, когда натуралисты-любители будут разводить (и уже разводят) в клетках и вольерах и полевых жаворонков, и юл, и соловьев. Таким энтузиастом был, например, выдающийся советский орнитолог Промптов. Клеточное разведение, приручение и одомашнивание лучших певчих птиц, выведение новых пород — увлекательное и нужное дело.

Что же полезного дает нам ловля певчих птиц, содержание их в домашних условиях? Я не ошибусь, наверное, если скажу, что эта прекрасная бескровная охота — один из самых лучших способов познания природы, воспитания любви и бережного отношения к ее обитателям. Она развивает наблюдательность, эстетический вкус, жажду знаний. А ведь только на знании строится истинная любовь к природе.

Повлей птиц чаще занимаются дети и подростки. Вместе со снегирями, с чечетками, с желтыми чижиками и часами, проведенными где-нибудь в полевых омежьях, в репьях, на опушках леса за выслеживанием щеглов, приходит и на всю жизнь укрепляется великая любовь к своей земле, своим березам, к самому воздуху России.

Я убежден: если б молодежь и подростки больше увлекались содержанием птиц, мы растили бы армии защитников природы и радителей леса. Как близок в памяти ясный звонкий день, когда мать принесла с рынка мне, шестилетнему, желтую клетку с зеленоватой черноголовой птичкой. Это был молодой осенний чижик, уже набравший окраску, остроклювый, непоседливый, все время кричавший свое тонкое «тивит», «пивит». Даже и ночью я вставал, щупал клетку, глядел на мирно спящую птичку, чтобы проверить, не приснилось ли мне такое счастье.

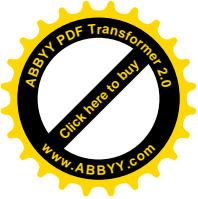
Помню синие сумерки утра в октябре. Снежок. Себя, озяблого, восторженного, с гурьбой таких же худо одетых ребятишек. Мы пробирались в заросший парк, на пустырь, ловить в лебеде чечеток. И с какой же радостью принималась тогда каждая пойманная серо-белая пташка! Стучалась лбами, мы разглядывали ее бурые перышки, рубиновую красинку на вертявой милой головенке, желтый восковой клюв и черные глаза, глядящие с трогательным испугом. Наша птичка!

Мы слушали пиньканье синиц, глядели, как дятел ползает по березе, остукивая ее так и сяк. Большие, крапленые серым дрозды возились в рябинах, жадно оклевывая терпкие кисти, набивали тугие зобы подмерзлой ягодой. Дни, проведенные в парке, остались со мной навсегда.

Разве не были в юности страстными птицеловами и любителями птиц Аксаков, Горький, Чехов, Мамин-Сибиряк, Гаршин, Багрицкий, Пришвин? А великий знаток соловьиного пения Тургенев? Разве не отразилась любовь к птицам на их творчестве, знании природы, лесов и полей?

Я говорил о детских днях. Но прошло детство, минула юность, а привязанность к птицам сохранилась и выросла. Очень скоро я совсем отказался от ружья, чтобы придти в лес ради леса и его добрых существ. Птицы открыли мне безбрежный мир опушек, болот, торфяников, речных урем, полевых окраин. Вместе с ними я познавал тишину рассветов и неповторимые краски закатов — закатов весенних, лесных, необыкновенных...

Медленно вянет, остывает небо. Лес затихает в темноте и безветрии. Красным винным цветом меркнет далекая заря. Певчий дрозд начинает выкрикивать свою ни с чем

не сравнимую песню. «Иди... иди... иди... кум...» — ясно выговаривает он в черной кремлине высоких елей. Ему вторит стеклянный голос зарянок, цвириканье вальдшнепов над непролазно заросшей порубью. Первая звезда открыла голубые ресницы над ступенчатой елью. Сыреет воздух. Ясны и чутки ночные запахи протаявшей земли, синих пролесок, отходящего снега. Пугающе-дико стонет темная сова. Гулькает, торопится рассказать кому-то свое ручей-ручишко... Не хочется уходить с апрельской опушки, где так по-своему открывается весна.

Пение птиц

Пение — трели, россыпи, щелканья и свисты, которые издают певчие птицы, — одно из самых привлекательных свойств этих замечательных существ. Мелодичное пение — особенность только мелких воробьиных птиц да еще некоторых куликов и куриных. Всех певчих по способам питания мы делим на птиц зерноядных и насекомоядных. И хотя это деление условное, считается, что насекомоядные совершеннее по песне. Их голоса более музыкальны, чисты и затейливы, и с этим утверждением можно согласиться, ведь самые лучшие певцы — дрозды, соловьи, славки — птицы в основном насекомоядные.

С другой стороны, не совсем зерноядные жаворонки и вполне зерноядные канарейки могут соперничать с лучшими певцами из насекомоядных.

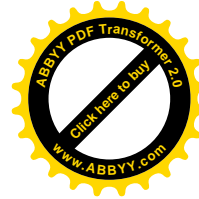
Пение птиц связано с периодом размножения, наивысшего расцвета всей жизни весной. Пение — это сигнал,
14 что гнездовье занято, способ привлечения самки, облегча-

ющий ей поиск самца в лесу, и, наконец, просто выражение бодрого настроения птицы.

Существует еще осеннее пение после периода линьки. В солнечное безветрие бабьего лета, когда лес уже сквозит и теплится желтизной, а над полями шелково-сизо плывет и садится тенетник, слышно в вышине пение отлетных жаворонков. Бывает, и дрозд закричит в лесной просеке, уикнет по-своему. Негромко запоет славка. Откликнется пеночка в золоте кустов. Поют осенью почти все птички: одни — много, другие — меньше, третьи — совсем мало, вполголоса, но осенняя тихая песня ни в какое сравнение не идет с самозабвенным захлебывающимся торжеством весенних голосов. Сколько раз приходилось видеть: поет на вершине куста птичка, забыла обо всем. Вдруг, как из-под земли, вывернется малый ястреб. И — только перышки потом по ветру. Всякое бывает в лесу...

Пение продолжается на воле от полутора до шести-семи месяцев, считая и осеннее. В клетках птицы поют подольше (до 8—9 месяцев в году в зависимости от вида). Поющих без перерыва птиц нет, а всякие рассказы о соловьях и жаворонках, поющих «круглый год», «день и ночь» — обычные басни досужих охотников и вралей. Наверное, все виды охот: и рыболовство, и ружейная, и голубиная, и наша — имеют своих, так сказать, записных, штатных лгунов, которые ловят щук на 3 пуда, кроют по 100 чижей за раз, бьют на току по десятку глухарей...

Возвращаясь к пению птиц, хочу сказать, что к нему не относится птичий «разговорный» язык, то есть все звуки, которыми птицы выражают радость, страх, призыв, настроенность, озлобление. Песни птиц делятся на «колена», или «строфы», в свою очередь колена распадаются на «сло-
15

ва». Например, песенка обычной желтой овсянки, звучащая примерно так: «зинь-зинь-зинь-зинь-зини» — состоит из двух колен, причем первое из пяти слов, а второе — из одного.

Чем больше колен в песне, чем они чище, многословнее и приятнее для слуха, тем выше ценится птица.

Среди колен различают:

пиньканье — «пинь», «пиньк», «финь»;

тевканье — «тек», «чев», «тев»;

колокольчик — «тинь», «зинь», «цвинь»;

раскат — например, как у соловья — «чо-чо-чо-чо»;

россыпь, или дробь, — быстрое повторение одного слова в одном тоне (кенар или камышевка-сверчок);

щелканье — короткие щелкающие звуки (соловей, реполов);

ручеек — льющиеся неопределенные колена (садовая славка);

свисты — отдельные красивые сильные звуки (соловей, певчий дрозд, иволга).

Всякие режущие слух, чавкающие, трескучие и скрипящие колена и слова называют помарками и полупомарками.

Начало песни у охотников именуется «почином», а последнее колено «концовкой» или «росчерком» (например, у зяблика).

Короткие промежуточные «полуслова», вставляемые птицей между строфами, называются «оттолчкой».

Иногда следующие друг за другом одинаковые группы колен именуются «веретенками».

Вот, пожалуй, и все специальные слова, которыми охотники-любители разбирают песню птицы.

16

Обычно любители спорят — каких певчих птиц отнести к самым лучшим. Мнения и вкусы могут быть различны, но я, нисколько не собираясь навязывать свое, на первое место поставлю певчего дрозда, затем соловья, полевого жаворонка, степного жаворонка-джурбая, черноголовую славку и лесного жаворонка-юлу.

Вот эти птицы и составляют высшую лигу. Может быть, к ним следует приписать и канарейку, до пения которой я не охотник. Безусловно, имеются в виду птицы отличные — «концертные», как говорят любители. Известно, что далеко не каждый соловей, жаворонок или дрозд поет красиво. Среди них есть плохие или посредственные певцы, вся песня которых состоит из 3—4 колен. Чаще всего эти птицы молодые, не обучившиеся настоящему пению. Склонность к красивому пению у птиц так же индивидуальна, как, скажем, у людей. Она зависит от врожденных качеств, обучения, возраста. У птиц также бывают свои Карузо, Шаляпины и Козловские.

Певчие птицы второго разряда — поющие хорошо, но не могущие соперничать с первыми:

из зерноядных — реполов;

из насекомоядных — черный дрозд, белокрылый жаворонок, пеночка-пересмешка, лесной конек, садовая камышевка, большая синица, ястребиная славка, соловьиный жулан.

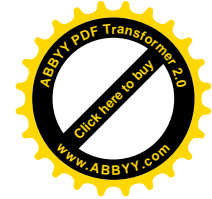
К птицам третьей группы, характерным очень звуковой, красивой, но бедной коленами односложной песней, отнесем:

из зерноядных — чечевицу, зяблика, овсянку-дубровника, овсянку-ремеза;

из насекомоядных — иволгу, дрозда-дерябу, белоброви-

2 Н. Никонов

17

ка, синиц московку и гаечку, горихвостку, пеночку-весничку.

К четвертому разряду относятся птицы, поющие в клетках много и охотно, голоса их приятны своим веселым щебетом, живостью, отдельными красивыми коленами, но музыкальности здесь меньше, тона сбивчивы. В песне есть помарки, чириканье, треск.

Сюда относится большинство так называемых «простых» птиц, а именно: щегол, чижик, клесты, зеленушка; из насекомоядных — зарянка, дрозд-рябинник, скворец, варакушка.

Выносливые в клетках, неприхотливые, доверчивые и ласковые к людям, птицы четвертой группы пользуются любовью тысяч охотников.

И, наконец, есть пятая группа птиц, поющих слабее других. Назовем известную всем чечетку, снегиря, вьюрка, дубоноса, свиристеля, лазоревок белую и зеленую, синицу-гренадера, поползня, пищуху, королька, плисок и чеканов.

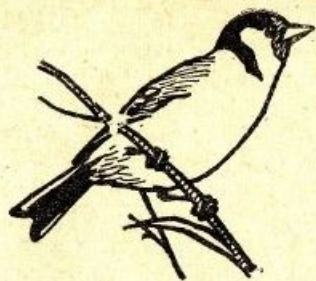
К достоинствам птичек пятого разряда относится необычайная цветистость оперения многих из них. Это птички декоративные — украшение наших лесов. Чего стоит, например, наряд белой лазоревки-князька — этого удивительного существа с голубыми крыльями и голубым хвостом! А броский наряд важного снегиря! А окраска вьюрка, щеголяющего атласной, переходящей в синеву черной головой и кирпичной грудкой! Как великолепно розовое оперение свиристелей, шафран и желтизна долгохвостых плисок, цветные пятна в окраске дубоносов!

Интересно, что в группе певцов высшего класса нет ни одной ярко окрашенной птицы. И соловей, и жаворонок, и певчий дрозд отличаются строгой скромностью пера, под-

черкнуто благородной изящностью всех линий контура. Несмотря на отсутствие ярких тонов оперения, наши лучшие певцы очень красивы. Это — элита птичьего мира.

Из сказанного не следует, что охотнику-любителю с самого начала во что бы то ни стало надо стремиться добыть птицу высшего класса песни. Все разряды по-своему хороши, у всех есть свои преимущества и недостатки. Следует помнить начинающему любителю, что великие певцы, как правило, дики, приручаются с трудом, требуют хлопотливого, бережливого, умелого обращения, большого отбора. Громко, отлично поющий и к тому же не дикий певчий дрозд или полевой жаворонок — большая и редкая ценность. Почти то же можно сказать про всех певцов высшего класса.

Подержите разных птиц. Поймите, полюбите, испытайте их и постепенно вы доберетесь до вершин охотничьего знания. Иных путей тут нет.

Певчие птицы полей, пустырей и городских окраин

Поля, засеянные низкими травами, клевером и викой, а также поля чистые, паровые и хлебные вместе с широкими пустошами, залежами, непаханой целинной крепью — места, где свой отличный и разный мир птиц.

Птицы полевые тесно соседствуют с живущими по городским и сельским окраинам — вот почему я объединяю их в одной главе.

Имея большое сходство со степью, поля являются местом обитания и многих степных птиц. И часто, забираясь в бесконечный, уходящий за горизонт простор полей, чувствуешь себя как в степи: один между небом и землей, один в потоках льющегося, ощутимого света и тепла, один среди мягкого шелеста колосьев. Поют жаворонки. Свистит суслик. Плывет, высматривая, белый лунь-степняк.

И ветер несет с далеких межей нежно-сладкий запах полевой акации и цветущего донника.

Поля... В их безлюдном вечном молчании скрыто что-то завораживающее душу. Я люблю бывать в них под осень,

сидеть на холмиках и бугрищах среди ржи и овсов, слушать великую тишину. Комья серой иссохшей земли скупо видны меж строя соломин. Мышь, шелестя и мелькая, суетится и шмыгает там, собирает опавшее зерно. Упадет срезанный ею колосок, просвистит и канет вдали табунок куропаток, заскрипит вдруг кочующий к югу невидимка-дергач. Снова молчание.

Ветер седыми жемчужными переливами бежит по овсам. Редкие темноватые тучки роняют преддождевую слезу. И вот он, томящий душу, запах близкого ненастья — запах мокрых хлебов, земли, близкой осени.

Всяк, кто бывал и жил в полях долго, замечал и жаворонков, то грустно юрчащих на отлете под самыми тучами, то переливающихся долгими чистыми трелями во время летних жаров, то просто слетающих из хлебов у дороги своим характерным трепетным полетом, похожим на полет куличков. Без жаворонков нет полей.

С жаворонков и начну я рассказ о полевых певчих птицах.

Полевой жаворонек

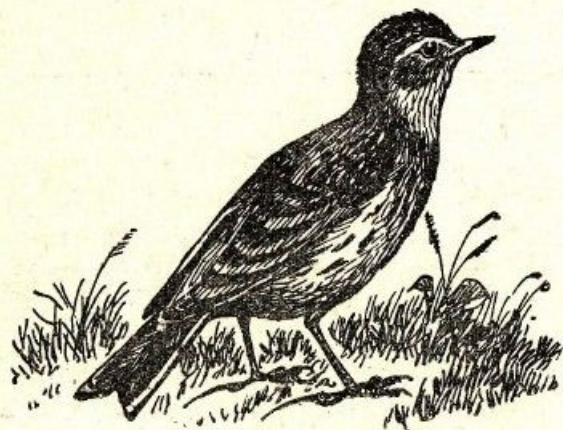
Трудно найти птичку, имя которой было бы так известно даже самым далеким от природы людям. Но, зная жаворонка по имени, очень немногие представляют его внешний вид.

Вот приходят ко мне знакомые, видят бегающих по клеткам жаворонков, и первым бывает вопрос: а что это за птички? Жаворонки? Не может быть! Неужели такие серые?

Жаворонок действительно серый, точнее, буровато-серый по своему перу. Так окрашена вся спина, голова и крылья. Низ жаворонка посветлее, с красивыми черточками по бокам. Голова тонкая и точеная. Величина — побольше воробья. Крылья в сравнении с туловищем очень велики и широки — сразу выдают неутомимого летуна.

Всех жаворонков, в том числе и полевого, узнают по несуразно длинному заднему когтю на лапах. Правда, такие коготки есть еще у коньков и подорожников, но конек отличается от жаворонка длинным хвостом, а подорожник белым цветом в оперении.

Чем-нибудь испуганный или взбудораженный, жаворонок поднимает треугольный хохолок, и оттого издали ка-

Полевой
жаворонок

жется, что на голове птички надет остроконечный колпак.

Самец-жаворонок отличается от самки большим ростом, длиной и шириной крыльев, а также общей «петушиной» широкогрудой статью. При некоторой тренировке и наблюдательности опытный глаз охотника тотчас отличит самцов от самок, и сидящих на земле, и в полете, тогда как для непосвященного птицы кажутся абсолютно одинаковыми.

Самка-жаворониха всегда поменьше ростом, держится приземисто, пригнуто, перьями не так чиста и складна.

Но главной отличительной чертой самца служит его чудесное пение.

Самки жаворонков, да и почти всех других певчих, лишены этого качества.

Едва сильное мартовское солнце и теплые ветры стронут в полях снег, и он вдруг потемнеет, заискрит тысячами недолговечных ручьев, начинают пролетать жаворонки. Иногда летят они очень рано — в последних числах марта (например, 26 марта 1951 года под Свердловском). В среднем же первые жаворонки приходят между вторым и седьмым апреля.

Ранние старые жаворонки появляются совсем незаметно. Они держатся по обтаявшим буграм, на проталинах, и только специально разыскивая их, можно убедиться, что птицы тут. Лишь через неделю пойдет массовый пролет, летят они почти непрерывно с криками, с короткими песенками. Лет жаворонков не стайный, а какой-то рассыпчатый: одна, две птицы, тройка и снова одна, две. Окончательное передвижение жаворонков на север и восток затихает лишь к началу мая. В ясные голубые дни слышно, как жаворонки поют над городом. Екает сердце любителя,

задирает он голову, придерживает шапку и глядит, глядит в золотистую глубокую синь, слушает жаворонка — забывает про грязные ручьи, про шум трамвая, тесную суету бульваров...

Жаворонки быстро занимают гнездовья. Еще в полях беляками лежит тающий снег, а они уж начинают спорить из-за гнездовых участков, дерутся друг с другом, гоняются за самками. Над парным, налитым водой коричневым полем, то там, то здесь с говорливым урчаньем поднимаются они в вышину, мелко трепеща крыльями.

Когда участок поля или сухой луговины занят, самец начинает устойчиво петь над ним. Он гонит со своей земли всякого залетевшего чужака. С резким особым криком он преследует его до тех пор, пока нарушитель не пересечет незримую границу гнездовья.

Поют жаворонки, поднимаясь и спускаясь с излюбленных мест. Чаще всего это кочка, камень, пенек и просто ком твердой пашни. Изредка жаворонки садятся на мелкие сосеночки или невысокие столбы изгородей.

Самка меж тем строит гнездо, выбирая для него выбоинку, копытный след, гривку сухой травы. Хотя жаворонки гнездятся только на земле, найти их маленькое гнездо очень нелегко. Можно сто раз пройти мимо и не заметить, тем более, что насиживающая жаворониха сидит очень прочно. Птицы, носящие корм, всегда падают в стороне в траву и уж оттуда почти ползком пробираются к гнезду. Жаворонята появляются в конце мая. Уже на восьмой-девятый день они разбегаются из гнезд и западают в траву. Родители кормят их поодиночке, ориентируясь на слабое чириканье, которое издает проголодавшийся слёток. Гнездовые птенчики жаворонка ужасно уродливы. Со своими

разинутыми оранжевыми клювами и странными птенцовыми пухинками на темени, жаворонята похожи на крохотных дракончиков. Зато оперенные слётки очень милы, ни дать ни взять мелкие серые цыплята. Они шустро бегают, затаиваются в траве и могут подлетывать на больших, несоразмерных с короткохвостым тельцем крыльях. Очень быстро начинают они есть сами, схватывают любую живность, которой кишат июньские травы. Кобылки, жучки, кузнечики, муравьи — все идет в корм.

В июле жаворонки гнездятся вторично. В кладках по три-четыре яйца. Второй выводок докармливается в августе, когда старые птицы уже начинают линять. К этому времени стихает и пение жаворонков, замирает немолчный звон над русскими полями, августовская живая тишина нарушается лишь свиристеньем кузнечиков да сиплым шипением кобылок-краснокрылов.

Полевой жаворонок — с давних времен любимая певчая птица. Но держат его только классные охотники, хорошо понимающие этих диких птиц. Пение хорошего жаворонка богато прекрасными трелями, россыпями, переливами и раскатами. Он отлично копирует многих гнездящихся по соседству птиц, кричит канюком, свистит мелодичными куличьими свистами, вскрикивает чибисом, и все это соединяется и переливается собственными жавороночными долгими переливами. Лучшие певцы-жаворонки гнездятся на сухих болотах и луговинах возле болот, на старых торфяниках и мелких полях, окруженных лесом. Здесь они набирают в песню самые красивые чудные колена от лесных и болотных птиц.

Бесподобно звучит песня жаворонка, когда он, налетавшись в поднебесье меж облаками, спускается, высвисты-

вая, плавно покачиваясь на расставленных неподвижно крылышках, на свою любимую кочку.

Поют жаворонки и сидя на комьях и сурчинах в дикой степи, но песня «на полу» звучит тише и не столь красива.

Почему же полевой жаворонок — птица многочисленная — не частый гость в наших клетках?

Объясняется это тем, что далеко не все охотники умеют его ловить, а кроме того, большой пугливостью, строгостью птицы, быстро разочаровывающей нетерпеливых любителей. Есть у жаворонка и еще одно неприятное качество: он купается не в воде, а в песке, в пыли. Не каждая из женщин (они в основном и есть главные противники содержания птиц дома) долго терпит сыплющийся из клетки песок и сор.

Однако при бережном, добром отношении к птице, она не преминет отблагодарить хозяина за хлопоты и уход. Однажды, чаще всего в марте, жаворонок разбудит вас своей громкой звучной песней, перед которой бледнеют все напевы хвалецких кенаров и прочих птиц. И день ото дня он начнет прибавлять, да так порой, что дрожь бежит по спине. Как он поет! Все меркнет и тонет в звуках его голоса. Даже равнодушный человек заслушается:

— Ну, молодец! Вот это птичка!

Клетка для жаворонков нужна особая (№ 3). Обычно делается два вида. Длинная — 70×30 см и 25 см высотой, ящичная и квадратная русская — $40 \times 30 \times 22$ см. Обе обязательно с мягким верхом. Расстояние меж спицами редкое — 2—2,5 см. Лучше, если спицы деревянные или из толстой проволоки. Жердочки не нужны, вместо них кладется кочка с травой, камень, кусок спекшейся сухой глины.

Я говорил выше, что неприятным свойством жаворонков является их пугливость, взлетывание свечой вверх. Такая непрерывно «хлопающаяся» буйная птица раздражает. Чтобы «хлопанья» не получалось, делается подвешенной застекленный тамбур-песочник, который привешивается к клетке на крючках. Он избавляет от всех бед. В нем жаворонок прячется, купается, отдыхает и не сорит в комнату. Кормушку также делают навесную, застекленную. Водопойку навешивают у борта, и жаворонок быстро привыкает пить, просовывая голову меж спицами. Такое сложное оборудование клетки позволяет не тревожить птицу, а корм, вода и комната не загрязняются.

Как видите, если охотник захочет слушать жаворонка дома, сначала он должен позаботиться о квартире для птички.

Ловят жаворонков с прилета, чем раньше, тем лучше. На проталинах на спокойного приманного жаворонка или же на прикормку. Последний способ позволяет поймать любого выслушанного жаворонка, но требует времени и терпения. Прикорм зерновой и из мучных червей устраивается там, где жаворонок больше поет. Через два-три дня ставят самоловы или подсаживают с сетью. И самоловы и сеть ставятся на прикорм и хорошо маскируются. Веревка и сети нужна длинная, до 50 метров. Жаворонок не какой-нибудь чиж-простофиля, а птица умная и осмотрительная. Если он заметит подвох, в сеть вы его не загоните. Бывает, не одно утро пройдет, пока покроешь привередливую серую птицу. И вот счастливый, веселый идешь домой сырыми апрельскими полями. Ноги вязнут в упившейся влагой земле. Жаворонки заливаются на все лады. Цветы мать-и-мачехи густо золотятся по всем межам. Как славно,

тепло, суглинок на косогорах уже проявлял, заохрился под ветерком и, кажется, пахнет слегка молодой крапивой и пыреем. День не солнечный, но такой весенний, благодатный, лучше не надо. В его теплой умягченной грусти растворяются все твои чувства, ты сливаешься с этой молодой дышащей, обтаявшей землей, с перелесками в синем пару, с легкой завесой неподвижных серых облаков. А главное, ведь поймал своего жаворонка! Остановишься. Поглядишь. Вот он сидит в матерчатой куролеске — пепельный, чистый, большекрылый. Весь он полевой, именно полевой...

Дома обдержишь день-два, и можно в клетку. А потом часами сидишь, смотришь, как он ходит гордо и пугливо. Золотая русская птица — внешний голосок.

Корм для пойманного весной жаворонка нужен самый лучший. Зерновую смесь, штук 5—10 мучных червей, кусочек размоченной булки. Жаворонки всегда берутся за корм. Птица эта выносливая. У хороших любителей по 18 лет живет и птенцов может в вольтере вывести.

Постепенно приучают жаворонка к мягкому корму. Тертую морковь с хлебом, яйцо, мясо, моченый хлеб — все это он осваивает скоро. Летом понемногу примешивают свежие муравьиные яйца.

Надо помнить, что жаворонок — птица более насекомоядная, чем зерноядная. На одном зерне песни от него не дождешься. Конопля, семечки, прочий «традиционный» корм — для него гибель. Давать их надо только давленные, понемногу, как добавку к мягкому корму.

Обжившийся весенний жаворонок петь начинает через неделю. Но первую весну поет мало, дичится. На другой год начнет с февраля, а иногда и раньше. Кончается песня в середине июля, перед линькой. Хороший, то есть не пут-

ливый и певучий, и в сентябре поет, что, впрочем, бывает и в природе. Осенью понемногу поют все птицы, а некоторые даже токуют.

Доброго жаворонка не враз достанешь. Иные слишком дики. Иные плохи по песне. Выкормыши по песне исключительно плохи. Их надо учить. Носить весной в клетках, как говорят, под хорошего жаворонка, а также содержать рядом с поющими синицами: большой, московкой или гаечкой. Неплохо, если молодой жаворонок слушает пеночку-весничку, певчего дрозда и дубровника. Такой обученный жаворонок через два-три года становится классной птицей и намного превосходит любого ловленного жаворонка, но дело это слишком хлопотливое и под силу людям незанятым. У меня сейчас живет четырехгодовалый выкормыш, поющий сильно и чисто. В его песне отличные удары синицы, колокольчик московки, свистовой перебор пеночки, песня дубровника, реполова и голоса куликов в соединении с хорошими жаворонковыми юрчащими коленами, но и у него есть брак. Взял он где-то громкое колено вроде «тив-не-тивве-тивве» и как заладит иной раз повторять — ничему делаешься не рад. Стучишь на него, шикаешь, а он себе напевает, как заведенный. Такие огрехи часты у выкормышей. У ловленных жаворонков брака не бывает, а перенимать чужие песни они тоже горазды, особенно годовалые, двухгодовалые птицы.

Прочие жаворонки

В степях Южного Приуралья встречаются и другие виды жаворонков. Это некрупные, похожие друг на друга жаворонки серый и малый, очень большой, своеобразный по

окраске жаворонок черный и крупноватый, статный жаворонок белокрылый. Кроме них, залетом может быть встречен довольно обычный в южных районах нашей страны степной жаворонок, или джурбай, называемый также чернотеем.

Джурбаев часто содержат хорошие любители, и я хочу сказать о нем хотя бы немного. По оперению он похож на полевого, но статью гораздо крупнее и грубее. Клюв у джурбая мощный, толстый, крылья широкие, длинные. Хвост коротенький. По бокам шеи черные пятна, иногда соединенные в ленту. Вид у джурбая очень гордый, приятный, пение мощное, звучное, богатое, имеет много сходства с полевым. В голосе молодых птиц есть неприятные трескучие колена, выкрики и скрипы. Голоса других птиц джурбай перенимает хуже, чем полевой жаворонок. Я никогда не ловил джурбаев, но держал их много и держу сейчас.

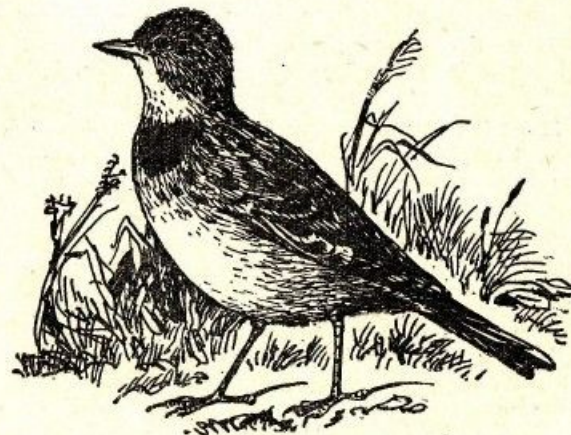
Все, что сказано о содержании жаворонка полевого, относится и к степному. Оборудование клетки то же, лишь расстояние между спицами вполне может быть до 3 сантиметров. Корм джурбаю нужен погуще, с большим количеством дробленой пшеницы, семечек, овсянки и конопли. Мягкий корм — тертая морковь с хлебом, 3—5 мучных червей. В отличие от полевого жаворонка, который глотает зерно целиком, джурбай лущит его и спокойно расклевывает даже семечки. Хорошо ест и любит разную рубленую зелень, проросшие зерна овса и пшеницы, которые лучше давать весной и летом.

Неплох по песне и жаворонок белокрылый. Он крупнее полевого, с белыми зеркальцами, хорошо видными в полете.

В степном Зауралье живет жаворонок черный. Осенью и в предзимье он может быть встречен на полях и дорогах в Челябинской и Курганской областях. Жаворонок этот не отлетный, а кочующий. Из всех жаворонков — более зерноядный, судя даже по толстому клюву. Пение его приятное, мелодичное. О клеточном содержании этой интересной птицы ничего не известно.

Жаворонки малый и серый поют бедно, так что для содержания в клетках вряд ли подходят.

Степной
жаворонок

Жаворонок рогатый, или рюм

В середине апреля на дернистых буграх и обтаявших торфяных болотах появляются изредка станички красивых нарядных птичек. Летают они и по огородам, в полях, по окраинам городов на картофелищах, перебегают подобно жаворонкам, что-то клюют и непрерывно тихо перекликаются. Они пугливы, не подпускают близко, но если как-нибудь подобраться из-за укрытия и обнаружить себя вдруг, птицы на мгновение замирают и удивленно таращат черные перышки по бокам головы, словно бы рожки поднимают.

Вид у птичек презабавный — не то морской куличок-зук, не то крылатый чертенок. А это — рогатые полярные жаворонки.

Не в пример своим серым и глинистым в оперении собратьям рогатый жаворонок довольно цветист. У него черный, полумесяцем, нагрудник, оранжевое горло и светло-бурая спинка. Брюшко у птичек беловатое.

Я не один раз добывал рюмов и держал в клетках и вольерах и не считаю, что полярный жаворонок ручнее и доверчивее всех прочих. Все жившие у меня птицы этого вида были по-жавороночьи строги и привыкали с трудом. Вообще, разнообразие характеров и темпераментов птиц бесконечно велико. Есть птицы злобные и добрые, хитрые и глупые, забияки и тихони. Среди птиц каждого вида встречаются буйные холерики, уравновешенные флегматики, непостоянные сангвиники и задумчивые меланхолики. Они есть и среди жаворонков.

Охотнику надо не отмахиваться от буйной птицы, а 32 терпеливо за ней ухаживать. Время и терпение — два

главных союзника любителя певчих птиц. За редкими исключениями все птички, прожив полный год в клетке и благополучно закончив линьку, делаются спокойнее. Иногда и такое обдерживание не требуется. Лучше приручаются молодые птички, совсем трудно «старика», которые, однако, лучше по песне. Все это надо испытать любителю на практике, а она часто опровергает, казалось бы, прописные истины. Существует, например, мнение, что соловьи пугливы. Оно справедливо. А мне приходилось ловить таких, которые ни разу «не хлестнулись», говоря словами охотников. Дубровники, как правило, чрезвычай-

Рогатый
жаворонок

Н. Писконов

ные дикари и хлестуны, а попадаются и такие, что запе-
вают в клетке через час после поймки и не подумают
биться... Но я уклонился от рассказа о рюмах.

Гораздо заметнее, чем весной, рюм бывает на пролете
поздней осенью. Уже не раз припугнула зима, выпадал и
стаивал снег, все яркие краски осени погасли и затухли
вместе с облетелой листвой. И все-таки жухлая бурая
земля по-своему хороша, в печальном запустении лежит
она под низким хмурым небом. Печалится поля. Чернеет
лес. По гривам пахучих бурьянов с шумным чечеканьем
пересыпаются реполовы и воробьи. Иногда заведет на
неделю мелким холодным ситником, и он кропит, сеется
с перерывами, не буйно, не сильно, не так, как летом, — то
перемежаясь со снежной крупой, то слезно-слезно опла-
кивая поле и дали. В осеннее ненастье вполне можно хо-
дить в лесу и в полях. Никогда не вымокнешь до костей,
лишь слегка потемнеет одежда на плечах. Зато какой
ясный запах увидання стоит в мокрых березовых кустах
опушки, как свежо дышится в поле, как горит лицо,
охлажденное ветром ненастья... В такие дни стонишь где-
нибудь в бурьяне на непропаханной залежи белобрюхого
зайца или даже полярную сову — белое привидение мол-
чаливой тундры. Однажды я заметил ее, когда шел по
вырубке к полю. Сова сидела на большом березовом пне,
странным образом дополняя его, сливаясь с ним. Она под-
пустила довольно близко, в меру выстрела, но я был без
ружья и только с завистью поглядел на изумительную,
неправдоподобно светлую птицу, легко слетевшую на ши-
роких белых бесшумных крыльях. Почти тотчас согнал
я стайку рюмов. Они поднялись с обочины поля со своим
характерным тоскливым писком. Не знаю, что заставило

их подпустить меня шагов на пять. Может быть, они
западали в траве, боясь лететь на виду у совы. Но вряд
ли такие крупные хищники смогут поймать рогатого жа-
воронка, летающего быстро и ловко. Скорее, они одновре-
менно прибыли из засыпанной снегом тундры и случайно
оказались вместе.

Специальной ловли рогатых жаворонков нет. Они попа-
дают на полевых точках и в огородах, где ловят осенью
неглов, зеленушек и коноплянок. Но если имеется при-
манный спокойный рюм, ловля может быть удачной. Рога-
тых жаворонков никогда не возьмешь много. Два-три за
утро — уже большая добыча, потому что пролетают они
редко и как-то незаметны, все время держатся невысоко
над землей.

Песней рогатый жаворонок не может похвалиться. Она
короткая, бедная красивыми звуками и поется негромко.
Наверное, потому мы встречаем рогатых жаворонков лишь
у редких любителей.

В большом садке и вольере рюм очень приятен своим
необычным видом, яркой окраской и торчащими «рожка-
ми». Птичка презабавно поднимает и опускает «рога».
Этот жаворонок любит сидеть на камнях, кочках и пень-
ках — вот почему в вольере оборудуется уголок по его
вкусу. В клетке обычной, жаворонковой, с мягким верхом,
нужна хорошая жердочка — рюм садится на жердочки не
в пример другим жаворонкам — и небольшой камень. На
дно сыплют песок. Подвесная купалка не обязательна.
Корм рогатому жаворонку — обычная зерновая смесь и
половинный суррогат из моркови и муравьиного яйца (поло-
вина на половину). Мучных червей ест хорошо, но давать
их не более 5 штук зимой и до 10 — летом.

Скворец

По своей известности может поспорить с полевым жаворонком. Скворца знает и стар и млад, а потому я не буду описывать его внешний вид. Миллионы скворечников едят тут. И отношение к годно вывешиваются в городах и деревнях, и это отличает скворца такое же, как, подчеркивает народную любовь к черной, желтоклювой птице, к давно потеряв-полудомашней птице. По скворцам замечают приход устоявшегося и вдруг вернувшейся весны. Скворец в скворечнике — последний гвоздь в потворе-коту. во всяком хозяйстве, претендующем на полную чашу. Иначе, потому, что Считается, что скворец очень полезен. Я не буду пускаться в длительные рассуждения о вреде и пользе, хотя эту птицу, их редко ломечу, что скворцы не абсолютно полезные птицы. В масленицу и редко держат в клет-своей они питаются дождевыми червями, весьма пухлыми. Однако у завзятых преобразователями, рыхлителями и удобрителями тяжеловесов, не гоняющихся за высоким классом пес-

Скворец на Среднем Урале появляется очень рано, скворец относится к иногда в 20-х числах марта. Самая ранняя дата — 24 марта у любимых птиц. К че-та 1951 года. Первые прилетные скворцы редки и пестро он привыкает очень метны. Еще кругом лежит синий тающий снег, слепящий. Нестарые птицы пригорков витые ручьи, бока земли мокры и холодны, пестро перестают дичить не курится над ними, как в теплом апреле, а мартовский, скоро берут всякий небо — прозрачный холодно-пустой океан... И вдруг предложенный корм, прен-голубом от ветхости скворечнике появляется черная, мушкетерно дроздовый, привычно большая в сравнении с приглядевшимся воробьями, хлеб в молоке, чер-ями, ладная птица. Первым долгом она хлопотливо ныряет. Все скворцы отлично в жилье, точно жадный хозяин, боящийся за свое доброт молотое мясо, сырое Цело ли? Вылезет, посидит на крышке как бы в раздумии вареное, а мучные чер-и снова заберется, теперь уже надолго. Нет скворца и пестро — для них особое ла-Подойдешь поближе. А вот он! Желтый клюв высунулся, которое надо да-леток. Сидит. Едва видно голову. Кажется, скворец говорит по-чужому.

Скворец

Редкие охотники ловят скворцов с прилета, пока они не загнездились, скворечником-самоловом или сетью прикормку. Они высматривают места, где пролетный скворец держится иногда огромными сотенными стаями, поначалу состоящими сплошь из одних самцов. (У скворцов самки всегда с пестринами, в то время как самцы весной чисто воронье с зеленым глянцем по зобу и голове).

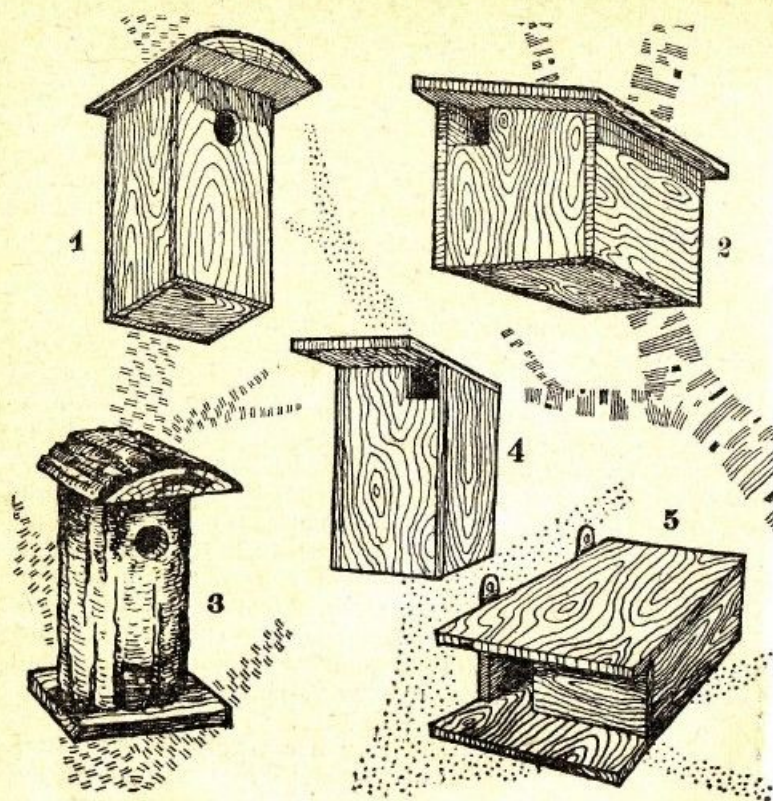
Нетопкие болота по окраинам городов, берега рек, озер, навозные кучи в поле — любимые обиталища, где и живут с весны шумные скворцовые ватаги. Я уже говорил, что сперва прилетают только скворцы-старика. Примерно через неделю пойдет валовый стайный пролет. Еще через несколько дней являются самки и оставшаяся молодежь. В иные весны скворцов бывает исключительно много (например, 1940, 1951, 1956, 1964 годы), в другие — довольно мало, так что на один занятый скворечник приходится по десятку «пустых», заселяемых полевыми воробьями.

В клетке скворец на правильном корме — очень долговечная птица. Двадцать, двадцать пять и тридцать лет живут он без видимых признаков старения у заботливого хозяина. Скворец — пересмешник. Он чисто и точно копирует многие домашние звуки, вплетая в свою скрипящую песню и лай собак, и мяуканье кота, и скрип дверей, щекотанье сорок, кудахтанье кур, бой стенных часов. Иногда редка некоторые способные птицы могут выучить несколько слов. Учить скворца надобно годами, каждый день перед кормежкой, утром и к вечеру, повторяя нужное слово в одном тоне. Легче берет скворец слова с шипящими согласными, вроде: черный, черныш, скворка, кошка, и прочь и т. п. Произносит их птица не чисто, а всегда прищелкиванием, прищелкиванием, хотя достаточно ясно

и забавно. Надо ли писать, что скворец отлично перенимает голоса птиц: колена певчего дрозда, свист иволги и чечевицы, выкрики куличков есть почти у каждого старого скворца, и тем ценна его песня. По качеству пения хороши болотные и лесные скворцы, то есть живущие возле болот или (редко) гнездящиеся в дуплистых ольхах, ивах, липах по речным уремам. Тут они набирают в песню множество отличных колен.

Я никогда не был любителем скворцового пения и, тем более, не жаловал скворцов за постоянную сырость и грязь в их клетках. Птицы эти очень любят купаться, постоянно полощутся, как утки, выплескивают всю воду, опрокидывают все чашки и кормушки. Это обстоятельство надо учитывать любителю и ставить скворцам посуду тяжелую или закреплять ее. Надо закрывать надежно дверки — скворец быстро научается отгибать любую задвижку. Клювом своим он работает необычайно искусно, то подсовывая его под любые предметы и быстро раскрывая, подобно ножницам, то стучая, как дятел. Скворцы очень смиренно живут вместе с другими птицами в садках и вольерах, но, по моему, куда лучше они на свободе, живущие у вас на дворе, взахлеб и хрипло высвистывающие по скворечникам от зари до зари. Чтобы они гнездились у вас постоянно, заметьте несколько важных правил устройства и подготовки скворечников.

Домик должен быть плотным и с толстыми стенками, чем толще, тем лучше. Сколачивать его надо крепко на накле по швам. Тонкостенных и, тем более, фанерных домиков птицы избегают. Добротная дуплянка, выдолбленная из целой колоды или половинника, еще лучше. Не красьте скворечен и не делайте у летка никаких крылечек

Искусственные гнездовья: 1 — скворечник; 2 — домик для мухоловок; 3 — дуплянка; 4 — синичник; 5 — домик для трясогузок.

и перил. Вешайте скворечник повыше и крепко, чтоб не поддало ветром. Леток должен быть направлен к востоку. На зиму скворечник снимайте и вешайте снова за неделю до прилета, то есть двадцатого марта. Шест обейте листом железа, чтоб не лазали кошки. Никогда не делайте рядом двух скворечников. Виды домиков и дуплянок даны на стр. 40.

После вылета птенцов, нескладных и пестро-пятнистых, скворцы сразу же покидают гнездовья, уходят в поля и в степи. Здесь они живут полуоседлой жизнью, сбиваясь иногда в огромнейшие многотысячные стаи. Целый день обитают скворцы по пашням, по бережьям мелких степных озер, на сохнувших грязях. Тут они едят всякую мелкую живность, вроде личинок стрекоз, поденок, мотылей, жуков. К ночи они слетаются в камыши. Мне пришлось видеть, как стаи скворцов, буквально закрывающие солнце, с шумом, подобным урагану, селились и селились в камыши на закате.

В сентябре скворцы отлетают. Перед отлетом они часто кружат над полями на большой высоте, согласно переливаясь крылышками в бледной синеве предосеннего неба. Интересно, что некоторые пары возвращаются к своим скворечникам и день-два поют тихонько. Отдельные скворцы задерживаются очень долго, до выпадения первого снега. Так держалась осенью возле нашего дома в саду самая скворчиха с двумя молодыми. Последний раз я их видел 28 сентября. Однажды так же поздно видел я трех скворцов в стае дроздов рябинников и белобровиков. Шел снег вперемежку с дождем, дрозды кормились мелкими яблочными в городском сквере. Скворцы сидели вместе с ними нахохленные и мокрые.

Каменка

На зарастающих бурьяном пригородных пустырях, возле свалок, каменоломен и заброшенных карьеров почти всегда можно вспугнуть в летнее время некрупную птичку. Станным, как бы порхающим полетом летит она прочь над самой землей. Отличительная черта птицы — яркое белое пятно-надхвостье, сразу бросающееся в глаза. Отлетев немного, птичка садится на камень, пенек или груд мусора, поворачивается к вам и начинает задорно кланяться, дергать хвостом. Это знакомая многим каменка — птичка из породы дроздовых, близкая к луговым чеканам.

В мае раздается более чем скромное скрипучее щебетание, с которым самец иногда взлетает в воздух подобно лесному коньку. Он поет поблизости от гнезда, помещенного в грудке камня, в скалистой осыпи, обломках кирпичей — не даром птичка называется каменкой.

Каменка

Веселая и любопытная, она изредка попадает в сеть птицелова, но для любительского содержания не годится. Почти всегда, подержав каменку с неделю и наглядевшись на ее грациозные поклоны, которые птичка отвешивает с испугу чуть ли не все время, я отпускал ее с миром, что и советую делать всякому, кто поймал каменку. Песни от самца каменки раньше чем к следующей весне вы не дождетесь, а хлопот с ней не меньше, чем с соловьем, и корм тот же, соловьиный. Песня каменки немногим краше воробьиного чириканья, смешанного со щебетанием ласточки.

Дубонос

Как-то еще в детские годы я был сильно озадачен, увидев на яблоне-китайке в соседнем саду трех необыкновенных птиц. Они казались побольше снегиря и были короткохвостые. Очень нарядное розоватое оперение и коричневые беретки на больших головах были мне неизвестны. Но самое удивительное — клюв толстенный, широкий, округлый, голубого цвета.

— Ах, какие птички! Вот бы поймать! — от волнения у меня пересохло в горле.

Птички перелетели с яблони на старую черемуху и клевали засохшие ягоды. «Чик, чик, щелк» — раздавались сухие щелчки от расколотых косточек. Я не сводил с птиц восторженного взгляда, пока они не слетели разом с пискливым протяжным цыканьем. Чудесные незнакомцы запомнились мне надолго, но потом я их нигде не встречал и почти забыл. Лишь уже будучи взрослым и всерьез занимаюсь птицами, я сделал открытие — ведь это были дубо-

Дубонос

носы! Еще два десятка лет назад дубонос считался для Среднего Урала редкой залетной птицей, но в послевоенные годы, когда везде начали разводить сады с яблонями и вишнями, дубонос стал обычен. Ежегодно выводки крепкоклювых «костогрызов», как зовут дубоносов на Украине, до глухой зимы шатаются по садам, паркам, зеленым зонам и кладбищам. Везде, где растет бузина и рябина, где остались мелкие мороженые яблочки и засохлая вишня, можно увидеть кормящихся неповоротливых дубоносов. Они летают на городские улицы вместе с хохлатыми розовыми свиристелями. Они устраивают набеги на яблони и в одиночку. Даже в декабре, когда кругом метровые сугробы, местные птицеловы приносят на рынок дубоносов, пойманных обычной западней, и продают их мальчишкам.

содержать лишь ради красивого оперения, ибо пение дубоноса не может быть даже названо таковым. Тихий скрип, чириканье и какое-то бульканье никого не приведут в восторг. Еще благо, что дубонос поет немного. Обычно он важно сидит на жердочке, строгий, внушительный, с каким-то секретарским, чиновничьим видом. Мне он, например, всегда напоминает коллежского асессора из петровской юстиц-коллегии. Желтоватые глаза дубоноса никогда не меняют своего строгого выражения, а внушительный клюв дополняет впечатление озабоченной напыщенности.

По-видимому, дубонос — вредная для садов птица, питающаяся мякотью, косточками и семенами из плодов и ягод. Он луцит горох и подсолнухи, с треском колет вишневые косточки, в глухозимье кормится на мелкоплодных яблонях-сибирках, как свиристель. Ест он и почки плодовых деревьев. Степень вреда и пользы дубоносов пока не выяснена, но едва ли она слишком велика, ведь дубонос нигде не многочислен. Вообще эта крупная птичка очень скромна, тиха и незаметна. Иногда только тихий писк выдает присутствие сидящих в яблонях дубоносов, а увидеть их можно лишь приглядевшись. Поймать большеклювых красавцев нетрудно. Зимой и осенью в том саду, куда попадались летать дубоносы, ставят обыкновенную мальчишечью западню с прикормкой из орехов, семечек, конопля и ягод. Кормящиеся птицы, особенно молодые, часто попадаются. Еще лучше идет ловля, если есть приманный дубонос. Здесь успех обеспечен полностью. Пойманному дубоносу пужна обычная клетка первого, а лучше второго номера, без мягкого верха. Осваивается птица быстро, но ручной почти никогда не становится и всегда недоверчива

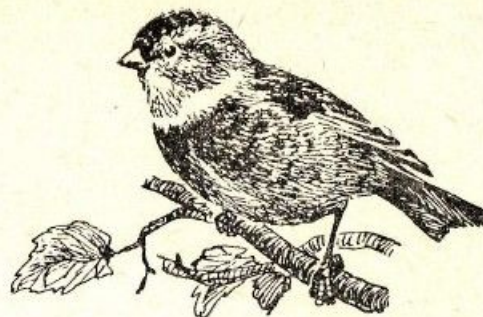
к хозяину. Корм, состоящий из зерносмеси с включением в нее овса, семечек, кедровых орехов и ягод, принимается сразу. Летний корм тот же, с добавлением 2—3 мучных червей и обильной зелени. Любит грызть и точить березовые, яблоневые и липовые прутьи, очищая их добела. Дубонос может прожить в клетке до 20 лет. Даже в наших зоопарках, где условия содержания певчих птиц далеко не лучшие, дубоносы жили десятилетиями.

Особенно надо предупредить охотников, которые берут птиц при пересадке в руки, что дубоноса надо ловить с полотенцем или мешком. Иначе своим мощным клювом он прокусит кожу, как сахарными щипцами, или оставит синяки. Удивительно, что, живя в общих вольерах и садках с мелкими птичками, «коллежский ассессор» никогда не пускает в ход свое страшное оружие и не обижает никого. Но птички все же побаиваются дубоносов и уступают им место у кормушки.

Реполов, или коноплянка

По своей прекрасной минорной песенке реполов только жаворонку уступает. Есть в ней и богатые высвисты, и отличные россыпи и даже нечто похожее на соловьиное щелканье, соловьиную дробь.

Такое пение в соединении с очень приятным неброским, аккуратненьким видом птички делает реполова любимцем у хороших охотников. Буроватый сверху, стройный самец-реполов весной становится щеголем. Два красных, иногда пунцовых, изредка оранжевых пятна выступают круглыми печатками по обеим сторонам грудки.

Коноплянка

Красный цвет есть у старых самцов и на темени, но там он не слишком ярк и не так заметен, как, скажем, у чече-ток, близких родственников реполова. Молодые птицы и самки с грудки покрыты штриховидными пестринами по светлому, с охристым оттенком, фону.

В осеннем пере коноплянки окрашены тусклее, как почти все отлинявшие птицы. Тогда красный цвет едва виден на грудках самцов. Перья имеют седоватые кончики-на-стволья. Иного пойманного первогодка-самца долго разглядываешь так и сяк, раздуваешь перья на грудке, пока блеснет хоть одна рубиновая крапинка-чешуйка.

В орнитологической литературе обычно пишут, что к осени седые кончики перьев «стираются», и красный цвет как бы проявляется. На мой взгляд, это совершенно неправильно. У самцов-реполовов даже в клетках перед весной (февраль-март) бывает частичная линька груди, где перьяшки с наствольями заменяются перышками без серых

кончиков. Жаль только, что красный цвет у реполовов в клетках не сохраняется, а становится буроватым или желтым. Такое «переодевание» окраски с частичной линькой головы и груди бывает перед весной у самцов дубровников, тростниковых овсянок, овсянок-ремезов и других птиц.

Реполов — птица открытых мест. Никогда не водится он в лесах или садах. Он любит селиться в полях и огородах, на мелколесных опушках по соседству с огородами и пашнями. Ему по душе бурьянные пустоши, конопляники по задкам деревень, зеленые львы, залежи и всякая как говорят в народе, лешая, заросшая сорняком земля. Тут реполовы кормятся, а гнезда строят поблизости от низких сосенок, елочек, кустах можжевельника. Ельнички и сосняки, густо саженные вдоль железных дорог, — самое подходящее место для гнезд реполовов.

Птички совсем не боятся постоянно бегущих грохочущих составов. Часто приходилось видеть: идет паровоз клубит дымом и паром, стелет его вдоль обочин, а на про водах рядом поют коноплянки и не слетают, не тревожатся ничуть.

Реполов для Урала — прилетная птичка. Он появляется рано, едва первые проталины зачернеют в полях между сырых и грязных скипевшихся надувов. Если весна теплая, ранняя, реполовы прилетают под Свердловск в последние числа марта. А впрочем, ранний прилет птиц зависит не столько от сроков наступления весны, сколько от того, какой была зима. В мягкие «спротские» зимы птички, подобные реполовам, не отлетают далеко, зимуют в средней полосе России и возвращаются раньше.

Реполов, наверное, самая миловидная птичка из всего семейства вьюрковых. Я очень люблю слушать нежно

главного союзника любителя певчих птиц. За редкими исключениями все птички, прожив полный год в клетке и благополучно закончив линьку, делаются спокойнее. Иногда и такое обдерживание не требуется. Лучше приручить, однако, лучше по песне. Все это надо испытать лично на практике, а она часто опровергает, казалось бы, неопровержимые истины. Существует, например, мнение, что реполовы пугливы. Оно справедливо. А мне приходилось ловить таких, которые ни разу «не хлестнулись», говоря словами охотников. Дубровники, как правило, чрезвычай-

Рогатый
жаворонок

кочичков. Жаль только, что красный цвет у реполовов в клетках не сохраняется, а становится буроватым или желтым. Такое «переодевание» окраски с частичной линькой головы и груди бывает перед весной у самцов дубровников, тростниковых овсянок, овсянок-ремезов и других птиц.

Реполов — птица открытых мест. Никогда не водится он в лесах или садах. Он любит селиться в полях и оврагах, на мелколесных опушках по соседству с огородами и пашнями. Ему по душе бурьянные пустоши, конопляники по задмам деревень, зеленые лысы, залежи и всякая, как говорят в пародии, заросшая сорняком земля. Тут реполовы кормятся, а гнезда строят поблизости на низких сосенках, елочках, кустах можжевельника. Ельники и сосняки, густо саженные вдоль железных дорог, — самое подходящее место для гнезд реполовов.

Птички совсем не боятся постоянно бегущих грохочущих составов. Часто приходилось видеть: идет паровоз, клубит дымом и паром, стелет его вдоль обочины, а на проводах рядом поют коноплянки и не слетают, не тревожатся ничуть.

Реполов для Урала — прилетная птичка. Он появляется рано, едва первые проталины зачернеют в полях меж сырых и грязных скипевшихся надувов. Если весна теплая, ранняя, реполовы прилетают под Свердловск в последних числах марта. А впрочем, ранний прилет птиц зависит не столько от сроков наступления весны, сколько от того, какой была зима. В мягкие «сиротские» зимы птички, подобные реполовам, не отлетают далеко, зимуют в средней полосе России и возвращаются раньше.

Реполов, наверное, самая миловидная птичка из всего семейства вьюрковых. Я очень люблю слушать нежное

чечеканье коноплянок, когда мелкими стайками они беспрерывно летят к северу и востоку в мурое апрельское утро. Птицы спешат, нигде не останавливаются надолго. Покормившись едва-едва на буром тощем придорожнике, снова взмывают в воздух. К середине апреля, когда подлетят запаздывающие самки, коноплянки быстро разобьются на пары по своим участкам, непременно по соседству с полями и мелким хвойным лесом. С этого времени самец беспрерывно поет, сидя на сосенке, на верхней мутовке елочки или на проводах. В погожие дни он с песней взлетает и поет над участком на лету, как жаворонок, но недолго. Он кидается на всякого самца, пересекшего границы гнездовья, и часто можно видеть, как реполовы, сцепившись, валяются на землю. Однажды такая пара драчунов свалилась мне прямо в ток, где я поджидал чечевиц. Обычно хозяин побеждает, а чужак поспешно ретируется, оставив в воздухе выдернутый пух.

Инстинктивной защитой гнездового участка пользуются птицеловы-промышленники и ловят от гнезд в западню, на реполова-самца. Такая охота не больше как варварство и браконьерство. Она должна решительно пресекаться. На птичьих рынках нельзя допускать продажу реполова позднее 15 апреля.

К великому сожалению, мне пришлось не раз убедить, что наши егеря, лесники и даже лесничие часто неграмотные в орнитологии люди, не умеющие отличить воробья от вороны. Для таких все мелкие пернатые просто «птички», на которых они махнули рукой, и случай поимки, а главное, наказания птицелова-браконьера — невероятная редкость. А ведь достаточно установить на птичьих рынках регулярное дежурство охотников-любителей, хорошо

знающих птиц, дать им права инспекторов, и случаи браконьерства, ловли самок, нарушения сроков и т. п. можно свести к нулю.

На Урале реполов гнездится дважды — в мае и в июле. В августе-сентябре птицы линяют, понемногу сбиваясь во все укрупняющиеся стаи. Осенью коноплянки обитают исключительно в полях, на задах деревень, в огородах. Там всегда растет подле изгородей дикая конопля, лебеда, пыстырник и чертополох. Часто реполовы кормятся вместе с полевыми воробьями на птичьей гречихе-муравке, обильно растущей по деревенским улицам. Очень охотно они летают на места глинистые и песчаные, старые карьеры, ямы, выработки возле кирпичных заводов, посещают засоренные осотом и суренкой поля, залежи и картофелища.

Отлет птичек идет глубокой осенью, в конце октября.

В это время удачно ловятся коноплянки под проводами телефонных линий и на убранных полях. Однажды, в середине октября, я охотился в таком месте на картофелище. Разбил ток под проводами, построил в стороне нечто вроде огромного гнезда из картофельной ботвы и, сидя в нем в тепле — утро было ветреное и студеное, — с большим комфортом поджидал пролетные стайки. На всю жизнь запомнился мне этот печальный долгий и темный рассвет. Редкие снежинки. Голоса чечеток, щеглов и рогатых жаворонков. Маковым зерном летящие в поднебесье отлетные станицы разных птиц. Запах картофельной ботвы и земли. И несравненная радость ожидания, когда вдруг закричат, зачечекают приманные, и вдали в суровом воздухе слышишь ответные ясные голоса. Реполовы рядком сядились на проволоки, а потом дружно падали на ток.

50 Я поймал за утро одиннадцать великолепных по стати

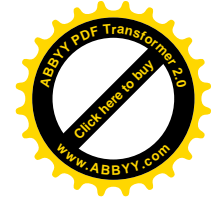
и окраске самцов, были среди них и светлые, длинные северные реполовы и более яркие, короткохвостые, местные. Самок и молодых я выпускал тут же, не считая. Удачнее охоты у меня никогда не было.

Любителю пения коноплянок всегда трудно подобрать хороших птиц, несмотря на то что реполов вовсе не редкость на птичьих рынках. У этой птицы есть много пороков и особенностей, затрудняющих выбор. Во-первых, все реполовы пугливы и такими остаются, прожив в клетке годы. Более спокойными бывают птицы молодые. Реполов никогда не привязывается к человеку и не возвращается в клетку, как делают это часто выпущенные на волю чижи или щеглы. Реполов не берет корма из рук. В клетке некоторые птички постоянно машут крыльями, приплясывают на жердочке или загибают голову к хвосту (дефект неустрашимый). Такие реполовы неприятны, их надо немедленно выпускать, толку от них не будет.

Надо учесть и особенности песни, ведь есть среди коноплянок виртуозы, не уступающие жаворонкам, а есть посредственные певцы.

Вот и получается, что из десятка добрых ярких самцов выберешь себе пару, тройку, остальных выпустишь. Пара хороших реполовов, не диких и голосистых, — большое достояние. Любители дорожат ими и берегут их.

Из всех зерноядных птиц коноплянка наиболее капризная, слабая. У неумелых и нерадивых охотников она почти всегда гибнет в первые месяцы. Неопытные любители склонны приписывать гибель птиц чуть ли не сверхъестественным силам. Был в Свердловске такой старый птицелов и любитель. К его мнению прислушивались, а он говорил так:

— Птица, она к дому, значит. Вот у меня все хорошо живут, а репол да клест — никак. Сколь ни держал, проживет неделю-две, натотуршится и изгибнет. Не к дому птица... Вот, значит, как.

Секрет содержания реполовов раскрылся мне после многих мучительных разочарований. Случалось, что прекрасные певцы, за которыми я ухаживал самым тщательным образом, вдруг начинали хохлиться и быстро гибли. Оказалось, все дело в корме, а главное, в режиме кормления. Реполов — птица полевая, питающаяся тощенькими семенами сорняков. Грубые, но вкусные масляные семена конопля и подсолнуха, которые он выбирает из смеси, вызывают у него расстройство пищеварения, воспаление кишечника и гибель. Реполова надо содержать на смеси: просо, лен, сурепка, салат, конопля. И эту смесь давать не один раз «навалом», когда птичка объедается на выбор, а два раза в день малыми порциями, чтобы реполов был чуть-чуть впроголодь или по крайней мере съедал все семена — и лакомые, и не очень вкусные. Весной хорошо давать часть пророщенных семян.

Тощенький корм и нормативный режим — полная гарантия, что реполов проживет многие годы, будет здоров и весел.

Правило содержания это применимо ко всем птицам и особенно к чечевицам, зяблякам, овсянкам.

В летний корм реполову дают обильную зелень мокричников, одуванчик и птичью гречиху с полужрелыми семенами. Безусловно и всегда нужны в клетке песок с глиной, известь, малая толика соли.

Запеваает реполов при правильном уходе скоро: весной — через неделю, осенью — через две. Поет много, до

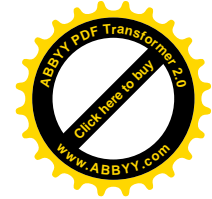
восьми месяцев в году, с небольшими перерывами. Клетку надо вешать поближе к окну (полевая птица!) и по возможности не перемещать.

Птицы вообще не любят частой смены клеток и перестают петь.

Щегол, или щегленок

Такой яркой, расписной птицы и в тропиках не скоро сыщешь. Любители экзотического постоянно вздыхают о пугаях, а ведь, по правде говоря, щегол много красивее, пестрее, необычнее окрашен. Белый, конусом, сильный клюв, красная лента-обводка, черный крестик на темени, коричневые пятна на грудке и желтые, словно кадмием прописанные зеркальца на черных крыльях — все это в сочетании с общим белым фоном делает щегла наряднейшей из птиц, настоящим щеголем, откуда, видимо, произошло его известное народное имя.

Щегол — птица городских окраин, перелесков и лесостепи. В самых больших количествах встречается он тут. Чем дальше на север Урала, в леса, тем меньше щеглов, зато к югу и востоку, под Каменском-Уральским, Камышловом, Челябинском и Тюменью, видел я осенями тысячные стаи щеглов, кочующие по деревенским околицам. Главные кормильцы щегла — конопля и репейник — растут здесь большими полосами. Их дополняет лебеда, высокий чертополох-татарник и седая полынь. Масса птичек кормится здесь на пролете — зяблики, зеленушки, снегирь, но щеглы всегда как-то заметнее, слышнее прочих. С веселым стеклянным «пи-пить-пить, по-пить» перелета-

ют они по репейникам, легкие, воздушные, беленькие, вспыхивающие желтыми искрами зеркала. Одни перекликаются, другие поют, третьи стрекочут и ворчат, и все так весело, живо — залюбуешься. Проплывет над бурьяном ястреб, редко взмахивая острыми крыльями, и тотчас стихнет перекличка. Что это? Исчезли щеглы! Нет ни одного. Лишь подойдя близко, можно увидеть неподвижно сидящих птичек — так растворяется в грязном тряпье сохнувших лопухов их яркая «камуфляжная» окраска.

Щегол никогда не гнездится в глухом лесу. Береза посреди деревни, тополь на окраине, темная липа в тихом саду — тут строят щеглы свое укромное, отлично сплетенное гнездо. Как все мелкие певчие, щеглиха насиживает две недели, и столько же времени птенчики остаются в гнезде. Подобно реполову, щегол выводит птенцов дважды в лето. Сероголовые, без черного и красного, молодые выглядят необычно, словно какой-то птичке, вроде реполова, пришиты щеглиные желтоперые крылья и черный хвост. В августе-сентябре мелкое перо головы обливает, появится красная лента у клюва, черный крестик на темени, щеглы, как говорят птичники, «переберутся» и станут полностью похожи на взрослых птиц, лишь чуть-чуть тусклее тоном. С годами яркость и чистота окраски повышается. Здесь уместно будет сказать и о том, почему незнающие любители часто жалуются:

— Купил щегла, уж чем только ни кормил, а не поет, целый год прожил — песни нет...

— И не будет, — скажет опытный охотник, едва взглянув на такого щегла.

54 Дело в том, что куплена щеглиха, то есть непоющая самка. Самки щегла почти точь-в-точь похожи на самцов,

и этим пользуются на рынках ловкачи-промышленники, сбывая свой товар.

Как же отличить щегла-самца? Вернейший признак — общая чистота, яркость и четкость всех тонов окраски. Кроме того, самец крупнее, большеклювее, черный цвет на голове у него без проседи, черная уздечка вокруг клюва ясно видна и есть мелкие волоски, называемые «усами». Щеглиха всегда меньше, тусклее, крестик на темени у нее выглядит черно-серым.

Ловят щеглов в основном сетью, но в зимнее время можно и западнями. Так делается на перелете, в поле. Возле сети для спуска ставят снопики репья и конопли, предварительно околоченных и вылущенных. Подтайнички с приманными щеглами не маскируют. Прикормка и вода даются обычно. В зимнее время щегол хорошо идет на коноплю. Стая щеглов, заслышав приманных, непременно завернет к току, сядет на репьи, но не найдя семян, один по одному спустится на ток. Тут уж нужны терпение и сноровка, чтобы покрыть чисто. Потом надо отобрать нужных самцов, а самок выпустить.

Принесенные домой, рассаженные по клеткам щеглы долго дичатся и месяц-два не поют. Но с января начинают понемногу «разговаривать». А в феврале запевают в полный голос.

По песне они сильно различаются, и лучшими будут старые самцы с широкой лентой, захватывающей иногда полголовы. В их пении нет трескучих колен-помарок. В наборе первоклассного щегленка должны быть юрчащие зябликовые колена, как бы великолепное вибрато, взятое искусным солистом.

На Урале, да и по всей средней полосе, попадаете ще- 55

гол трех разновидностей в окраске. Крупный, светлый, с едва заметными коричневыми пятнышками на чистой груди и алой полосой в полголовы — «северный», как называют его охотники, попадает исключительно редко. Лет тридцать назад, еще мальчиком, поймал я такого щегла в обыкновенную западню. Дело было в январскую оттепель в пасмурный тихий день. Я ловил щеглят дома, в огороде по репейникам. Пробравшись в уброем снегу по пояс до ветхого забора, я повесил западню и едва вылез обратно, как услышал щелчок западни. Этот щегол-великан умудрился попасть в западню так, что защемил и выдернул хвост. Но даже и куций был он необычно ярко, бел и велик. Песня у него была исключительно звучная и разнообразная. Подобный же крупный щегол жил у меня пять лет, прекрасно пел, а когда я его выпустил, целый месяц ежедневно возвращался ночевать в свою клетку, висевшую отворенной на березе в огороде.

Такие возвращения совсем не редкость. Возвращаются в клетки и щеглы, и снегири, и чижи. Из насекомоядных особенно часто зарянки, варакушки, соловьи, синицы-московки. Они отлично опровергают сентиментальные воздыхания на тему, что «птичке ветка дороже золоченой клетки». Можно даже с уверенностью сказать — хорошая клетка большую часть года лучше голодной ветки.

Другая разновидность щеглов называется «березовики». Это щеглы средней величины с белыми пятнышками под клювом. Ничем особенным по песне они не знамениты, но попадают не часто.

И, наконец, идет обычный мелкий и средний щегол, которого можно назвать полевым. Меж ними хорошие певцы бывают на полусотню один, а остальные поют, что на-

зывается, более или менее. Молодые щеглята-первогодки всегда поют скудно, трескуче и однообразно. Видимо, на этом основании существует еще один разбор щеглов по белым пятнам в хвосте на четвериков, шестериков и восьмериков. Чем больше пятен, тем щегол считается лучше. По-видимому, число пятен меняется с возрастом, тогда же закономерно улучшается песня.

Как большая редкость попадает под Свердловском сибирский седоголовый щегол, без черного крестика на голове. Один такой щегол (самка) жил у меня зиму до весны и был выпущен в мае 1956 года. О достоинствах песни этого некрупного щегленка судить не берусь, но, говорят, она хуже обычного.

Содержание щеглов самое простое. Птичка эта бойкая, крепкая, выносливая. Для начинающих любителей — сущий клад. Клетка нужна 1—2-го номера, обыкновенная. Корм — смесь из семечек, овсянки, проса, конопли и репейного семени с добавлением тертой моркови. Любит щегленок кусочки яблока, белый капустный лист, вареный картофель. Летом нуждается в большом количестве зелени и добавке мягкого корма, пророщенных семян подсолнуха, репы, проса.

Получая достаточное и разнообразное питание, обжившийся щегол поет в клетке почти круглый год, кроме периода линьки, и может прожить до 12—15 лет, что значительно дольше жизни той же птицы в вольных условиях.

В больших садках и птичниках щеглы могут гнездиться. Для гнезда делается чашечка из шпагата, волос, пера, соломы. В клетку ставится сучок березы, а сверху кладутся березовые ветки с листьями. Ветки предварительно нужно подержать в банке с водой.

Зеленушка

Вместе со щегленком, дубоносом и реполовом может быть отнесена к тем птицам, которые любят окультуренные ландшафты. Всякие пригородные лески, парки с засыхающими суховерхими соснами, железнодорожные зоны, окраины поселков и околицы деревень — типичные места, где водятся зеленушки. Резкое «ижжж-ж-ж», составляющее часть пения зеленушек, слышно иногда и на городских улицах с вершин высоких деревьев. Для Среднего Урала зеленушка — пример птицы, недавно распространившейся, особенно по Зауралью. Еще два десятка лет назад она была редкостью под Свердловском, теперь же ее знают все мальчишки-птицеловы. На Урале зеленушку именуют по-разному: зеленовка, крапивник и даже «коло-тень». Последние два названия явно по недоразумению.

Внешний вид этой постоянной спутницы щеглов сразу запоминается. Птичка с крепким конусовым клювом, размером с воробья, самцы желто-зеленые с грудки и тусклые, сероватые сверху. Самки и молодые бледнее. На крыле есть желтое зеркальце, как у щегла. Зеленушка близка к щеглу. В природе известны помеси этих птиц.

Специальной ловлей зеленушек никто не занимается. Они попадают случайно при ловле щеглов и реполовов. Пренебрежительное отношение к зеленушке основано на том, что она весьма капризна в смысле пения — то поет исправно месяц и два, то замолчит на полгода. Качество же песни, за исключением жужжащей трели в конце, вполне хорошее. Но это резкое, неблагозвучное «жжжии» заставляет отнести зеленушку к четвертому разряду. Птицеловы и любители европейской части Союза называют

Зеленушка

зеленушек лесными канарейками. Название, безусловно, искусственное, ибо ничем зеленушка не подобна канарейке, разве что некоторым сходством в окраске.

Во всем остальном: питание, размножение, корм и все правила ловли и содержания — зеленушка не отличается от щегла. Как щегол, она любит бурьяны и кромки полей; как щегол, она лишь кочует в зимнее время, но не является перелетной птицей; как щегол, дважды выводит птенцов, но гнездится на хвойных породах, которых щегол избегает. В отличие от щегла она никогда не образует таких сотенных и тысячных стай, а всегда держится выводковыми группами по 3—5—8 птиц.

Пуночка, или снежный подорожник

В начале марта бывают деньки, когда уже сильно пахнет весной. Темнеет снег, слепит солнышко, хрустальная капель, сверкая и вспыхивая, хороводит по крышам. Баха-

ются, раскалываются на куски ледяные редьки недолговечных сосулек, в солнечном небе томятся притихшие тополя. Это в городе. А на полевых желто-гладкоукатанных дорогах, еще не тронутых горячим лучом, вспугнешь вдруг стаю красивых белых птичек, словно бы маленьких голубков. Белоголовые и белогрудые, они взлетают пугливо и дружно, но скоро снова падают на дорогу, бегут по ней. «Подорожники прилетели!» — скажешь себе и про себя поймешь, что скоро уже водополье, веселая пьяная весна, когда все зазвенит, заискрит ручьями, запахнет теплом и землей. Птиц же так и называют подорожниками, или пуночками. Сейчас летят они на север, в тундру. Наша даже самая суровая зима для них не в тягость. А в теплую малоснежную зиму большие стаи подорожников колотятся вместе с обычными овсянками по сдувам, гумнам,

Пуночка

кладям соломы и овсяных снопов. Они летают по рекам, где проходит зимний санный путь, и по озерам, где сидят армии рыбаков и остается много крошек, кусков хлеба, мерзлого мотыля и мормыша. Этот даровой корм птички находят с удивительным проворством. Вообще пуночка, несмотря на грузноватый голубиный склад, птица очень живая и подвижная. Стая снежных подорожников — самое приятное зрелище: летят белые птички над зимней дорогой, над бело-голубой чистотой, и вот уже не видно, не слышно их, словно растаяли, растворились.

Еще четверть века назад я наблюдал сотенные табуны пуночек, скитавшиеся в марте и начале апреля по городским окраинам. Они не были редкими в самом городе, и подчас можно было видеть их на почерневшей мокрой навозной мостовой вместе с грязными городскими воробьями, клюющими овес. Сейчас лошадь уже редкость на улицах города, и не стало пуночек. Теперь лишь дважды в год, осенью, в начале ноября, и весной, в марте-апреле, можно иногда встретить пуночек поодиночке, мелкими стайками или в компании красивых рогатых жаворонков и скромных лапландских подорожников. Подчас пуночки летят в тундру очень поздно, как, например, было весной 1966 года. Большая партия этих свежепойманных птичек продавалась на рынке 28 апреля. Специальной ловли пуночек почти нет. Птичка не известна большинству птицеловов, но завзятые охотники знают и любят ее за красивое оперение и смирный добрый нрав.

Я испытывал всегда особенную любовь к овсянкам и подорожникам, дорогим птицам нашей печальной осени и робкой весны. Мне нравятся все эти птички за их красивый полевой облик, выгодно отличающий их от примель-

кавшихся в клетках снегирей и щеглов. Наверное, поэтому я охотился за пуночками, не жалея времени.

Я ловил их по кромкам овсяных полей, у кладей соломы и на некоторых проселках, устраивал заранее обильную приваду. Если есть приманная птица, ловить хорошо. Без нее труднее, но зато и намного интереснее накрыть пару, тройку черно-белых контрастных самцов. Обычно на санный, не очень уезженный, тихой дороге я высыпал килограмм-два подходящего корма — овса, проса, конопли и сурепки. Делать прикорм надо всегда после выпадения первого снега. Когда все поля и жнивья побелели, заголубели, птички быстро находят корм и привыкают летать на него, пока не съедят дочиства. Хорошо также набросать у прикорма охапки соломы — подорожники любят на нее садиться и бегать по ней. Дней через пять я отправлялся на охоту, расколачивал на прикорме сеть и устраивался ждать в бурьяне, в шалашике, а то и просто притаясь за скирдой обмолоченной, светлой, нежно пахнущей снегом и ветром овсяной соломы. Прислонясь к ее колючему, шуршащему боку, стоишь, зябнешь потихоньку, ожидая желанных северушек. Летят над полем стаи тундровых запоздалых коньков, проносятся дружные станички острокрылых свиристелей, большой дрозд трещит и чакает на лиственнице у лесной обочины поля. Низко и плавно летит сорокопут, высматривая мышей и полевок. А иногда надолго затихает все. Лишь шорох снежинок о солому. Снег, снег с темноватых облаков, белый, нежный, зимний свет на все четыре стороны и черная уютная опушка ельника за полем. Как же хорошо, просторно, свежо на душе от этого мягкого снега и осеннего позднего ветра, переметающего снежинки сетчатой грустной метелью.

Вдруг слышишь короткие знакомые звуки. Весь встрепенешься! — Летят! Вот они — белыми голубочками на сером. Падут или пролетят? Снижаются... Развернулись дружно, мелькнув черными крылышками. Сели. Рассыпались. Замерли. И не видно стало — так слились со снегом. Но вот задвигались, побежали, спуют у тока. Рука со шнуром напряглась. Сердце вот выскочит! Ждешь, когда сбегутся кучнее, и дергаешь веревку.

До чего же мила теплая, по-северному напряженная птичка. Все пуночки различны пером: одни — чище, белее, другие — с рыжинками на голове и груди (те, что помолже), у некоторых рыженькое ожерелье, вроде как у дубровника, только посветлее. Эти самые красивые.

С поимки пуночка диковата, но не каждая, конечно, и всегда из трех-пяти покрытых выберешь одну, а то и двух смирных, красивых. Их-то и надо оставить. Старый дикий самец пуночки не скоро запоет. Подержать в клетке парочку снежных подорожников — истинное удовольствие для тех любителей, кто не гонится за классическим пением. Поют пуночки довольно бедно, хотя и приятно. Их можно отнести к третьему разряду певцов с односложной песней. Зато как дорог один вид кроткой женственной северянки, такой белой, чистой, принаряженной.

Клетка пуночке нужна лучше всего длинная, жаворонкового типа, немецкая. Мягкий верх не обязателен. В клетке должен быть камень или кочка. Жердочки две, толстые и шероховатые. Пуночка — птица близкая к овсянкам и к жаворонкам, как бы промежуточная меж ними. Клюв у нее совершенно овсяночный, с особым, присущим всем овсянкам зубчиком на нижней стороне, а ножки, точно жаворонковые, с длинными задними когтями. Птица любит бегать

по земле и на местах гнездовья держится в сухой каменистой тундре.

Корм пуночки: давленный овес, овсянка, конопля и зерносмесь наполовину с мягким соловьиным кормом¹, 2—3 штуки мучных червей. Летний корм тот же, с добавлением муравьиных яиц и рубленой зелени.

Покут пуночки немного, как и все овсянки: апрель, май, июнь. В июне начинается линька, и птички теряют свой прекрасный белый наряд в клетке, он заменяется осенней окраской с рыжинами и пестринами. У самцов снежного подорожника в феврале еще дополнительная брачная линька головы, но в клетке на неподходящем корме ее может и не быть.

Лапландский подорожник

Значительно реже попадает под сеть и совсем не известен рядовым любителям другой вид подорожника — лапландский. Как и пуночка, он тоже бывает на осеннем пролете по дорогам, обочинам полей, окраинным огородам. Но «лапландец» менее заметен, может быть, по малой численности в стаях и не столь видной окраске. Этот северянин одет в буро-ржавое перо под цвет тундры. Он меньше пуночки, на голове и горле — черное пятно. Задние коготки такие же длинные, как у пуночки.

Лапландских подорожников ловят при случае в поле. Они попадают вместе с пуночками, краснозобыми конь-

ками, сибирскими завирушками и рогатыми жаворонками обычно в конце апреля и осенью, в октябре, начале ноября. Все, что сказано о жизни пуночки, относится и к лапландскому подорожнику. Гнездится он в каменистой горной тундре, по осыпям пологих полярных хребтов, на альпийских лужайках. Здесь он многочисленнее пуночки, и везде раздается его громкий однообразный напев. По песне птичка не может быть отнесена к хорошим певцам и содержится только редкими охотниками, что называется «для коллекции». Лапландский подорожник красив и мил в компании подходящих птиц. Однажды целую зиму жило у меня такое тундровое сообщество из двух пуночек, одного подорожника, рогатого жаворонка, чечеток двух видов и краснозобого конька. Жили птички в большом длинном садке, оборудованном под кусок лесотундры. Не скажу,

Лапландский
подорожник

¹ Описание соловьиного корма дано в разделе «Основные правила содержания певчих птиц».

чтобы птицы много пели (время было зимнее), но они доставляли много удовольствия одним своим видом.

К особенностям содержания подорожника относится его меньшая по сравнению с пуночкой приспособленность к зерновому корму. Смесь ему надо подбирать мелкозерную, крупное зерно обязательно давить; мягкий корм, морковь, хлеб и распаренное муравьиное яйцо обязательны. Осенью под Свердловском пролетает он раньше пуночки, от середины до последних чисел октября.

Краснозобый конек и луговой конек

В конце апреля, когда уже все обтает, забуреет и пустые поля стоят пресыщенные снеговой влагой, начинают пролетать на север многочисленные стаи мелких птичек своеобразного облика. В полете они похожи на жаворонков, но мельче, стройнее, и хвостик у них длинный. Пойманная птичка обнаруживает очень большое сходство с лесным жаворонком-юлой, не встречающимся на Урале, и с обыкновенным лесным коньком. Зобик птички может быть ржаво-бурый (краснозобый конек) или обыкновенный охристо-серый с пестринками (луговой конек).

Оба этих мелких конька тоже тундровые птицы и добываются охотниками случайно при жовле щеглов, жаворонков и пуночек. Осенью еще большие, иногда тысячные, стаи коньков скитаются по клеверистам, засоренным полям, омежьям и пустырям. Коньки не редки тогда в огородах и на картофелищах, где собирают они мелкие, размокшие под дождями семена лебеды, крапивы, дикой конопли и подорожника, а также личинок гусениц и тлей. Надобно

66

Краснозобый
конек

заметить, что некоторые комарики, гусенички, жучки-жу-желицы и бродячие пауки необычайно крепки к холоду и подчас встречаются бегающими даже по снегу в теплые дни. Такими насекомыми и кормятся коньки, а также другие поздние осенние птички, отлетающие от нас последними: зарянки, синехвостки, завирушки.

Краснозобые коньки особенно часто попадают осенью. Иногда целые стаи их забегают на ток под большую сеть, настроенную на реполовов. Но крыть птичек не стоит. Пение тундровых коньков намного хуже, чем у их лесного собрата. Специально этих птиц не содержат. Но если любитель хочет подержать тундрового конька ради его изящного внешнего вида, он может руководствоваться правилами для жаворонков или для лесного конька, изложенными в разделе о певчих птицах леса.

5*

67

Воробьи

Воробьи, конечно, не относятся к клеточным птицам, но по систематическим признакам — это певчие птицы, да еще из тропического семейства ткачиковых, к которому принадлежит множество ярких нарядных птиц Азии, Африки. Поскольку воробей часто и есть самая первая мальчишеская добыча, я скажу немного об этих дворовых спутниках человека.

Несмотря на самую широкую известность воробьев, далеко не все знают, что в селениях живет два вида хорошо отличающихся друг от друга (особенно самцы), но одинаковых для невнимательного глаза.

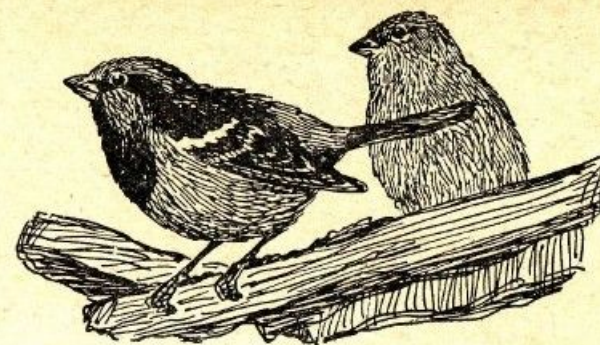
Воробей домовый — самый обычный из городских, хотя и не самый многочисленный в селах, городах и деревнях. Он отличается крупным черным пятном под клювом (галстуком) у самцов и отсутствием особых пятнышек-скобочек на щеках. Эти скобочки сразу отличают другого воробья — полевого или деревенского, более распространенного на окраинах городов и в сельской местности.

Замечу, что воробьи домовые, казалось бы, так приспособившиеся к жизни около человека, постепенно вымирают, число их сокращается год от года и уже на моей памяти сократилось в десятки раз. Тридцать лет назад я видел осенние стаи воробьев (хотя птичка эта оседлая, но осенями табунилась), слетающие с придорожной травы с гулом, подобным отдаленному грому.

Я помню, как, усевшись на крышу сарая, птицы размещались плотной шеренгой во всю длину конька.

Воробьи гнездились тогда под каждой застрехой, во всяком незанятом скворечнике и дупле. Что же послужило

68

Воробей
домовый

причиной уменьшения численности воробьев? По-видимому, главное — отсутствие лошадей. Лошадь, превратившаяся в крупных городах почти в музейную редкость, — вот прежний добрый кормилец невзрачных птичек круглый год и особенно зимой. Полупереварившимся овсом и навозом питалась и грелась вся чиликающая воробьиная братия. Теперь не стало комьев навоза на дорогах, одетые в асфальт улицы и бетонные дома уже не дают воробьям ни приюта, ни места для гнезда, и вот сокращается численность вида без всяких, казалось бы, истребительных причин. Я не думаю, что домовые воробьи скоро станут редкими, как зубры, — птица эта очень изобретательна и уже понемногу приспособилась нищенствовать по бульварам, по скверам и около булочных. Она толчется везде вместе с попрошайками-голубями и урывает себе кусочки. Но не лучше ли нам вспомнить для примера Китай, где воробьев сначала полностью истребили, а потом вынужде-

69

Воробей полевой

ны были ввозить и охранять. Дело в том, что домовый воробей вовсе не такая вредная птица, как думают многие. Вред, приносимый воробьями при склевывании гороха и ягод, с лихвой окупается несчитанно великим количеством садовых и огородных вредителей, которых воробьи уничтожают летом. Вряд ли так полезен поселившийся на короткое время скворец, собирающий свой корм на луговинах и в полях, как прожорливая семья воробьев, с ранней весны до первого снега оглядывающая каждую огородную былинку. Посмотрите, как хлопотливо прыгают они по грядкам, как старый суровый воробей гоняется за жуками по комьям земли и, поймав, задорно подсакивает к трепещущему крыльями желторотику. Очень хлопотливы серые «дворняги», ведь за лето надо прокормить два-три выводка. А кому не придавало бодрости бойкое чириканье, когда с первым ласковым теплом воробьи клубками начнут

гоняться за воробьями, и токовать, и драться, и падать прямо под ноги прохожим.

Может быть, вы просыпались ранним-рано, слушали особый гомон этих птиц, приветствующих свежее новое утро, еще задолго до солнца...

Итак, бросьте им зимой горсточку крошек и зерен, воробьи заслуживают такого внимания.

Далеко не столь полезен более красивый воробей — полевой. В окраинных районах он везде вытесняет домового, и за численность его нечего опасаться. В последние годы в связи с развитием садоводства и великим множеством скворечников (которые предприимчивые садоводы стали делать даже из железа?!) для полевых воробьев создались прекрасные условия. Кормясь в садах и на полях, этот воробей приносит вред посевам и ягодникам, хотя и здесь вред несколько окупается уничтожением насекомых. Вопрос вреда и пользы полевых воробьев еще ждет своего научного разрешения.

Я уже сказал, что воробьев ловят только мальчишки, и сам я в раннем детстве деятельно охотился на этих птичек с обыкновенным ящиком, под который подставлялась палка с веревкой и сыпался прикорм — овес. Прячась за сараем, я азартно подстерегал немудрую добычу, смотрел, как воробьи собираются своей забавной поскобью на приваду под ящик. Дерг! Хлопается ящик, и я бегу доставать теплых, кургузых, клюющих птиц, чтобы через день другой их выпустить и снова ловить.

Воробьи, при всей привязанности к жилью и людям, в клетке очень дики (особенно полевые). Раз заподозрив неладное, они уже не идут в ловушки за исключением молоденьких большеголовых и глупых воробушков, которые

часто попадают летом в западни на любую зерновую приманку. Содержать воробьев в клетке может, конечно, лишь чужак или мальчишка. Но если вы желаете получить ручную птичку, преданную хозяину, как добрая собака, выкормите червями и хлебом в молоке птенчика-воробья, лучше из вида домовых. Я не встречал более привязанных потешных и нахальных птиц, пожалуй, за исключением выкормышей скворцов.

Ласточки

Деревенская, городская и береговушка. В городах и селениях еще очень обыкновенны ласточки — птицы, также относящиеся к певчим, хотя содержание их, несмотря на очевидную красоту, слишком затруднительно. Ласточки — настоящие дети воздуха. К беспрестанному полету приспособлено все их стройное обтекаемое тело, крепкие острые крылья, гладкое оперение. Когда видишь ласточку в полете в белом небе, над крышами, создается впечатление, что она плавает в воздухе без усилий, — вот так же легко и невесомо плавают рыбы.

Самый обыкновенный вид ласточек — деревенская вилхвостая касатка, так любовно называл птичку народ. Распространенная по всему сельскому Уралу, она широко известна и в европейской части и в Сибири. В городах касатку замещает меньшая по величине, более скромная в своей двухцветной окраске и с хвостом без длинных «вилки» — ласточка городская.

Наконец, ласточка береговая — еще меньше городской, 72 с поперечной полоской по зобу — известна своими коло-

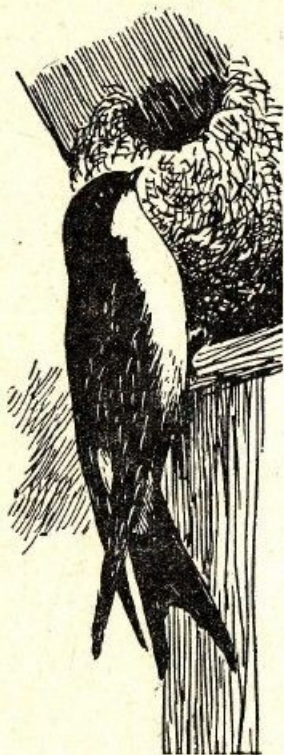
ниями по берегам рек в обрывах и, как правило, тоже близ жилья. Если два первых вида строят под карнизами глиняные гнезда-чашки, скрепляя глину клейкой цементующей слюной, то береговушка роет норы, довольно длинные, до 2 метров. Большая колония береговушек из года в год гнездится под Свердловском на полуострове Большом Конном возле электростанции в старых зольных отвалах.

Все ласточки прилетают в мае, по установлении теплой погоды, выводят птенцов один раз и отлетают в конце августа, после стрижей. Раньше всех прилетает деревенская касатка — в первой декаде мая, за ней — городская и береговая.

Касаток я видел в клетках. Были эти ласточки выкормлены из слетков. Такие выкормыши неплохо живут в больших садках на лучшем соловьином корме. Но для истинного любителя хороше-

Ласточка-касатка

Городская
ласточка

го пения птички совершенно неинтересны. Даже красивая касатка поет свою щебечущую песенку не более месяца, у городской же и береговой я никогда не слышал песни за исключением беспрестанного приятного чиликанья, с которым они кружатся над улицами, выгонами, парками, гоняясь за насекомыми - воздухоплавателями.

Ласточки дороги нам как вестники устойчивой погожей весны, тепла, близкого лета, по которому наскучилась душа. Их встречаешь всегда с затаенной радостью: припоминаются летние деньки, жары, широкие грозы, блики зарниц, теплые дождички. Какой-то приятный мир вносят ласточки в вечернюю тишину улиц. Их голоса хорошо слушать утром, спросонек. Негромкие голоса. Но к ним привыкаешь, как ко всему родному, домашнему.

А когда с первыми заморозками сбитые в небольшие

стаи ласточки отлетят, с тоскливой сладостью вспоминаются проникновенные стихи старого поэта:

Взгляну ль по привычке под
крышу —
Пустое гнездо над окном.
В нем ласточек речи не слышу,
Солома обветрилась в нем...

Не нужно только путать с ласточками стрижей, также живущих в городах летом, но не относящихся к певчим птицам. Главное их отличие — большая величина, одноцветная темная окраска (у ласточек брюшко белое) и визгливый свист-крик вроде — «стрижжи-стрижжи».

Певчие птицы лугов, болот и речных урем

В этом разделе мне хотелось рассказать о птицах, связанных образом жизни с близостью воды, с местами сырыми, влажными, топкими, всегда заросшими густой травой, кустами или даже лесным тростником, багульников и сосновым криволесьем. Для певчих птиц растительность имеет самое важное значение, и потому они встречаются в таких местах помногу как в видовом, так и в количественном отношении.

76 Следует оговориться, что болота, торфяники, сырые низины и речные уремы обильно заселены птицами лишь с поздней весны, летом и в начале осени. Остальное время года, особенно зимой, луга и болота пустынные, даже на удивление, и очень унылы. Глубокий снег закрывает траву, заносит кусты до макушек. Метели и выюги безраздельно царствуют на обширных низинах. Все живое отлетает, забивается в спячку или уходит в лес, где все-таки теплее и тише. Мертвая, пустая, заваленная снегом страна — вот зимнее болото, и, кроме нескольких приспособив-

шихся к жизни в тростниках птиц, вроде красавицы белой лазоревки, пернатые здесь — редкие гости. Зато в разгаре весны и лета нет более населенных веселых живописных мест, чем луговины с кустами, тенистые уремы и открытые нетопкие болотца-кочкарники. Как буйно растет тут все на влажной, теплой и жирной земле; кусты и трава тянутся к солнцу на глазах. Все благоухает, горит и сверкает в ярком благостном свете. Нежные глаза фиалок, желтая простота калужницы, белокрыльник, разбредавшийся по самой воде, сочные, пропитанные водой цветочки трфоля, белый сердечник, седоватая пушица — сколько цветов млеет на солнце и прячется в прохладе, нежится в воде и избегает на кочки. Вот малиновые кисти дербенника, по-народному плакун-травы, цветущей до первого снега. Вот прекрасная орхидея-ятрышник, притаившаяся среди осок... Кокушник, лютики, дурманный подбел... И над всем этим живым скоплением красок, ласкающим и удивляющим глаз, звучат голоса птиц. Свистит чечевица, поют дубровники, трещат камышевки, скрипит дергач, покают, щелкают соловьи. Идешь и не перестаешь дивиться то перемазанным в пыльце шмелям, то бабочке-авроре с оранжевыми уголками белых крыльев, то величавому соломенному махаону, пролетающему над кустами, подобно тропическому птицекрылу.

Я очень люблю болота лесные и луговые, простые калужинки в яркой осоке, с бегающими в ней жуками-радужницами, кочкарнички, просыхающие в летний жар, и огромные лесистые моховища-мшары с прячущимися в их глубинах черными озерами, с разводьями и бездонными окнами. Мшары, пожалуй, единственные теперь места, где первобытно сохраняется лес, зверь, птица, куда избегают 77

заходить вездесущие туристы, охотники и грибники. Хороши болота, но больше всего люблю я нежных болотных птичек. Они и в клетках выглядят как-то необычно, утонченно, все эти варакушки, соловьи, золотистые дубровники и наряднейшие чистюли-плиски.

Тростниковая, или болотная, овсянка

Самая простенькая птица весеннего болота — тростниковая овсянка — птица, отчасти похожая на полевого воробья, но гораздо стройнее, тоньше его и по окраске имеющая лишь приблизительное сходство. Весной самец болотной овсянки щеголяет черной окраской головы, снежно-белым ошейником и светлой чистой грудкой, лишь с боков тронутой пестринами. Осенью, после линьки, окрас головы с рыжеватыми наствольями сходен с окраской самок и молодых, которые гораздо рыжее, глинистее и не так красивы.

Болотная овсянка прилетает рано, в первой декаде апреля. Под Свердловском самый ранний срок отмечен 2 апреля 1965 года. Она вполне может составить компанию самым первым прилетным гостям: жаворонку, реполову, скворцу и белой трясогузке. С прилета птички держатся на обтаявших дерновых буграх, по дорогам, ведущим через луга и вдоль речек, везде, где растут раkitник, вербы, корзиночный ивняк. Особенно любит тростниковая овсянка заброшенные, зарастающие мелким лесом торфяники. Здесь по сухим долгим релкам уже в середине апреля можно услышать более чем скромную песенку болотной овсянки: «цыть-цыть-цыть-цыре... цыть-цыть-цыть-цыре...»

Щеголь-самец, прилетевший на неделю раньше буровой самочки, сидит на засохшей, выдающейся над кустом ветке и без конца упражняется в немудром своем искусстве. Где-нибудь поблизости тростниковые овсянки устроят и гнездо, прямо на земле, под кочкой, под куртиной нависшей травы, но обязательно в сухом месте, не заливаемом полной водой. В середине мая у них уже птенцы, которых усердно кормят оба родителя.

Как клеточные птицы болотные овсянки не представляют большого интереса. Их содержат те охотники, кто собирает коллекции овсянок и подорожников. Есть редкие любители до этих пугливых и скромных птичек с приятным «диким» обликом.

У овсянки тростниковой (самцов) в году две линьки — полная и неполная. Полная бывает в августе-сентябре, когда птички гнездятся. В буром осеннем перье они и отлетают с Урала поздно, во вто-

Камышевая овсянка

рой половине октября¹. Неполная линька головы у самцов происходит в феврале-марте. Буроватое осеннее перо заменяется черным. Сразу после частичной линьки самцы начинают петь и поют весьма усердно до конца июля.

Корм тростниковой овсянки — обычная смесь зерна с добавлением двух-трех мучных червей и какого-нибудь мягкого дополнения в виде тертой моркови с сухарями или хлеба в молоке. Ловятся болотные овсянки на прикормку лучком или самоловом. Прикорм следует делать у того куста, где самец больше поет. По качеству пения овсянку можно отнести лишь к пятому разряду.

Варакушка

Это было лет тридцать назад. За ветхой изгородью нашей усадьбы находился большой пустырь. Там росли лебеда, полынь в человеческий рост и полосы серых репьев. Кроме грязных беспутных коз, никто не забредал туда, но для меня пустырь был милее двора и огорода. Пустырь всегда казался огромной, неведомой и дикой страной, если учесть, что в детстве все кажется больше и заманчивее. С трепетным сердцем забирался я сюда — искал жуков, подкарауливал бабочек, слетающих в жаркий полдень на цветущий бурьян. Но больше всего я любил бурьяны осенью, когда появлялись на пустыре разные пролетные птицы.

В бурьянной заросли так тихо и глухо. Терпкая горечь

¹ Не спутайте с похожими по осенней окраске овсянками-ремезами, которые отлетают гораздо раньше — в последних числах сентября.

полыни перебивает слабые запахи лопухов, лебеды и малинового пустырника, мешается с пряной сухотой розовых тысячелистников, бодяка и дурманного клоповника. Здесь просиживаю я долгие счастливые часы, глядя, как стайки птиц летят высоко в небе, как птицы вдруг сбиваются, ныряют и падают в бурьян. Они отлично знают пустырь и валяются, говоря языком птицеловов, сотнями. Здесь кормятся долгохвостые лесные коньки, бегают, как то ни странно, перепелки, выюрки с пронзительным жвяканьем и кевканьем садятся в лебеду огромной станицей. Тотчас, чем-то напуганные, они срываются, пролетают над головой серой мелькающей выюгой. До глубокого снега держатся по репьям щеглы и зеленушки, а к первозимку появляются чечетки и снегири.

Отлично помню, что среди всех птичек, названий которых я тогда не знал, попадались на глаза удивительно изящные пичуги с голубыми «манишками» на груди и красноватым хвостиком. Птички были светлобровые, стройные, тонкоклювые. Чем-то напоминали они крошечных куличков. Вместе с голубогрудыми держались такие же по складу, но без голубого, а только с темным неясным полумесяцем на беловатой грудке (самки). Все они ловко бегали, шмыгали в стеблях лебеды и ловко прятались. Однако, когда я сидел тихо и не шевелился, птички переставали пугаться. Они подбегали на расстояние вытянутой руки. Я видел, как они хватали жучков, с подлетом гонялись за мошкаррой, хватали мелких ночных бабочек и склевывали еще что-то. Иногда они замирали, словно бы в испуге, задрвав двухцветный с рыжинкой хвост, и стояли так долго. Что за птички? Я звал их тогда голубогрудками.

Позднее на пустыре построили дома, разбили сквер, насадили деревья. Не стало здесь пролетных птичьих табунов. Но о голубогрудых птичках я вспоминал, теперь я знал точно, что это были варакушки — птицы соловьиной породы. Лишь осенью бывают они на пролете по таким пустырям, огородам и заброшенным кулигам. Весной же и летом живут эти пересмешницы, забавницы на болотах, в урмах, по мочажинам, обросшим кустами, по луговым речкам.

Когда идешь в апреле через оттаявшее болото, дивясь обилию света, воды, голубизны, варакушка уже тут как тут. Вот она скрипит, звенит, прищелкивает. Горлышко так ходуном и ходит...

Она прилетает намного раньше ближних родичей — соловьев, с которыми живет по соседству. 24 апреля 1951 года — самый ранний, отмеченный мною срок.

Свою затейливую песенку варакушка начинает через два-три дня по прилету. В песне сплетаются и соединяются в одно трели соловья, колена дубровника, трели камышевок, скворчиное бормотанье, храп уток, свист погоныша, голоса куликов и даже кваканье лягушек. Всегда варакушка добавляет свою собственную хрипловатую вставку, звучащую примерно так: «ивва-рак-рак... и-вва-рак». Наверное, отсюда птичка получила свое тарабарское имя. В разгар гнездовья варакушка токует — взлетает с песенкой с вершины куста и планирует, подобно лесному коньку, на другой облюбованный куст или прямо на землю.

Все варакушки сильно отличаются по набору в песне (особенность пересмешников). Наряду с непревзойденными по точной копировке певцами попадаются такие хрипуны — тошно слушать. Конечно, это молодые птицы, песня

которых не сложилась, но есть и старые самцы, бесподобно чирикающие воробьем, стрекочущие сорокой и даже каркающие.

Помимо колен наших болотных птиц, варакушки передают и голоса заморские — зимует птичка в Африке. У меня бывали варакушки, издающие тихое треньканье, как на средних гитарных струнах, а одна кричала низким голосом какой-то ночной птицы — возможно, цапли.

За необычайную красоту оперения — голубой нагрудник с красной звездочкой посередине и буроватой каемкой — варакушки ценятся охотниками высокого класса¹. Да и поет она в клетке много. В треть голосов начинает уже с октября и так пропевает изредка. С января начнет прибавлять все громче и чище. В полный голос войдет в феврале и поет громко до июля. Конечно, главное условие долгой и громкой песни — правильное содержание. Содержать варакушку надо в соловьиной клетке с мягким верхом обязательно, иначе птичка собьет в кровь надклювье. В клетке нужны две жердочки и посередине сухая веточка-рогулька, тут варакушка будет петь. Хорошо и кочку ей поставить в уголке. К корму голубогрудка более строга, чем соловей, всякие суррогаты осваивает медленно, однако, когда привыкнет, ест с охотой, лишь бы корм был свежий. Смесь для варакушки обычно соловьиная: $\frac{1}{3}$ моркови, $\frac{1}{3}$ муравьиного яйца и $\frac{1}{3}$ мяса вареного и крутого яйца, 3—5 мучных червей обязательно. В летнее время мешают до половины свежего муравьиного яйца. Число мучных червей со времени громкого пения увеличивают

¹ Бывают варакушки с белым пятном на синем или даже без пятнышка по сплошному голубому.

до 10—15 в две порции. Хорошо ест мотыль (малинку), но давать его следует понемногу.

Ловят варакушек в начале мая, с прилета. Уже в середине месяца ловля должна быть закончена, так как к этому времени птички разбиваются на пары. Ловить их для опытного охотника совсем не трудно. Прежде всего надо «выслушать» птичек. Для этого стоит утро-другое побродить по сырому мелколесью, купам луговых кустов, возле овражков и обросших раkitником канав. В глухом, закрытом лесу варакушки никогда не встретятся. Выслушав хорошего певца и усмотрев, где он чаще держится, делают на земле обильную прикормку из мучных червей и муравьиных яиц. Варакушки находят корм скоро, и тут можно не торопиться с установкой лучка — птичка будет прилетать или прибегать до тех пор, пока не соберет все или не будет поймана. Шалаш и укрытие для ловли не обязательны. Однажды я поймал самца варакушки, стоя в трех шагах от лучка, весь на виду. Иногда эти птички ловятся при охоте на соловьев, дубровников, ремезов, прикармливаясь раньше всех. Если варакушка поймана до 15 мая, ее можно оставить. Пойманных по случаю позднее надо немедленно отпустить. Они уже загнездились, и никакой песни охотник не дожидется. Довольно пугливая, нервная в клетке, свежепойманная варакушка может даже погибнуть от шока. Все это должен знать каждый настоящий любитель и не надеяться на «авось выживет». Надо помнить, что самец и самка варакушки насиживают яйца оба, сменяя друг друга. Поэтому поздняя ловля — потеря гнезда.

Осенний лов варакушек может быть обилён по сырым и заглохшим углам, например, по берегам торфяных канав,

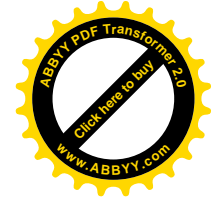
по осени ловить приходится без песни, наудачу, и попадают тут варакушки молодые, с бедной хриплой песней.

Отлетают варакушки постепенно. Ни стай, ни сколько-нибудь значительных компаний они не образуют, появляясь в отлетное время повсюду в огородах и садах. Отлет приходится на конец сентября. Самая поздняя дата, когда я видел варакушку, — 12 октября 1965 года. Она держалась в кустах вишенника и выбегала кормиться на только что вскопанную грядку. День был теплый не по-октябрьски, стоял в тишине и безветрии.

Варакушки очень привязчивы к месту и никогда не уходят от гнездовья далее 10—15 метров. Однажды я купил у старого, но мало смыслящего в содержании птиц охотника больную нахохленную варакушку. Этот охотник каждую весну ловил и соловьев, и других птиц, был очень кичлив, самоуверен, но, как правило, насекомоядные у него гибли к зиме, посаженные на гнилой суррогатный корм и в темные клетки. Варакушка была в линьке и тоже погибла бы. Два дня я откармливал ее мучными червями, а потом выпустил в кусты смородины, надев на ножку медное проволочное колечко. Мельком видел я варакушку и в августе, и в сентябре, а в первых числах октября поймал снова лучком в снежный и ветреный день. Птичка вылиняла на славу, вид имела здоровый и веселый.

Эта варакушка оказалась средних достоинств. Громко запела в декабре и пела до июня. Она отлично передавала голоса уток, свист чирков, крик перепела и бекаса.

Несмотря на то, что варакушки долго не привыкают, их можно рекомендовать опытным любителям как прекрасную клеточную птицу.

Соловей

Синяя свежая ночь. Черемуховые кусты у воды. Ни шороха, ни звука. И вдруг удивительно: будто стонет черная желна, угукает филин, вопит неведомая лесная нечисть и тут русалочьим смехом, дивным свистом перемежит, раскатится, разнесется и замрет.

— Иди... иди... иди... — зовет кто-то.

— Чо-чо-чо-чо-чо, — заговаривают темень, кусты.

— Угу-гу-гу-гу... угу...

— Чо-чо-чо-чо-чо, — отзывается темный берег.

Соловьиные места. На Урале они располагаются по ручьям и сырым займищам с высокой, еще не подкошенной в июне травой, по мелким речонкам с насквозь видным галечным и песчаным дном, плутающим в распаханных полях, меж ложков и оврагов.

На черноземных берегах речек растет урема — тихие кусты ракитника, кое-где размеженные березкой или осинкой. Но главным образом берега речонки застилает черемушник. Черемуха, черная и гибкая, весной немилосердно обламывается любителями ее горько пахучих цветов, забелевших в майском пасмурном холоде, а летом сплошь осыпанная глянцем вяжущих ягод, дает такую буйную корневую поросль, через которую ни пройти, ни проехать, разве как-нибудь проломиться к воде. Часто по ее прямостоячим побегам ползет и вьется северный хмель, вьюнки висят лешачьими бородами. Зубчатолистая жальница-крапива стережет и пугает всякого.

Листья, вьюнки, крапива и хмель... Тут полным-полно насекомых. В зеленом сумраке порхают красные стрекозки, голубянки роются и вьются над солнечным пятном.

Соловей

Глубь уремы полна темнотой, и не скоро заметишь там соловья, словно бы самую душу зеленых дебрей, их голос и сказку.

Соловьи прилетают не так уж поздно в сравнении со всякой южной птицей. Еще до распускания первых листьев являются они в любимые места, но в холодную погоду совсем не показывают себя. Не поют. Самых ранних соловьев видал я восьмого мая. Тихонько перебежали они в голом черемушнике, быстро скрываясь из глаз.

Числу к 11, 15-му соловьи начинают петь, сперва робко и немного, на первой заре, а чем теплее становится, тем дольше. Идешь соловьиной речонкой, полями, и вдруг он защелкает в береговых кустах.

Екнет сердце охотника. Прилетел... И слушаешь, слушаешь его. Знали бы вы, как хорошо услышать первого

соловья. Сколько морозных дней прошло, сколько снегов, сколько зимней тоски...

Весна гуляет по земле. Жаворонки поют, поют над полями. Еще рано. Нет солнышка. А уж светло, свежо на востоке. Редкий туман жмет в низинки. И пахнет холодом, и проснувшейся землей, и сырой, обомлевшей за ночь травкой, и светлыми черемуховыми почками.

Самого соловья не увидишь. Он сливается в кустах с ржавым тоном жухлой листвы и коричневой корой веток. Разве что перелетит, тогда скорей обозначит себя. И странно: сперва заметишь дрогнувшую ветку, а потом уже неясную тень птицы.

Он не боязлив. Иные соловьи, из молодых, конечно, подпускают шага на три. Пробрешься в чащу, тихо сидишь в уреме, следя за соловьем.

Птичка крупноватая, но поменьше певчего дрозда, луноглазо-удивленная и очень изящная, как-то благородно точеная, перебегает по земле, быстро ворошит клювом листья. Иногда она стремительно схватывает что-то. Останавливается, насторожив голову, красиво поворачивая хвост вверх, вбок и вниз.

Она поглядывает на меня, точно прикидывает: опасно? нет?

Видимо, решив, что большой беды не случится, соловей принимается за прерванные занятия.

Я проверял не раз, что ищут соловьи под опавшим листом. Разгребал его осторожно и всегда находил желтые твердые личинки жуков-щелкунов, тех самых, что удивляли нас в детстве умением прижимать усы, прогибаться и подскакивать с легким щелчком, едва перевернешь их на спину. Всякому, кто копал полевою картошку, знакомы

эти личинки-проволочники, насквозь буравящие гниловатые клубни.

Время от времени соловей издает негромкое «фи... фи... фи...», а когда настораживается, слышен глухой и приятный храп: «кrrrr... карrrr...»

Но вот птичка «набиралась», легко порхнула на удобный сучок. С минуту соловей сидит в задумчивости, взъерошив перо, точно великий маэстро, которому давно нет дела до слушателей, и он, не стесняясь их, задумался попросту: что бы исполнить сейчас?

И вот такое ясное звучно-глубокое «фьи-у-вить...». Соловей запел. Всегда смешны, хоть небезосновательны, попытки звуками нашей речи передать соловьиную песню. Она так своеобразна, так странно сладка, дика, нежна, так необычайны издаваемые птицей высвисты и крики, что трогают до озноба. Особенно, если слушать соловья до утренней зари, когда кругом тьма и тишина, а поле, и звезды, и черные кусты тоже слушают, слушают. Слушают и молчат... Только так, узнав соловьев, понял я, как открытие, стихи Толстого, например его «Родину». Помните:

Край ты мой, родимый край!
Конский бег на воле.
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле.
Гой ты, Родина моя,
Гой ты, бор дремучий,
Свист полночный соловья,
Ветер, снег да тучи.

Песни соловьев в полную силу начинаются с двадцатых чисел мая. К этому времени на занятые самцами участки прилетают соловьи. Они появляются примерно через 89

неделю, много через две после прилета самцов и так же внезапно, ибо летят ночью. С первого дня прилета соловей гоняется за своей рыжей, точь-в-точь похожей на него, соловьиной, ухаживает за ней. Их постоянно можно видеть вместе. И стоит ей куда-нибудь отлететь, как самец беспокойно кричит и кидается на поиски.

А уже через неделю в самом захламленном, заросшем травой и молодыми побегами месте соловьи строят гнездо. Я не раз находил эти рыхлые, словно наспех свитые из сухих травинки гнезда с розовато-коричневыми яичками. Они помещались то меж корнями черемухи, то под свесом приросших к земле ветвей, даже под кучами сухих, нарубленных с осени веток.

Там же встречал я позднее темноватых и крапчатых снизу (признак родства с дроздами) шустрых соловьев. Уже на девятый-десятый день они убегают из гнезда и шмыгают по уреме, как мыши, помаленьку привыкая к самостоятельности.

Они ловят и стерегут всякую живность, бегающую по теплой листовой подстилке уремы. Они подкарауливают жучков, склевывают пауков, гоняются за мошкаркой и пяденицами и сами часто становятся добычей горностаев, ласок и хорьков, всегда живущих в таких дебрях. Очень помогает соловьям бесподобное умение прятаться, затаиваться, замирая на минуту и более. Птички делают это часто. Как же трудно различить такого окаменевшего вдруг соловья среди листьев, травы и веток!

Вывелись птенцы. Пение соловьев стихает. Да и одних ли соловьев? Откуковала горюнья-кукушка. Не слышно печальных строк дубровника. Молчит варакушка. Утихли жаворонки в полях. К августу птицы становятся незамет-

ны. Идет линька — трудное время. Всякая птица норовит укрыться подальше от врагов, а соловьи и подавно не увидишь. Только по редкому призывному фиканью узнаешь, что он еще тут. А в первые числа сентября ударят холодные утренники, и пойдет соловьиный ночной отлет — не известный никому.

В отлетные солнечные дни вспугивал я иногда соловьев прямо дома, в огороде, в малиннике. Они держались всегда поодиночке. Никогда — ни весной, ни осенью — не замечал я соловьиных стай. Выпорхнет рыжая тихая птица, канет в широкий куст. И жаль станет. Теперь уж до новой весны не услышишь ее ключевой голос.

Отличное пение соловьев, однако, не причина для их массовой ловли. Вы никогда не увидите соловья на птичьем рынке рядом с обычными чижами и снегирями. На весь наш миллионный Свердловск не наберется и трех охотников, у кого бы жили, а главное, пели соловьи. Слишком трудно содержание нежных птиц для неопытного любителя. Ведь соловей не какой-нибудь зерноядный щегол — коноплю и семечки не ест. Подавай ему муравьиные яйца, мучных хрущей, живых тараканов, и тертую морковь, и вареную телятину, и рубленое яичко вкрутую. Иначе капризная птица петь не станет, а поет соловей немного — месяца два-три в году. Остальное время он молчит, как немой, быстро разочаровывая нетерпеливых любителей.

И все-таки я очень любил соловьиную охоту. К тому же, тогда я работал в школе, и как было не показать ребятам звонкоголосую русскую красу? Иные ведь про соловьев на Урале слыхом не слышали.

Еще не капало с крыш и снегом мело в окна, а я уже начинал обдумывать, где буду искать дорожную птицу. Пе-

реберешь в уме все знакомые речки, торфяники, болотца и мочажины. Везде будут соловьи, да ведь поймать-то надо лучшего из лучших. По песне они очень различны. Молоденькие соловьи-первогодки и поют все равно как молодые петушки — хрипло и бедно. Два-три колена — и все тут. Зато меж старых птиц попадаются — до двадцати колен дают самых невероятных. Мне же надо было соловья не простого, а с лешевой дудкой — есть такое у них дикое и прекрасное басовое колено, будто бы сам леший кричит: «ого-го-го-го, у-гу-гу-гу-гу». Такое под силу редкому соловью — на сотню одного не разыщешь. И ловить соловья надо как можно раньше, с прилета, пока он не загнездился. Соловьев от пары только подлец и браконьер ловит. И все равно птица у него не запоет, погибнет скорее всего.

С первых чисел мая начинаешь готовиться. Пересмотришь, перечинишь сеть-лучок. Сто раз попробуешь, как он кроет. Даже ночами не спится. А весна, как назло, едва бредет и то дождичек, то снег подсыпает. После первого мая часты такие озимки. Глянешь поутру — белым-бело, а на черемухе, на тополях почки вот-вот лопнут, и горихвостка на заборе сидит, дрожит хвостиком. Вечерами, а когда позволяет время, — и утром, уезжаешь слушать соловьев: не явились ли? Ходишь, ходишь по речкам... Нет. Уже и варакушки поют в уреме, пеночки рассыпают переливчатый голосок. Нет соловьев. Холодно... Наконец потеплеет словно. Пасмурный такой, темный вечер. Заря уж едва тлеет. И вот он начал!

Дня три бегаешь, не щадя ног, пока выберешь по песне. Редка лешева дудка. Зато услышишь — с места не сойдешь.

Иду я однажды по речке Шиловке и слышу: гремит соловей. Дудку дает неслыханную. Следуют и другие колена чередом: гусачок, кукушкин перелет, иволга и дроздовый накрик, и все это соловьиной дробью с перещелком покрывается, да как чисто! Стал я его высматривать, подходить. Вижу: соловей крупный, статный, на высоких ножках — картинка. И не боязлив. Иные ведь пуганые соловьи на глаза не покажутся. А этот близко подпускает — то в черемушнике гремит, то на отдельную ольху невысоко взлетит. Заведет раскат, и слышу я, как у него что-то в горле чмокает, точно он воду холодную жадно пьет, не может напиться.

Теперь надо было мне найти то место, где он держится. У всякого соловья есть такой любимый куст, чаще всего сухой, погибший, в который не просунешься без риска выколоть глаза. Птичка в этом кусте сидит тихо, отдыхает, чистится, перышки оглаживает. Иногда и запоет вполголоса, будто портниха за работой.

Долго я лазал по уреме, собирал на одежду жадных весенних клещей. Их много бывает в мае в таком вот сыром мелколесье. Куст я нашел по кучкам беловатого соловьиного помета. Тоже ведь птичка-птичка, а не святым духом живет. Соловей бегал в кусте и тихонько, осторожно каркал, поводя хвостом.

Я разгреб под кустом сухие бурые листья и на влажный чернозем насыпал прикормку — горсть куколок рыжего лесного муравья и десяток мучных червей.

Прикорм на черной земле яснее видно. Птичка находит его скоро. Другой соловей через десять минут бежит к прикорму, машет своим вертячим хвостом. Поклюет — и ставь тогда лучок...

Жду я лешачью дудку, жду... Не торопится. Очень уж мудреный соловей оказался. Поет, бегаёт в кустах, а к прикормке не хочет подходить. Уж я его подгонял, уходил, снова возвращался — все бесполезно. В конце концов он дичиться стал. Хрустнет сучок — соловей летом за речку. Улетит и поет там в черемуховой островине, попробуй его достань.

Так ни с чем я и ушел. На другое утро, до свету еще, иду пешком. Автобусов нет. Трамваи едва из парка вывозятся. Километров пятнадцать надо идти. Прибыл я на место, уж солнышко в полдерева поднялось. Первым делом — под куст. Съедена прикормка! «Уж теперь-то ты, друг, попадешь! Мой будешь!»

Наладил я лучок-самокрой, веревку протянул подальше в ивовые кусты. Сел там и жду. Не слышно что-то «мою» лешеву дудку. Поздновато уж. Солнышко всю пригревает. Шмели кругом жундят, виснут на желтых ивовых пуховках. Весь ивняк стоит в этой дымящей желтизне. И даже в лицо летит липкая нежная пыльца. А бабочки кругом — траурницы, крапивницы, желтушки! Черемухой сильно пахнет. Везде она распустилась. У самых моих ног в сырой тени доцветают высокие синие медуницы. Они уже выбросили шершавые ланцетные листья. И по ним, и под ними хлопотливо мечутся муравьи.

«Уж не они ли собрали прикормку?» — испугался я. Сколько раз так бывало. Насыплешь прикормку для птиц, а соберут мураши.

Вдруг бежит кто-то там по земле. Рыжее в кустах мелькает. Он! Вот вроде бы в точку забежал. Плохо мне видно. Однако надо крыть. Дернул я шнур.

94 Подбежал к сети. Что за наваждение?! Прыгает в луч-

ке голубогрудый рыжехвостик — самец варакушки, такает с испугу. А неподалеку, гляжу, соловей сидит, поводит хвостом, и вид у него, как у мальчишки, проведавшего о ребячьей засаде.

Поругался я, да делать нечего. Выпустил варакушку — все дело она мне испортила. Снова оставил прикормку и ушел с пустыми руками. Вот она, птичья охота... И еще через денек наведалься. Пораньше пришел. Сажу с лучком, слушаю. Поет соловушка то на ольхе, то в ближайших черемухах, то в кусты упорхнет. Около одиннадцати исчез, замолчал. Слышно — листья в кустах шелестят. Кормится, значит, бегаёт где-то там у точка. Шнур я держу на весу. А сам приглядываюсь, стараюсь соловья рассмотреть. Вижу! Идет он к току. Идет! Тихонечко так, перебежками.

Дрожат у меня руки, и сердце колотится. Вот всегда так. Уж которого соловья ловлю, а не могу привыкнуть.

Подбежала птица к лучку. Встала на дужку. И так и этак голову повернет, смотрит, сторожится. Вот спрыгнула в ток. Клюет да оглядывается...

Я так сильно дернул шнур, что лучок сорвало с земли. Но соловей все-таки покрылся. Запутался в сетке. Упал я на колени, закрыл его поверх сети ладошками и засмеялся. Наверное, со стороны за сумасшедшего приняли бы. Переждал, пока пройдет дрожь, успокоился, стал тихонечко его распутывать, а он сердится, клюется и чакает.

Красавец соловей попался. Перышко к перышку. Хвост рыжий, спина коричневая, а снизу весь серый, пепельный, белогорлый. Убрал я его в матерчатую клеточку, снял снасть и пошел домой вброд через Шяловку. Море мне теперь по колено.

Переправился благополучно, даже в сапоги не заплес- 95

нул, а там песок грядой лежит. И до того он был чистый, намытый, с золотинками, что захотелось мне его побольше набрать, жаворонкам принести.

Я снял котомку, достал походный мешок и стал нагревать песок горстями. Какое-то детское удовольствие грести песок так, руками, когда ощущаешь его тяжелую сырую прохладу.

Раскат соловья вдруг загремел позади. Я обернулся. Никого. Но раскат повторился, и вдруг лешевой дудкой закричала котомка. Это в темноте, в тесной клетушке колдовал мой соловей. Тут я в него совсем уверовал...

Дома выбрал клетку получше, с мягким верхом, с деревянными спицами. Высадил соловья, а он даже и не подумал биться. Попрыгал, попрыгал, за корм взялся. На третье утро запел. Да так чудесно запел, лучше, чем на речке. И сейчас живет у меня этот соловей. Я не запираю его клетку, и он любит бегать у меня на столе, ворошить листы бумаги. Я даю ему мучных червей, и он берет их с ладони со своим учтивым соловьиным поклоном.

Такой соловей редок. Иной бывает сильно пуглив. Долго бьется, обламывает перо. А петь начнет поздно и мало поет. Вообще соловей не из тех, что гремят по 8 месяцев в году. Самое долгое время песни — восемь весенне-летних недель да изредка осенью в октябре-ноябре. Исключений из правила слишком мало. А свежепойманная птица поет и того меньше, 3—4 недели.

Обдержанный хороший соловей начинает петь в марте, сначала неполным голосом, потом все чище и лучше, а к концу месяца в полную силу и поет так до конца июня. Все это при условии исключения любого правильного питания и режима.

Питание в клетке зимой: сухое, обваренное кипятком муравьиное яйцо — 1 часть, морковь, тертая с хлебом, — 1 часть и сырое говяжье мясо, перемолотое в мясорубке, — 1 часть.

Весь корм перемешивается и остуживается. Мясную часть время от времени заменяют рубленым крутым яйцом, вареной печенкой, сердцем или вареной говядиной.

Такая смесь называется соловьиной и пригодна решительно для всех насекомоядных птиц, а также как часть корма — зерноядным.

Ежедневно соловью дается до 15 мучных червей в два-три приема по 5 штук. Поющей птице число червей и куколок можно довести до 30, но соответственно уменьшая количество другого корма. Менее охотно птица берет ягоды: бузину, чернику, смородину, черноплодную рябину. От них соловей скидывает круглые погадки из кожуры и косточек. Любители должны знать, что соловьи склонны к ожирению, а ожиревшая птица не даст песни ни весной, ни летом.

Клетки для соловьев нужны крытые, можно невысокие, малогабаритного типа (№ 2). Хорошо, если есть тамбур с песочком, навесная или вставная купалка обязательна — птичка любит купаться и полощется каждый день. Хороша для соловья клетка ящичного типа (см. раздел о клетках). В ней он ведет себя спокойнее и, главное, не обивает перьев во время полета.

Почти все соловьи в пролет (сентябрь и апрель) не спят ночами, беспокойно прыгают. И если бока у клетки не закрыты, птица быстро портит хвост, крылья, надклювья. Такой обтерханный соловей выглядит жалко, поет реже, а то и совсем молчит. Если ящичной клетки у вас

нет, заложите боковины картоном на все время пролета и оставляйте на ночь хотя бы очень слабый свет (ночник, 15-ваттная лампа). Это правило очень важно для всех почтовых пролетных птиц (дроздов, славок, камышевок).

С появлением свежего муравьиного яйца его добавляют в корм понемногу, заменяя сушеное, и летом дают две трети к основному корму.

Летний корм соловьев и всех насекомоядных птичек отличается лишь большей долей муравьиных яиц, а за исключением их — двойным количеством мучных червей, жуков и куколок.

Свежепойманную птицу к суррогатному корму приучают после того, как кончит петь, постепенно отнимая свежее муравьиное яйцо и заменяя его распаренным сухим, морковью и мясом.

С меньшей охотой соловей может есть мотыля (малинку), резаных дождевых червей, мормыш, творог, хлеб в молоке, пшеничную кашу и даже тертую коноплю, высушенные семечки и рубленую вареную колбасу. Но все это лишь добавки, присадки к основному корму. Кто собирается содержать соловьев на таком корме, — не получит ничего. Чаще всего птица погибнет и уж во всяком случае не станет петь.

Живут соловьи в клетках подолгу, если уход за ними надлежащий и корм достаточно хорош. Петь восемь и даже десять лет для них не предел, не ждите только от соловья круглогодичной песни, будьте довольны им и так за его благородную простоту. Соловей ведь очень красив, когда чист, здоров и весел. Уж он найдет чем вас порадовать.

98 Но если вы не готовы, нет корма, нет оборудованной

клетки, мучных червей, а главное, если вы рассчитываете просто на «авось и так запоет», не беритесь содержать и ловить соловьев, ничего хорошего из этого не получится.

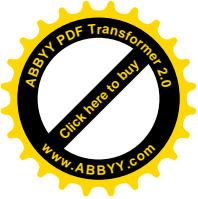
Дубровник

Насколько бедна песенка болотной овсянки, настолько же красива и звучна свистовая гамма другого болотного певца — дубровника. Дубровник тоже из овсяночной породы и также придерживается сырых мест, иногда соседствует с тростниковой простушкой.

Широкие заливные луга и плесы, низкие займища, где вплоть до начала лета не спадает полая вода, ходят нерестовые щуки и островами стоит цветущий ивняк, — вот любимые уголья дубровников. Селится он также по окраинам болотца, на торфяниках и сырых выпасах для скота.

Помимо красивого пения дубровник блещет и окраской пера, очень напоминая пестрого со спины желтого кенара, если бы кенар имел голову кофейного темного цвета и коричневое ожерелье-полоску поперек зоба. Такой наряд носит дубровник-самец с третьего года. Более молодые дубровники тускло-желтые, почти без нагрудника и шапочки; самки совсем по-воробьиному серы сверху, снизу чуть желтоватые.

Хотя в подходящих местах дубровник многочислен, птицеловы его знают мало, редкие любители имеют в своих подборах чудную луговую птичку. Малое знакомство с дубровником объясняется тем, что прилетает он на Урал поздно. Средняя дата появления под Свердловском — 25 мая. Самая ранняя — 21, поздняя — 28 мая. Птички

являются с последней прилетной волной, где прибывают камышевки-сверчки, камышевки садовые, пересмешки, иволги. К этому времени сезон ловли кончен, снасти убраны до осени. Да и поймать дубровника какому-нибудь «щеглятнику» не под силу. Птичка строга, на приманную идет плохо и на прикормку не очень падкая.

В прошлом году выслушал я на торфяном болоте чудесного дубровника. Было их тут много, но либо трудно к ним подобраться — поют на релках меж непроходимыми топами, — либо песня слабенькая. А этот поет в гриве кустов у края заросшего тростником разреза и больше всего на сухой обломанной березке держится. Замечу, что все птицы, и не только певчие, любят садиться на разного рода сухостой и пальник.

Дубровник был очень хорош: длинно-грустно выводил он свою песенку. Раз-два споев однотонно, потом будто регистр какой передвинет и то же самое нежно, задумчиво переведет. И смирный, близко подпускает. У них, у дубровников, так: или уж дикари ужасные, или спокойные такие — диву даешься.

Стал я к березке из-за кустов подходить, обошел ракитник, на виду шагаю — поет, вот уж до березки пять шагов — не улетает. Тут я совсем осмелел, под самую подобрался, а он сидит, только замолчал.

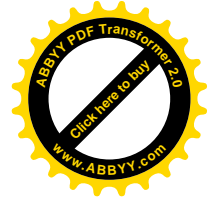
«Ох ты, милый, хороший!» — думаю, на колени встал и — скорее точок расчищать. Рву осоку, да на его золотистую грудку поглядываю. Быстренько все до земли расчистил, прикормку насыпал: мучных червей, муравьиных яиц да проса с коноплей: «Ешь, мол, прикармливайся», — а сам назад, чуть не на четвереньках.

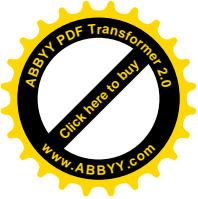
Только стал из болотины на твердую дорогу выбирать-

ся, показалось — колесо в траве железное лежит. Шагнул ближе — колесо зашевелилось. Голова поднялась. Гадюка! Такая огромная, метр с четвертью будет. Гадюку эту я зарубил своей саперной лопаткой. Подождал на дороге, не спустится ли дубровник, но он все шел на березке, а потом отлетел. И я ушел восвояси.

Через день являюсь снова. Дубровник тут, поет на березке. Змея убитая в кочках валяется. Уже посохла. А прикормка поедена. Просо получено. Все в порядке! И ставлю я лучок-самолов. Запривадила я его мучными червями, замаскировал травой и пошел побродить на торфянике. День выдался не очень жаркий, с тучками, но все-таки сухой, хороший. Все болото налито голосами через край — погоныши свистят «футь-футь, футь-футь», чирки в разрезах — «трик-трик, свись-свись». Соловей у опушки щелкает. Варакушки захлебываются, в разрезах ондатры будкают. Вылезет на сухой рогоз огромная такая крыса коричневая, вроде бобра, и чистится, жуется. А заметит — плюх в воду, ушла. Все в эту пору на торфянике свежее, новое, лаковое: листочки, прутья ракитника, цветы калужницы. Белокрыльчик болотный цветет, лягушатник по воде розетками стелется. Сядешь у бережка разреза, и сколько тут разной живности хлопочет, бегают, суетится, плавают, каждый по себе, со своей заботой и нуждой...

Прихожу я обратно — захлопнут самолов и прыгает в нем самец тростниковой овсянки... «Ах, незадача, испугнул ведь он теперь дубровника». Выпустил я тростникового «воробья». Снял самолов. И как раз дубровник на березку прилетел. «Нет, — думаю, — все равно я тебя дождусь. Лучком поймаю». Скорее, скорее лучок вместо самолова поставил, шнур привязал, огляделся — некуда мне спрятаться.

Только грива кустов у прикорма, а дальше ровное болото. Нечего делать, отошел я шагов на десять со шнуром и лег под кусты. Хотя и не видно лучка, зато дубровника сквозь ветки вижу и, если он вниз юркнет, я тотчас приподнимусь и дерну шнур. Часа два я так лежал под кустами. А дубровник то поет, то улетит, то снова объявится. Закоченел я совсем в сырой траве, уже уходить надумал. Вдруг птичка кончила петь, пощыкала тихонько, повертелась — и вниз. Стал я на руках приподниматься, чтоб увидеть ее, а в это время что-то тихо так около рук «с-с-с-с». Поглядел. Нет, ничего. Снова приподнимаюсь — и опять «с-с-с-с». Вижу, дубровник на точке клюет. Дернул шнур. Есть! Соскочил — и к добыче. Когда распутал, посадил в кутейку дорожную птицу, подумал, а что это там, под кустом, сипело, жук, что ли, какой. Пошел поглядеть. На самом том месте, где я лежал, еще одна змеица огромная свернулась, голова настороже, и язычок черный полощет. Так меня всего и ободрало с ног до головы. Вот кто сипел. Как она меня не клонула, до сих пор удивляюсь, почти в обнимку лежали.

Вовремя пойманный спокойный дубровник запеваёт иногда в тот же день. Загнездившиеся птицы песни не дают и могут погибнуть. Следовательно, добывать дубровников надо лишь в последние майские дни. В клетке птичка поет в течение мая-июня. Обжившийся дубровник петь начинает с марта и поет до июля с небольшими перерывами. Корм зимой — зерновая смесь наполовину с «соловьиной». 2—3 мучных червя обязательно. Летний корм с добавлением свежих муравьиных яиц и рубленой зелени. Не перекармливайте птичку, она склонна к ожирению. Полная линька идет поздно, в октябре. В марте у самцов бывает частичная линька головы, сероватое осеннее перо

заменяется кофейным. На плохом, бедном корме цвет грудки у птиц тускнеет. Клетка дубровнику должна быть первого номера, с мягким верхом обязательно, птицы часто вскидываются вверх и в жесткой клетке разбивают надклювье.

К вопросу о ловле добавлю, что иногда дубровник идет в западню на приманного, но далеко не каждый.

Белая лазоревка, или князек

Из бойкого лесного племени синиц одна белая лазоревка — подлинно болотная птичка. На Урале и в Сибири она попадает, хотя и не часто, а в Европейской России исключительно редка.

Необыкновенная, снежно-белая, с голубым хвостом, серой спинкой и голубыми крыльями, она несравненна по красоте и миловидности. Недаром народное название синицы — «князек» — как бы подчеркивает ее исключительную статью.

Князек — житель заболоченных речных урем и лесистых озерных пойм с камышом и рогузом. Есть она также в лиственном ольховом чернолесье и болотных торфяных сосняках.

Гнездятся и выводят птенцов лазоревки в глубине болот, в дуплистых гнилушах-ольхах. К осени выводки выходят на края большого леса, залетают иногда в городские парки, но долго здесь не задерживаются. Зимой отыскать лазоревку может лишь очень знающий охотник. Птички сбиваются на зиму в теплые и обширные тростники. Можно пройти в двух шагах от птички и не заметить ее, тихо

ползающую, перелетающую по стеблям рогоза и полым метелкам камыша. В это время лазоревки молчаливы. Редко-редко раздастся где-нибудь их переливчатый крик. Белая с голубым окраска так хорошо сливается с занесенными снегом тростниками, с комочками снега, синего в тенях. Вероятно, отсюда сложилось неверное мнение, что лазоревки откочевывают. Мнение это основано на домыслах. Надевая пойманным синицам медные проволочные колечки, я с точностью абсолютной установил, что выводки князьков лишь меняют одно место обитания на другое и далеко от гнездовий не уходят.

Лазоревка редко идет в западни на других синиц. Ловить ее нужно на белую же лазоревку, в крайнем случае, на лазоревку зеленую, крик которой почти тождествен.

Впервые я поймал князька в окрестностях разъезда Гать, что в 30 км от Свердловска. Был там хорошо оборудованный точок на стыке овсяного поля и листовенной опушки. Слева шла железная дорога, а за нею как раз и начиналось лесное болото, из которого прилетали разные дикие птички, вроде щуров, сорокопутов и рогатых жаворонков. Лазоревки тогда я знал лишь понаслышке и по книгам, никто из местных любителей их не имел.

Я хорошо запомнил темный ноябрьский день. Все кругом уже стояло в нежном неосевшем снегу. Пасмурный вяжущий свет разливался по-над землей, над молчаливым лесом и полями. Я поймал с утра двух густо-красных снегирей и одного серого, сибирского. Можно было кончать ловлю, но я почему-то медлил. Не хотелось уходить из этого первозимнего леса, такого присмирившего и печального, но еще не вымороженного до нелююдности долгой зимой.

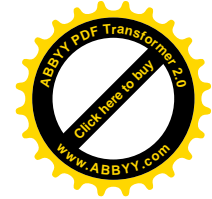
На току, покрытом пухом пороши, стояли в клетках приманный снегирь и синица-гаечка. Вдруг синица призывно запищала, а из-за линии, низом, перелетела к току странная бело-голубоватая пятнистая птичка. Она покрутилась на голом березовом кусте и сразу кинулась в ток. Я едва успел дернуть шнур и через мгновение стоял над сетью, разглядывая невиданную белоголовую пташку. Синяя полоса через глаз подсказала мне, что это лазоревка. Но какая? Князек! Белая лазоревка!!

С великой осторожностью я распутал добычу и, чтобы не выпустить как-нибудь, сунул руку с вцепившейся в пальцы синичкой подальше за пазуху. Потом выпустил снегирей, еще затопчут красавицу, и посадил лазоревку в носилку. Теперь я торопился на разъезд, беспокоясь, как бы доставить птичку живой и невредимой. Охотник я тогда был неважный: ни мучных червей, ни муравьиных яиц в запасе у меня не было.

Дома посадил лазоревку в матерчатую куролеску, надавил кедровых орехов, семечек, коноплю, поставил баночку с моченым в молоке хлебом. В кухне на русской печи нашлось с десяток полудохлых зимних мух. И они пошли в дело.

На другое утро, едва рассвело, я с тревогой заглянул в смотровое окошечко. Птица прыгала по жердочкам как ни в чем не бывало. Вот схватила орешек, зажала в лапке, стала быстро, толково долбить, отщипывать желтоватую масляную мякоть. Она ела с видимым удовольствием.

Три года прожила у меня эта лазоревка и была выпущена в тех же местах, где поймана. Я не встречал птички более умненькой и занятой. Как отлично она знала свою

клетку, как забавно охотилась, летая по комнате за мухами и мелкой серой мошкаркой в цветочных горшках!

Кормил я лазоревку хлебом в молоке, кедровыми орехами, семечками, сырым мясом, вареной картошкой. Летом в корм до половины примешивались свежие муравьиные куколки. Такой корм можно рекомендовать для всех князьков. На одних орехах или хлебе у лазоревки развивается болезнь глаз, подробно описанная в разделе о аяблюдах. Спасти заболевшую птичку очень трудно. Если болезнь не зашла слишком далеко, надо полностью исключить зерновой корм, давать больше мучных червей и сырого мяса, мотыля, мормыша. Воспаленные веки глаз смазываются слабым раствором марганца.

По качеству песни белая лазоревка относится к плохим, содержат ее лишь ради исключительной внешности. Клетка этой синичке нужна с частой решеткой, можно с мягким верхом или ящичная. Князек хорошо уживается в садках со всеми птичками. При садочном содержании неплохо повесить синичке берестяную дулянку, в которой птица будет спать и прятаться. Самцы князьков отличаются несколько большей величиной и яркостью окраски. У молодых неперелинявших синичек на голове сероватое круглое пятно. Иногда в первый день лазоревка не берет корма. В таком случае надо накормить ее насильно, как указано в разделе о свежепойманных птицах.

Уже на 2—3-й день упрямая птичка начнет есть сама.

Говоря о синицах, живущих в болотных местах, не могу не упомянуть маленькую перелетную синицу-ремеза, совсем не известную птицеловам, но достаточно описанную всюду из-за своих странных гнезд, свитых из пуха и волосков, наподобие кошелька или варежки, ценькового цвета.

Ремез на Урале начинает встречаться южнее Свердловска. Уже под Каменском-Уральским я находил его гнезда, висящие на концах ивовых веток над самой водой. О содержании этой пискливой юркой синички ничего не могу сказать, ибо не ловил ее и не наблюдал в клетках.

Примерно до тех же мест доходит распространенная в дельтах рек и на степных озерах усатая синица. На озерах Челябинской области она встречается по тростникам, чаще осенью и весной. Птичка крупноватая, рыжего тона, длиннотелая и очень бойкая. Несмотря на все старания, мне не удавалось ее раздобыть. По рассказам очевидцев, усатая синица водится в тростнике и зимой.

Камышевки

Существует мнение, что камышевки не живут в неволе. Его распространяют те, кто камышевок не держал, а главное, не ловил. Замечу, что птицы действительно требовательны к уходу, ловить их трудно, но все они отлично живут в клетках при умелом обращении.

Видов камышевок, живущих в средней полосе летом, много. Большинство из них непригодны для содержания из-за трескучей надоедливости песни. Специальной ловли камышевок нет. Их добывают только исключительные любители. Остановлюсь на описании нескольких видов.

Все камышевки — типичные жители болот, влажных опушек, озерных пойм. Они есть и в заглохших сыроватых садах, и в травянистых оврагах. Камышевки сходно окрашены: буровато-рыжий цвет верха и светловатый охристый низ. Клюв у них сравнительно длинный, хвост округлен, манера держаться и песня различны.

Самая известная камышевка, широко расселенная повсюду, — барсучок. Названа так за полосатую головку, чем отличается от других камышевок с однотонной окраской верха. В старинных руководствах она иногда называется поручейница камышевая.

Птичка эта с громкой, но трескучей песней, все чистые звуки которой перемежаются с характерным верещаньем, вроде: «цыри-цыри-цыри, чере-чере-чере, чип, чип, чип, чер, цыре-цыре, чип-чер-чер-чер».

Барсучок более прочих камышевок связан с водой, тростниками и поет всегда в поймах. Прилетает раньше других, в первой декаде мая. Для содержания в клетке по качеству пения он не годится, разве только с научными целями. То же можно сказать и о нескольких видах камышевок-сверчков, отличающихся от барсучка однотонной головой и песней, напоминающей треск зеленого древесного кузнечика или стрекотание цикады. С трудом веришь, что звуки, несущиеся из высокой болотной травы, издает не насекомое.

— Зер-зер-зер-зер-зер... — без остановки стрекочет сверчок соловьиный, отчасти похожий по окраске на соловья.

— Спр-р-р-р-р-р-р — пронзительно свистит более мелкий и слегка пятнистый сверчок обыкновенный. Таково же примерно противное, по крайней мере для меня, колено в песне многих зауридных кенаров.

Камышевки-сверчки живут в травах и никогда не селятся у воды в тростнике, как барсучок. Прилетают они очень поздно, в конце мая, в числе последних пролетных птиц.

Но в семье камышевок есть и замечательные певцы, на содержании и ловле которых хочется остановиться.

Барсучок

Как-то, в самом конце мая, я ловил дубровника на прикормку в кустах по берегу речки. Возле моего точка, сделанного меж черемуховых кустов, все время пела непонятная и почти невидимая птичка. Она складно высвистывала куликом-чернышом, причитала канюком и чибисом, выкрикивала колена из песни славок, и все это размежалось и дополнялось коротенькой приговоркой: «чек-чек-чек, хи... чек-чек-чек».

Сперва казалось, что варакушка пересмешничает, но ведь варакушка всегда поет на виду, еще на кустик выскочит, на самую макушечку, а эта хитрая птичка на глаза не показывалась, шмыгала в глубине огромного — островиной — развалистого куста черемухи, насквозь поросшего корневыми побегами. Да и строй песни у птички был не тот. Кое-как, на четвереньках, пробрался я в куст, сделал прикормку. Очень загорелось мне добыть занятную говорушку. Через часок проверил — съедено все дочи́ста. Поставил самодов и только к полудню услышал его мягкий

Садовая
камышевка

хлопок. Некрупная, с пеночку, долгоносая, буроватая сверху и светлая с грудки птица со страху опачкала мне руки. Да что поделаешь?! Дома с помощью определителя я установил, что поймал камышевку садовую. Поместил ее в клетку с деревянными спицами. Клетку обвязал полотенцем и поставил на окно. Прошла неделя, но круглохвостая упрямая пичуга молчала. Appetit ее приводил меня в ужас: мучных червей и муравьиного яйца она съедала больше соловья. «Не самку ли поймал?» — грызло меня сомнение. В конце концов я выпустил камышевку в огород, и в тот же вечер в кустах смородины у забора послышалось ее красивое знакомое пение с характерным прищелкиванием. Камышевка старалась вовсю, а я ходил до темноты ее слушать и ругал себя за поспешность. Стоило продержать птичку еще какие-нибудь день-два, и она запела бы дома. В этом я не раз убеждался позднее, когда набирался терпения и «ждал» пойманных птиц.

Выпущенный самец еще долго держался в садах по соседству. Пел утром и ночью, чем удивил всех соседей, немедленно заявивших, что в садах поселился «соловей». Горожане часто принимают за соловьиное любое ночное пение, например, такой обычной птицы, как горихвостка-лысушка.

Садовые камышевки совсем не редки у нас, на Урале, и в европейской части, хотя являются они очень поздно, под Свердловском, например, от 23 мая до 2 июня самое позднее. Из всех камышевок они наиболее «сухопутные» и могут быть отнесены к птицам опушек, гарей и порубей, зарастающих малиной и колючим шиповником. Охотно селится птичка в садах, выбирая для гнездовья неприступный крыжовник, однако самое любимое место камышевки — сорные места в пригородных лесах, затянутые высокой крапивой. Острова цветущего пахучего шиповника стоят в июне среди крапивных полей. И в таких

Индийская
камышевка

неприступных крепостях на все голоса посвистывают и щелкают садовые камышевки.

Садоводам следовало бы для привлечения птиц оставлять на зеленых зонах широкие заглохшие кусты. Кое-где связывать ветки пучком. Глядишь, и остановится здесь пролетная камышевка, а ведь это сразу двойная польза: и пения отличного наслушаешься, и работник в саду, какого не сыскать.

Ловят камышевок очень редко, лишь охотники-знатоки, выслушивая по песне. Поют они в клетке до трех месяцев, как и соловей. Иногда такая песня бывает зимой в солнечные дни. Корм соловьиный, но с большой добавкой мучных червей — до 15 штук, в три приема — по 5. Жердочек в клетке побольше, нужны и вертикальные жердочки из стеблей малины. Камышевка любит лазать по ним. Клетка должна быть с мягким верхом, и хорошо, если спицы деревянные. Таковы были отличные кленовые старорусские клетки. Птица в них смотрится — загляденье, и живет хорошо.

Есть на Среднем Урале и южнее еще одна камышевка с песней, похожей на пение садовой. Она держится всегда у воды и часто в тростниках. Это индийская камышевка. По содержанию во всем сходна с описанной выше птичкой.

Трясогузки

Из всех болотных певчих птиц самые заметные для лугового кочковатого болота плиски, или трясогузки. С первых теплых дней до осени нет такого мокрого кочкарника, открытого болота или просто полевой мочажины с застойной

дождевой водой, где бы ни встречали идущего тревожным писком долгохвостые птички, нарядно одетые и непугливые. Их часто видишь также по берегам рек, на влажной полосе бечевника, по песчаным и галечным плесам.

Наиболее известна белая плиска, или белая трясогузка, которую на Урале именуют синичкой, синочкой и даже двоехвосткой. Безусловно, она не имеет никакого отношения к настоящим лесным синицам и с ними никак не сходна. Это беловатая птичка с черным пятном на горле (у самок и молодых пятно выражено слабее и серее) и длинным хвостом, которым она красиво качает на бегу и садясь на камни. Белых трясогузок можно встретить и у воды, и на городских улицах, и в поле, и на крышах

Трясогузка
белая

сараев. Они не стесняются человека, устраивают свои гнезда в полудуплах и пещерках — под камнями, в развалившихся строениях. Появляется трясогузка рано, в числе первых прилетных птиц, вместе со скворцами и жаворонками.

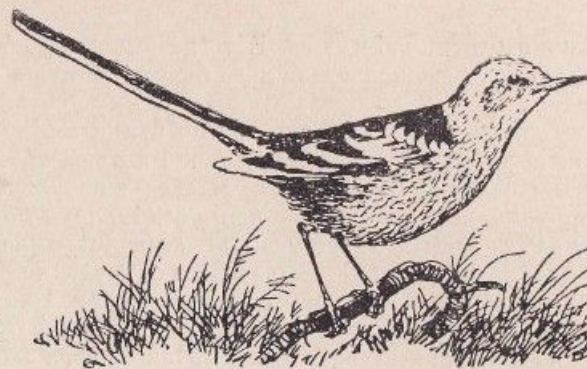
Самое раннее наблюдение относится к 1 апреля 1965 года. Средняя дата под Свердловском — 10 апреля.

С прилета птички держатся исключительно по оттаявшим бережьям озер и прудов, по болотам, по рекам. Целый день они в движении, все перебегают, склевывают что-то в грязи и на синем поднявшемся льду. Иногда самцы трясогузок, более чистые и голубоватые пером, начинают петь, садясь на валуны, изгороди или крыши. Чиликающее, залихватое и нескладное пение белой плиски можно отнести к четвертому разряду.

Самое трудное время для плисок — ранняя весна. На Урале она не проходит без капризных похолоданий, иногда с глубоким снегом, ледяной крупой и гололедицей. Так было, например, весной 1952 года и особенно в 1953 году, когда после благостных начальных дней апреля вдруг хватил сибирский ветер-полуночник с дождем и наутро все — земля, деревья — покрылось ледяной коркой. Было это 14 апреля. Тогда сотни скворцов, трясогузок, зябликов, лесных коньков-шевриц сбились на узкой полосе по разливу теплых сточных вод. Птицы держались тут, пока не потеплело.

Трясогузка — птица насекомоядная. Она кормится всевозможными насекомыми, личинками, всякой водяной живностью, которой кишит прибрежный ил. Во время похолоданий она не брезгует и мелкими семенами болотных злаков.

Желтая
трясогузка

Поскольку по песне плиски не интересна, ее редко ловят и еще реже содержат в клетках. В мальчишечьи годы я ловил трясогузок в пустую западню на прикормку, соблазняясь их красивой внешностью. Птички жили хорошо в самых обычных клетках без мягкого верха. Они получали в корм муравьиное яйцо, мелких дождевых червей и слизней. С осени я переводил их на хлеб с молоком, мотыль и мормыш. В неволе эта птичка скучна, малоподвижна и, сытая, обычно сидит на верхней жердочке до следующей кормежки. Я не рекомендую белую плиску любителям, зато всячески хотел бы поддержать привлечение этой красивой птички на садовые и городские участки. Трясогузка очень доверчива к человеку. Она часто гнездится в сараях и старых поленищах, а если повесить под крышу или в другом подходящем месте простую полудуплянку,

птички охотно займут ее. И тогда выводки забавных долгохвостых неженек целое лето будут пастись в вашем огороде.

Близка к белой плиске другая птица той же породы — плиска горная. У нее тоже черное горловое пятно, но грудка не белая, а желтоватая. Несведущие биологи путают горную плиску с желтой и часто выставляют даты прилета таких «желтых» трясогузок на середину апреля. Горная плиска малочисленна, встречается у речек, текущих среди каменных осыпей, по обрывам и карьерам. Она не селится у жилья. Во всем остальном сходна с белой трясогузкой.

Желтая трясогузка, или желтая плиска, живет летом на широких чистых болотах и по заливным луговинам обязательно с кочками, ржавыми паточинами и зыбунами. Желтая трясогузка распространена совместно с другой плиской — желтоголовой — очень красивой долгохвостой птичкой, отличающейся от желтой тем, что у нее и грудь и голова (у желтой плиски только грудь) яркого желто-оранжевого цвета.

Обе желтые плиски — типичные птицы весеннего и летнего болота. Их пискливые голоса — «псюль, псюли» — слышатся постоянно, мешаясь с перекличкой куликов, гнусавым канюченьем большекрылых чибисов, блеянием бекасов. Когда идешь сухой болотной релкой или дорогой через торфяник, плиски тотчас с криком подлетают и начинают назойливо перелетать в двух-трех шагах или даже виться над головой. Так они показывают, что вы находитесь близ гнезда, расположенного на кочке и прикрытого травой. Они, подобно белой трясогузке, немедленно бросаются навстречу хищнику, будь это огромный тяжелый орлан или просто воробьята сорока, и преследуют их с раз-

драженным чириканьем, налетая со всех сторон, бесстрашно шмыгая у самого клюва.

По способам питания желтые плиски сходны с белой, но никогда не употребляют в пищу семян и, видимо, поэтому появляются на наших болотах гораздо позднее — в конце апреля, начале мая. Исчезают желтые трясогузки в середине сентября.

Содержание их в клетках несложно. Требуется лишь хороший подбор корма (соловьиная смесь с большим количеством муравьиных яиц). Клетка лучше длинная, ящичная, как для жаворонков. Обязательна кочка с травой и две толстые жердочки. Водопойка широкая. Плиски очень прожорливы. Песня же их еще хуже, чем у белой трясогузки, и потому я даже не встречал охотников, у которых были бы в клетках эти птички. Никто не ловит их специально. Они попадают по случаю, прикармливаясь на точках для соловьев, дубровников и варакушек. Я никогда не крыл, а просто сгонял надоедливую птичку, которая, повадившись на ток, являлась с завидным постоянством. Доверчивые к человеку на воле, плиски в клетке дичатся и бьются в прутья. Неделя и другая пройдет, пока они обвыкнут, но, освоившись, живут хорошо и во всем напоминают белую трясогузку.

Чеканы луговой и черноголовый

Так же случайно при ловле других птиц в лугах могут быть пойманы еще две распространенные «летние» птички — чекан луговой и чекан черноголовый.

Чекан луговой некрупный, мельче воробья, со светлой бровью и красновато-коричневой грудкой. Живет он на лу-

Луговой чекан

говинах обязательно с березничком, сосенками, редко растущими по лугу. Он любит сидеть по макушкам высоких луговых растений вроде конского щавеля.

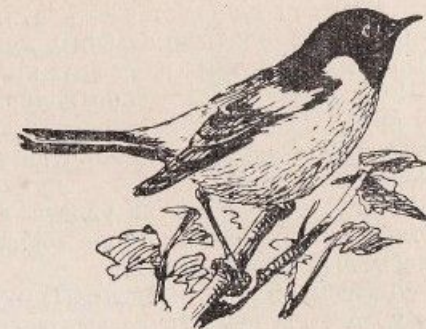
Завидев человека, беспокойно перелетает с тихим однообразным «хи-чек... чек, хи-чек-чек».

Песня очень слабая, коротенькая, щебечущая. То же самое можно сказать о еще более мелком, контрастно окрашенном в черно-белые тона черноголовом чеканчике.

Он держится в более сухих местах и очень заметен.

Прикармливаются и ловятся эти птички довольно легко, но для содержания не интересны, ибо пение их более чем скромное.

Я не один раз ловил и лугового, и черноголового чеканчиков, последних даже парами, вместе с похожей, но сероголовой самочкой. Я тут же выпускал этих хлипеньких, слабых птичек, а уже через полчаса они снова являлись на облюбованный прикорм.

Чекан
черноголовый

В клетке чекану нужен мягкий верх. Корм — как всем насекомоядным соловьиной породы. Предпочтительна клетка-ящик.

Чечевица, или черемошник

В детстве толстые, протертые по углам книги А. Брема «Жизнь животных» были для меня самыми любимыми. Их желтые, пахнущие стариной страницы открывали прекрасный мир, который я любил всей душой, не знаю даже, с какой поры. Еще не умея читать, я наизусть знал все рисунки, а в их числе цветную порванную вклейку, где были изображены птицы с ярким оперением: снегири, щуры, клесты. Почему-то несказанно удивила меня чече-

вица, густо карминово-красная птица, с белым атласным брюшком. У меня были альбомы, куда я очень старательно срисовывал животных из разных книг.

Помню, как благоговейно копировал я длинным вечером яркие красные тона оперения чечевицы и был счастлив, даже не мечтая когда-нибудь увидеть такую птичку, подержать в руках.

Первую чечевицу я не увидел, а услышал. «Твитю ит виттю» — звонко свистела она майским утром в осиннике у железнодорожной насыпи.

«Да ведь это она, чечевица?!» — подумал я и не успел еще увериться, как птичка вылетела на отдельную расхлятившую сережки осину, совсем близко. Приподняв чубчик, раздав горлышко, она ясно выкрикнула свое вопросительное: «Витю видел?» Я шевельнулся. Чечевица беспокойно завертелась на вершине осины, беспокойно оглядывалась, издавая звучное «пйин, пйин», похожее на крик канареек. «Сейчас улетит», — подумал я. Но она еще раз выкрикнула свой позыв, и на осине появилась другая чечевица, вся серовато-коричневая, похожая несколько на молодую самку-воробыиху. Потом обе птицы нырнули в подлесок и смолкли.

Я не пробовал ловить чечевиц. В городе их никто не держал, хотя многие птицеловы знали и называли «черемошниками». Один «старый птицелов» советовал ловить черемошника на цветущую черемуху, набросанную под сеть, другой рекомендовал посадить в западню самку воробья. Все это можно было выслушать с улыбкой. Я помню, что и соловьев тот же «знаток» рекомендовал добывать на воробья. Читатель, наверное, заметил, что такое название я часто употребляю с иронией, оно действительно

так, ведь в большинстве своем «старые птицеловы» — просто старики, не умеющие ни как следует содержать птиц, ни ловить их, зато погрязшие в своих суевериях и усердно передающие их с ложно-авторитетным видом начинающим любителям.

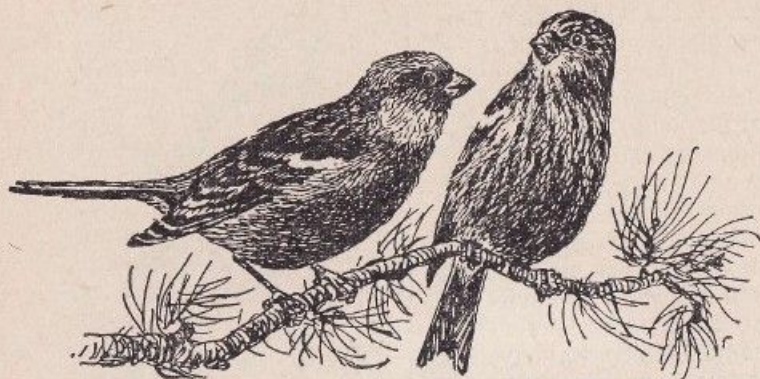
Первую свою чечевицу я поймал на сухой мелкоколесной гряде, глубоко вдающейся в торфяное болото. Замечу, что чечевицы часто держатся мест сыроватых, связанных с водой.

По этой приверженности я и отнес их к разряду болотных певцов. Но реже они гнездятся в мелкоколесье, на ягодных опушках и в густых заброшенных садах.

На той долгой релке цело пять самцов неподалеку друг от друга. Время для ловли оказалось самое подходящее — 18 мая. Черемошники только прилетели. Вообще они появляются у нас не рано. Под Свердловском раньше 12 мая я их никогда не

Обыкновенная
чечевица

Сибирская чечевица

встречал. Я выслушал всех самцов, которые пели очень несходно. Один четко так выводил: «чи-чу, ви-чу», другой: «твиттю-витю», третий нечто вроде: «чуви-чувьи», четвертый и совсем невнятно свистел, добавляя в концовке какой-то призыв. Оперение птичек также было различное. Три самца красные, от рябинового до темно-пунцового на зобиках и голове, а два серо-бурые с пестринами, первогодки. Красный цвет у самцов чечевиц появляется лишь после второй линьки.

Выбрал я красного самца с чистым трехсложным свистом. Чаще он пел на средней высоты сосенке у края реки. Тут я и сделал ток на коноплю, а через два дня накрыл чечевицу тайником.

Птичка была очень осторожна, пришлось строить шалаши и маскироваться.

В клетке она освоилась быстро и пела до середины июля. На другую весну я ее выпустил, так как у чечевицы не прошла линька.

Впоследствии я часто ловил и покупал чечевиц и совсем не согласен с тем же уважаемым Альфредом Бремом, который писал, что чечевица в неволе хилая и болезненная птичка. Живет она в клетке прекрасно, вынослива, как щегол, и неприхотлива, хотя есть некоторые недостатки. Вот они: во-первых, птичка очень подвержена известной всем любителям болезни, называемой «вертоголовостью». Этот порок, когда птица беспрерывно «закидывается», задирает голову к спине, неисправим, но нажить его можно скоро. Ни в коем случае поэтому нельзя держать чечевиц в клетках с полукруглым верхом и в клетках открытых. Прямая клетка-ящик здесь совершенно необходима. Следует и умело расставить жердочки.

Во-вторых, чечевицы сильно подвержены ожирению, отчего мало поют, а главное, не линяют в положенное время или вообще теряют перо. Я видел таких несчастных птичек, почти голых и тем не менее живущих на одной конопле у «старых птицеловов» по нескольку лет. Чтобы линька чечевиц, падающая на февраль-март, прошла успешно, клетку с птицей надо держать на свету, даже на окне.

В пищу включается большое количество разных ягод, рубленое яблоко. Хорошо ставить в клетку веточки березы, липы, ивняка с почками и листьями.

Вовремя перелинявшая чечевица начнет свистеть свой красивый посвист уже с марта. Есть у нее в дополнение к

свисту еще и щебетание, хорошо слышимое дома, но не заметное на воле.

Посвист птицы хорошо перенимают многие пересмешники, особенно скворцы.

Кормление чечевиц должно быть разнообразным, но не обильным. Смесь зерна, черники, малины, смородины, винограда, летом зелень мокричника. Муравьиное яйцо и мучных червей берут далеко не все чечевицы.

Поздней осенью, в начале зимы и весной, в марте, попадаетея под Свердловском еще и другая разновидность чечевицы — чечевица сибирская розовая. Мне трижды приходилось видеть этих птиц, которые несколько крупнее черемошника, розово-серебристые с грудки, толстоклювые. Два раза я покупал их в октябре на птичьем рынке и содержал зиму в клетке. Птицы повадками ничем не отличались от обычных чечевиц, были тихи, пение — очень скудное тонкое щебетание.

В поле 14 ноября 1958 года я видел их 6 штук, кормящихся на полыни и лебеде. По свидетельству заслуживающих доверия людей, чечевицы розовые бывают в предзимье на Урале регулярно. Ловят их случайно, во время ловли чечеток и щеглов.

На чечевицах я заканчиваю раздел болотных певчих. Он тесно смыкается с другим обширным разделом птиц — опушечных, живущих в разнообразном мелколесье и подседе, по окраинам высокого леса, полянам, гарям и вырубкам.

Певчие птицы опушек и кустарников

Может быть, и не следовало выделять этих птиц из разряда лесных. Ведь, например, маленькую пеночку-весничку, встречающуюся иногда и в глубине леса и на его краях, можно посчитать вполне лесной. Но, если разбираться пристрасно, учитывая, где птица гнездится, пеночки все-таки птицы опушек, перелесков и кустарниковых луговин. Они избегают густого большого леса и даже на пролете держатся в светлой опушечной зоне.

Опушки, зарастающие вырубки, большие и малые гари, лесные пашни-кулиги, заброшенные давным-давно, затянутые наглухо осинником, липняком, мелкой березой и сосной, всегда обильно населены птицами. С ласковых ранних дней весны до листопада и первозимья здесь тепло, солнечно, радостно; множество трав цветет желтым, голубым и белым — сыплет к осени мелкие семена; множество насекомых в ветках, побегах и листьях доставляет обильную пищу птицам. Здесь укромные места для гнезд.

Особенно пригодны птицам опушки старых заповедных

рощ с ягодным подлесьем. По пояс стоят там в бузине, калине, жимолости и сизом кипитково-колючем шиповнике многолетние березы и сосны. Молодые березки и сероствольный осинник жмутся, лепятся к высокому лесу. Иногда они отбегают подальше, растут островами кругом в соломистой метельчатой траве.

Птичий хор не молкнет тут с зари до полуночи. Здесь держатся самые разные птички: лесной конек-щеврица взлетает с макушки сосны, забирается с песенкой вверх и плавно скользит на другую вершину, точно бумажный голубок; нежным звоном рассыпаются овсянки; тенькает пеночка; в непролази цветущего, пахнущего югом шиповника звонко чокают славки.

Помимо опушек на Урале нередки и такие места, где лес выгорел на корню от ужасных весенних пожаров. На такие унылые пепелища первое время страшно смотреть. Кругом стоят и лежат обугленные белесо-черные стволы, в золе по щиколотку зарывается нога, ветер вихрит и насыщает едкую зольную пыль и пепел. Ни звука, ни сыпучего шума листвы, ни птичьего голоса... Мертвая, лешая земля. Бесконечное кострище.

Однако после первого летнего ненастья гарь сильно изменяется. Яркие жала лесной осоки вдруг просунутся сквозь замокший и побурелый пепел, а недели через две, если лето мочливое, гарь принимает более чем странный черно-зеленый фон — везде пятна свежей травы соседствуют с намертво опаленным слоем. Через год, другой на горельнике буйно разрастаются травы, в человеческий рост вымахивают побеги лесной малины, пахучая таволга и шиповник. На четвертый год траву побеждает березняк. Он бывает так част и густ, что по нему невозможно

ходить, как по торчком поставленной щетине. Миллионы прямых, шершавых, здоровых побегов тянутся к солнцу, выгоняя за лето метровый прирост. И всегда дивисься всепобеждающей силе жизни, доброте и неистощимости земли... Оставшиеся, опаленные в первый год деревья засыхают совсем. Иные оживают, обрастают корой и листвой. По-новому живописной смотрится гарь: на широком раздолье молодого подлеска одинокие сосны, березы, ели, язычковыми идолами маячат черноликие обломки, стоят, покосившись и прямо, редкие мертвые сухары. Ястреба, канюки и совы удивительно любят такой лес, и нельзя представить сколько-нибудь обширной гари без четкого силуэта кружащего в небе хищника, без канючьего крика, без сидящего на обломанной лесине, вобравшего в плечи голову прямохвостого перепелятника. Обилие хищных птиц не трудно объяснить тем, что на гари полным-полно мышей, землероек, ящериц, что здесь кормятся молодые зайцы, бурундуки и выводки тетеревов. Но самое заметное и разнообразное население гарей — все-таки певчие птицы. Десятки чеканов, пеночек, славок, садовых камышевок и чечевиц селятся здесь в теплое время. Чоканьем, свиристеньем, свистами говорит, разговаривает гарь.

Совсем не такую картину дают лесные вырубки. Мелколесьем они зарастают еще быстрее, чем гарь, но не столь красивы, не живописны, иногда просто унылы из-за удручающего однообразия какой-нибудь древесной породы. На рубках чаще растет осинник. Певчих птиц здесь мало — нет корма, нет места для гнезда. Лишь когда порубь достаточно затянет лесом, число птиц увеличится, но никогда места сплошных сечей не бывают так богаты птичьим населением, как опушки и гари.

Во время осеннего и вешнего птичьих пролетов, в пору неспешных зимних кочевок птицы придерживаются опушек, речных долин, лесных перемичек, делящих полевые массивы. Здесь и нужно любителю иметь постоянное место для охоты. Опушки, особенно кормовые, невысокие, расписанные осенью многоцветьем теплых тонов, — лучшее охотничье место.

Пеночки

Я всегда удивляюсь великой точности народных названий цветов, трав, деревьев, птиц. Разве в слове «снегирь» не слышится глубокая снежность нашей зимы, разве не отразились весь характер и суть доброй спокойной птички? А свистель? А сорокопут? А дребезжащее слово «дрозд», так ясно рисующее крик и характер пугливой птицы. И вот еще слово — пеночка. Прислушайтесь, сколько в нем нежности, женственности, музыкальной красоты! Птичка, названная так, должна быть тоненькой, стройной, маленькой и скромной. И она действительно такова, если говорить о любой пеночке, а особенно о самой лучшей из них — весничке.

Все пеночки сходны пером, величиной и обликом — тонкоклювые, зеленовато-бурые сверху, чуть желтоватые с нижней стороны, словно бы по белому чуть охрой потерто.

От близких к ним славок и камышевок они отличаются самой малой величиной, желтоватой бровью и особым «пеночковым» складом тела. Но главное отличие пеночек друг от друга и от прочих птиц — их пение. Песни пеночек

Пеночка-
весничка

разных видов так неодинаковы, что, услышав их однажды, любитель никогда не спутает перелива пеночки-веснички с простенькой болтовней теньковки, торопливым раскатом зеленой пеночки или сухим стрекотаньем трещотки.

Самая заметная пеночка на лесных опушках и в солнечной зоне лесной окраины — весничка. Ее отличный нежный и округлый, как бы затихающий раскат несколько напоминает зяблика. Но зяблик поет обычно в бодром барабанном мажоре, а весничка выводит таким минорным, сладко льющимся голосом, что дрожь по спине бежит. Очень хороша ее песенка. После долгой зимы вдруг раздается она в голом, но уже чуть зеленеющем, дымчатом от нагрудных почек березняке, и кажется — сама весна зашевелилась. Голосок веснички мы слышим на старых вырубках, и в болотистом сосняке, и в полевых перелесках. Поет весничка на вершине березки, славит обтаявший лес в холоде майского утра, и так-то хорошо на душе становится: снова до весны дожил!

Из всех насекомоядных нежных птиц пеночки прилетают первыми. Если взять три сходных категории: пеночек, славок и камышевок, то пеночки появляются первыми, за ними прилетают славки и в последнюю очередь — камышевки, за исключением камышевки-барсучка.

Я встречал пеночек-весничек и теньковок даже 20—21 апреля (1965 год). Птички еще не пели, а порхали по кустам опушки, спускались на землю и все время деловито поклевывали. Они были так незаметны, лишь тонкое нежное «уить», отчасти сходное с криком соловья и горихвостки, выдавало птиц. Редко-редко начиналась песенка в треть голоса и тут же смолкала.

Через неделю, к 2—5 мая пеночки запевают, и тогда их голоса так оживляют сочащийся водой, белеющий вербами пробудившийся к жизни лес.

Поймать поющую весничку без приманной очень трудно. Хитрая пеночка не идет в мае ни на ток, ни в западню. Лишь при большом желании и терпении, хорошо выследив, где птичка сходит на землю, ее можно прикормить и покрыть лучком. Весенняя охота требует терпения, терпения и терпения, плюс девятно процентов удачи, и тогда весничка ваша. А вот ловля осенью, в сентябре (пеночки задерживаются с отлетом до начальных чисел октября), почти не составляет труда. Осенью по мелколесью, по сыроватым опушкам и в загложших садах птички надоедливо лезут на ток. Щелкая клювом, они гонят с тока любую, подчас очень нужную птицу. И меж собой пеночки очень драчливы — постоянно не ладят. Встретятся два самца и тотчас затевают потасовку, бешено летают друг за другом по кустам, пока один не улепетнет. Осенью пеночки вливаются в синичьи стаи и бродят с ними, придерживаясь

опушек. Осенние пеночки любопытны по-синичьи, птицеловы их кроют часто, но на рынки не выносят. Скромная буровато-оливковая птичка — желтобровка — не клюет коноплю и потому не интересует птичника-промысловика. Для него, кроме «ходовых» — чижа, щегла, снегиря, чечетки, — нет других певчих птиц. Все прочие отнесены к категории «не живущих».

Я много раз ловил пеночек осенью и всего дважды — в мае, но подолгу не держал их. Замечу, что к клетке они привыкают скоро и не отказываются от корма. Уже через неделю птички начинают потихоньку петь. Вообще говоря, пеночка у охотника — великая редкость, а поющая громко весничка — уникал, хотя сами по себе они многочисленны и поют в клетке много, до 7 месяцев в году. Все пеночки очень прожорливы. Весничка, пойманная мной в середине мая случайно, при ловле соловьев, съедала в день едва ли не две соловьиных порции муравьиных яиц и еще прихватывала хлеба, моченного в молоке. В связи с этим хочу сказать, что любители напрасно боятся содержать в клетках крупных певчих птиц, например, дроздов. Надо помнить, что чем крупнее птица, тем меньше она съедает корма, конечно, пропорционально весу своего тела. Даже и количественно певчий дрозд съедает не больше соловья, а соловей — меньше, чем крошечная пеночка-весничка.

Гораздо чаще, чем весничка, охотникам попадает другая пеночка — теньковка, которая лишь чуть поменьше. Но голос теньковки звучит как жалобное «тии, тии», напоминающая писк чижей. Песенка же совсем не похожа на теньканье, как об этом усиленно распространяются несведущие люди, она напоминает равномерный «разговорчик» вроде: «тиви-тивию, тивию-тиви, тивию-тиви», лишь в конце песни,

как дополнение к ней, идет тихое своеобразное — «тээ, тээ, тээ...»

Поскольку теньковка по песне птичка незавидная (отнесем ее к четвертому разряду), никто ее специально не ловит и не содержит.

Однажды, в конце июля, взял я двух хорошо оперенных птенчиков веснички. Всего их было четыре. Сидели они в типичном гнездышке пеночек, сделанном с шалашиком из травы, на поляне у кочки. Двух взятых миленьких птенчиков с пушинками на голове я посадил в шапку и так нес, хотя они раз пять выскакивали на дорогу и вообще дичились. Дома обе пеночки отлично принялись за муравьиное яйцо и хлеб в молоке, а через двое суток начали есть сами. Очень скоро пеночки стали летать. Я выпускал их в комнату, и они отлично ловили мух. Любая муха, ненароком заглянувшая в их клетку, тотчас оказывалась в клюве пеночки. Это было забавно. Иногда я брал клетку с птичками, подносил ее к сидящей на стене мухе и как бы показывал насекомое. Естественно, что муха слетала внутрь и тут же, как магнитом, ее втягивало в клюв пеночки, причем птичка даже не трогалась с жердочки.

Обе пеночки жили благополучно, и самец, который был немножко крупнее, уже начинал «ворчать», пробовал голос. К великому сожалению, он стал добычей кошки, случайно забравшейся на кухню, где висела клетка с пеночками. Вторая птичка — самка — уцелела, дожидая весны и была выпущена в лес.

Корм для пеночек в клетке должен быть максимально разнообразен: обваренные муравьиные яйца даются в смеси с белым хлебом, размоченным в молоке. Можно прибавлять тертую коноплю, вареный мясной фарш, рубленое

яйцо. Ежедневно до 15 мучных червей, в 2—3 приема. Корм лучше ставить утром и под вечер. В зимние вечера клетка должна быть освещена, иначе пеночка погибнет от истощения. Соблюдать это правило полезно для соловья, камышевок, соловьиных.

Другие встречающиеся на Урале пеночки — зеленая, сибирская и, как редкость, зарничка — во всем сходны по содержанию с описанными выше, по песню имеют не столь хорошую. Песня зеленой — торопливая, сбивчивая, хотя и очень громкая трель, напоминающая начало песни зяблика и затем словно продолженная пением белой плиски.

В подходящих местах — опушки глухого высокого леса — зеленая пеночка очень многочисленна.

В целом же пеночки — приятнейшие ласковые птички. При хорошем уходе они живут долго, поют много и отлично привыкают к своему хозяину.

Славки

Насекомоядные птички, которых несведущие охотники постоянно путают с пеночками, — славки. Они тоже некрупные (но все же побольше пеночек), тонкие птички «насекомоядного» облика, но внимательный глаз сразу отличит славку от зеленоватой желтобровой и мелкой пеночки или круглохвостой вертлявой камышевки. Все славки серее оперением. У них нет «бровей», нет зеленых тонов в окраске верха и низа. Самый склад славок поглубже, корпуснее. И, наконец, позывка их — характерные чаканье и чоканье — «чок-чок». Все славки — типичные жители кустов. В сплошной густой лес они далеко не заходят и гнезда

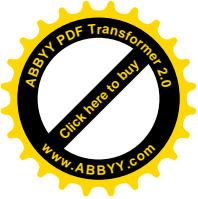
Славка
черноголовая

устраивают всегда около опушки. Славки редко летают на далекое расстояние, корм добывают возле гнезда, и все их существо приспособлено к жизни среди веток и лиственной густеры — здесь их дом, их стихия. Почти все они обладают неплохими голосами, а по степени благозвучности пение черноголовой славки может быть отнесено к высшему разряду. Несколько хуже поют самая крупная из славок — ястребинка и славка садовая (не путать с садовой камышевкой!), очень распространенная на Урале и в средней полосе европейских лесов. Пение двух других славок — серой и завирушки — относится к худшему разряду, и для любителя эти птички мало интересны.

Славка черноголовая. Я начну описание славок с наиболее известной меж охотниками славки — чер-

ноголовой, или просто черноголовки. Это некрупная птичка, окрашенная характерно для славок — беловатый низ и сероватый верх. У самцов на темени черная шапочка, самки и молодые — с бурым теменем. Для Урала, Среднего и Южного, черноголовка — редкая птица. Чаще встречается она в Предуралье, в Пермской области, а под Свердловском была найдена мной лишь два раза (оба в июне) в окрестностях разъезда Гать и станции Коуровка. В обоих случаях птички держались на сыроватых опушках с густым подлеском из ивняка, березы, жимолости и редких елочек. Опушка на Гати была в углу овсяного поля, над мелким леском поднимались редкие и довольно высокие ели. На одну из них черноголовка усаживалась петь. Ее голос, включавший красивые флейтовые ноты нежного минора, проникновенно и грустно звучал в сверкающее росой, ясное и прохладное утро. Все было зелено, свежо, пахуче кругом, и долго-долго слушал я птичку, не будучи в силах идти дальше, заколдованный, замороженный ее малиновым голоском. Ловить черноголовку было поздно, и я еще дважды приезжал ее слушать, искал гнездо, но не мог найти. Оно было надежно спрятано.

В Средней России и южнее черноголовка относится к самым обычным птицам, населяет запущенные сады, одичавшие вековые парки, кладбища, потонувшие в бузине и крапиве. В районе Сочи, например, она гнездится едва ли не в каждом саду, хоть там и трудно отличить сад от леса, а лес от садовой нечищенной поросли. По моим наблюдениям, кавказские черноголовки по песне плохи и в подметки не годятся среднерусским, а особенно гнездящимся в Предуралье. Ведь у хорошей черноголовой славки до 12—15 чистых прекрасных колен, поющих, как говорится,

с чувством, с толком и с расстановкой. Ближе всего пение черноголовки напоминает певчего дрозда.

Ловят черноголовку тайничком или самоловом на доске, устанавливая снасть в заприжаженном месте.

Осенью в ягодных садах с бузиной можно поймать эту славку в пустую западню, если обильно положить в нее ирги, смородины, черноплодной рябины, мучных червей и куколок. С приманной черноголовкой ловля гораздо успешнее. Пойманные черноголовые славки дики. Дня три и до недели их выдерживают в куролеске, в обвязанной клетке обязательно с мягким верхом. Когда птичка хорошо возьмется за корм и освоится, клетку вешают в светлое место, но не на окно. Тип клетки № 1 и 2, предпочтительнее ящичная. Зимний корм — обваренные ягоды бузины, ирги, черноплодной рябины, другую часть корма составляет соловьиная смесь, 5—8 мучных червей ежедневно. Летний корм — соловьиная смесь со свежими муравьиными яйцами, ягоды (черника, смородина); количество червей до 10. Выдержанная черноголовка хорошо ест рубленое яблоко, которым можно заменять ягоды, ест, попрыгав, и мясо, сырое и вареное. Птичка эта, несмотря на малый рост, прожорлива и склонна к ожирению. Осенью, после линьки, надо не реже двух раз в месяц осматривать ее и, если она зажирела, сокращать корм.

Черноголовка принадлежит к строго перелетным птицам. Появление ее под Свердловском можно отнести к двадцатым числам мая, а к середине октября она уже исчезает повсеместно.

Осенью 1966 года, когда уже была написана эта книга, я наблюдал черноголовую славку-самца 10 октября. Птичка держалась в саду возле нашей усадьбы. Уже выпал

снег, а черноголовка упорно не хотела отлетать и появлялась в саду каждый день. Птица была чистая и здоровая с виду, летала и прыгала по веткам бойко. Кормилась славка мерзлой красной бузиной и засохшими ягодами жимолости. Славка не отлетела даже тогда, когда в ночь на 14 октября выпал глубокий снег и сделалось морозно. Последний раз я видел ее на бузине 21 октября под вечер. Пролет идет по садам, ягодникам, старым кладбищам. В перелетный период славки ведут себя беспокойно. В таких случаях, если клетка не ящичная, нужно поставить меж прутиками боковин картонки, а на ночь оставлять слабенький свет ночника или самой малой электрической лампы. При свете птица видит жердочки и не бьется впустую. Этого правила, действительного для всех ночных перелетных птиц, многие любители не знают или не соблюдают и потом огорчаются, что птица обилась, стерла до пеньков хвост и т. п.

Ведомая древним инстинктом, птичка и в клетке «летит» на юг. В темноте осенних ночей она бьется по клетке, ползает по решетчатым спицам и к утру нередко сидит в углу на дне, выбившись из сил.

Переведите птицу в ящичную клетку, оставьте на ночь маленькую лампочку, и все будет хорошо — ваши перелетные славки не испортят ни одного пера.

Черноголовые славки при бережном обращении поют много, однако не все время в полный голос. После линьки в сентябре они нередко запевают громко, но потом — ноябрь и декабрь — поют себе под нос. С февраля начнут прибавлять, и к марту песня становится вполне звучной. С небольшими перерывами здоровая черноголовка поет до июля,

Ястребиная
славка

Славка ястребиная. Нигде не бывает очень распространенной птицей. Везде она как-то редковата и более одной-двух пар даже на самом подходящем месте я никогда не встречал. Из славок ястребинка — самая крупная и оригинальная по своему оперению, с испода и грудки совершенно полосатая поперек, как у ястреба. Даже и глаза у птички желтые, хищные, что довершает ее странное сходство с ястребом, кукушкой или вертишейкой, конечно, в миниатюре. И по манере держаться ястребинка сильно отличается от черноголовой и садовой славки. Она никогда не поет на месте, все перелетает, ходит по высоким вершинам леса, очень строга, пуглива, этакая непоседа-поскакуша.

138 Пары ястребиных славок гнездятся на Урале в компании самых обычных славок садовых. По пению ястребинка

представляет нечто среднее между черноголовой и садовой славками; удачно подражая как той, так и другой, она чисто копирует колена черного и певчего дроздов. Поймать ястребинку гораздо труднее, чем всякую другую славку. Очень редко идет она в западню осенью на ягодную приманку. А чаще ее ловят с прилета, в конце мая, высматривая тот куст, где она чаще держится, и устанавливая там самозов на доске или на земле. Охотнику надо знать, что только самец этой славки имеет четкую «ястребовость» в окраске грудки. У самки пестрины почти не заметны, и ростом она помельче. Содержание и корм — совершенно такие же, как и для черноголовки. Клетка ящичная с мягким верхом обязательна. Из всех славок ястребиная самая пугливая и привередливая. Она долго не привыкает, бьется в прутья, испуганно чакает, едва приблизившись на расстояние вытянутой руки.

Этих славок имеют в своих коллекциях немногие классные любители. Пожалуй, не ошибусь, если скажу, что на весь Советский Союз не наберется и десяти охотников, у кого есть поющие ястребинки. Кстати, вот аргумент для тех, кто любит плакаться о вреде птицеводства и о том, что охотники-любители будто бы «тысячами» изводят насекомых.

Славка садовая. Когда проходишь в июне по некопным полянам, сильно цветущим желтым, голубым и белым разнотравьем, когда бродишь по молодым березничкам, вдыхая всей грудью сладко-душистый запах березового листа, — везде слышишь приятные голоса птичек, свистопную скороговорку с особым дроздовым «юрюканьем» —

Садовая
славка

иначе не скажешь. Это поют чаще всего «лесные птички», как по незнанию, оптом называют садовых славок. Этих славок везде очень много, в иных местах поет по десятку самцов, особенно на опушках смешанных рощ с хорошим густым подлеском, рощ слегка сыроватых, с преобладанием березы, осины и липы.

Садовая славка как-то привязана к березе, чего не скажешь о ястребинке и черноголовой, которые любят другой лес, а черноголовка даже предпочитает ельнички, во всяком случае, их опушки.

Несмотря на широкое распространение, садовая славка не так уж часто попадает в руки охотников. Весной она ловится трудно, а больше добывается в осеннее время (начало сентября) в обыкновенную западню на черные ягоды смородины, бузину и мучных червей. Мне доводилось ловить в запущенных садах, где изобильно росла красная и черная бузина, по пять-шесть славок в день, но я редко

оставлял пойманных птичек, так как осенняя славка не известна по песне. Чаще в западню идут молодые птицы, которые поют тихо и нескладно. Лишь пойманная с прилета, в двадцатых числах мая, выслушанная садовая славка может считаться отличной комнатной птицей. Поет она много и красиво, привыкает хорошо. Особых примет в оперении этой птички нет. Вся она сероватая сверху и светлая снизу, покрупнее черноголовки. У самцов голубоватый верхний ошейничек. Все осенние славки-самцы постоянно тихонько напевают — «бормочут».

Другие славки. На Урале и в Средней полосе водятся еще два очень обыкновенных распространеннейших вида славок: славка серая и славка-завирушка. Серая похожа на садовую, но меньше ее, без голубого ошейничка, серее пером и тоньше. Песня у нее — нескладная короткая трель, с которой птичка иногда взлетает из кустов в воздух. Любит сады, огороды, кусты крыжовника, небольшие болотца с кустарником.

А самая мелкая из славок (ростом с пеночку) — завирушка, или мельничек, отличается белым низом и коричневым верхом, переходящим на голове в темноватую шапочку. Прилетает раньше всех других славок. Ее односложную трельку «кле-кле-кле», напоминающую стук деревянного мельничного поставца, слышишь уже и 10—15 мая. Удивленная или напуганная чем-то птичка может очень звучно, акцентно чакать: «чак-чак-чак», если «ч» произносить без смягчения.

Эта славка и серая часто захлопываются осенью в западню, но для любителя хорошего пения птички не инте-

ресны. Гнезда завирушек¹ постоянно находишь в июне на елочках и можжевельниковых кустах. Птички самоотверженно сидят в своих травяных лукошках, так что можно дотрогнуться. Иногда завирушки забавно отводят от гнезда, притворяясь подбитыми. Славки — одни из самых лучших насекомоядных птиц, пригодных для жительства в городе. Следует в садах оставлять им запущенные кусты да оберегать от кошек.

Сорокопуть

Если можно говорить о хищных певчих птицах, то прежде всего надо назвать сорокопутов, хотя они не единственные хищники; все птицы вороньей семьи, относящейся тоже к певчим, не брезгают живностью. С известной натяжкой может быть названа хищной большая синица, но сорокопуть, конечно, превосходят всех. Повсеместно их встречается два вида — маленький, чуть побольше воробья, жулан² и крупный, по длине превосходящий любую певчую птицу, — серый сорокопуть.

¹ Завирушками называют еще несколько видов птиц, не относящихся к славкам и составляющих как бы переходное звено от насекомоядных к зерноядным. На Урале встречаются три вида таких завирушек: лесная, черногорлая и сибирская. Все три вида — скрытные кустарниковые птички, со скудной песенкой, по питанию напоминают коньков. Иногда попадают птицеловам, как редкость, с сентября по ноябрь, на пролете. Я держал и ловил всех названных завирушек и нахожу, что для охотника они скучны, в клетке беспокойны и молчаливы.

² Не смешивать с сорокопутом-жуланом обыкновенного краснотелого снегиря, которого на Урале повсеместно тоже зовут жуланом.

Оба они сходны по своей стати, сравнительно длинному хвосту, черной широкой полосе, идущей через глаз к загнутому клюву. Серый сорокопуть напоминает отчасти и сороку своим бело-черным окрасом.

Мне не приводилось держать сорокопутов в клетке, я не охотился за ними специально, однако они попадали несколько раз при ловле других птиц. Три года назад — в двадцатых числах мая — я ловил чечевиц в сыром мелколесье под городом. Повесив западню с приманной чечевицей на сук невысокой осинки, я ушел побродить по болоту, а когда вернулся, нашел в западне малого сорокопута, или жулана. Не думаю, чтобы он соблазнился конопляной прикормкой, тем более, что моя чечевица была в крови, с выдернутыми из крыла перьями.

Жулан

Этот случай я привожу потому, что обычно в орнитологической литературе жулана именуют не нападающим на птиц. Второй раз, в августе, молодой жулан попал в западню на сидящего в ней реолова. Третьего сорокопута — на сей раз большого серого — я «прокрыл». Он подлетел по-ястребиному, низом, и кинулся на ток, где стояли две клеточки с чижами. Я слишком поспешно дернул шнур, — и сеть только отпугнула хищника.

Все мелкие певчие птички знают хищность сорокопутов и большого и малого. И хотя они не замирают в паническом ужасе и не прячутся с тоскливым писком, как при виде ястреба, но держатся настороже и покрикивают беспokoйно.

Как-то летом я шел с реки луговиной и услышал отчаянное таканье серой славки. Я подошел к большому кусту ивняка, чтобы узнать причину столь великого беспокойства, и увидел взъерошенную, всю какую-то вздыбившуюся славку и малого сорокопута, который сидел на верхней сухой ветке с видом разбойника, вошедшего в квартиру, когда в ней нет мужчин. Бедная славка, очевидно, боялась за птенцов — иначе зачем бы ей так неотступно биться в кусте, да и время было самое подходящее для гнездовья. Я прогнал нахального жулана, но не уверен, что он не возвратился и в конце концов не закусил птенчиками на глазах у расстроенной мамы. Конечно, не всегда жулан шарит по гнездам и занимается «людоедством». Он ловко хватает крупных стрекоз, ловит кобылок и кузнечиков, охотится за большими жуками. Это охотник в прямом и переносном смысле. Жулан ловит и просто так, про запас, накалывая лишнюю добычу сушиться впрок на шиши боярышника и острые сучочки. Он охот-

ник. Но еще в большей степени охотник его старший брат, певчий хищник, в два раза крупнее малого. Серый сорокопут держится на опушках, возле полей, на гарях, любит, как и жулан, сырые кустарниковые низины. Если жулана можно увидеть часто сидящим на проводе, на виду, то большой сорокопут держится скрытно; воровски, в нижних сучьях деревьев. Никогда я не видел этих сорокопутов парами — все в одиночку.

Летом они куда-то пропадают, видимо, гнездятся в недоступных лесных болотах — корбах, а появляются весной и к осени, причем задерживаются до глубокого снега. Однажды я видел такого сорокопута в конце ноября на опушке у поля. Я находил и его «жертвенные кусты», где сохли мумии ящериц, полевок и лесных мышей.

Сорокопут

Я не встречал любителей, у кого бы жили подолгу и пели сорокопуть, но в старинных немецких и французских руководствах сорокопуть упоминаются как хорошие певчие птицы, пригодные для содержания. Пение малого сорокопута я слышал не раз в местных болотцах в начале июня. Оно приятно разнообразием колен, чисто и точно поставленных. В песне жулана, относящегося к пересмешникам, отсутствуют хриплые и трескучие звуки. Строй пения весьма музыкален, есть колена тропических птиц. Пения серого сорокопута я не слышал.

В клетке сорокопуть неприятен тем, что ему нужен живой корм: мыши, птицы, лягушки. Мясо сырое он ест, по привычке, но неохотно, хлеб в молоке берет лишь изголодавшись. Жулану можно включить в корм кобылок, стрекоз, тараканов и кузнечиков, но такой корм труден для добывания. Лишь очень медленно можно приучить сорокопутов к суррогатному мясо-хлебному рациону, с добавкой мучных жуков и крупных червей, и хотя бы раз в неделю снабжая какой-нибудь живой подкормкой. Клетки сорокопутам нужны дроздовые.

Овсянка обыкновенная

Народное название всегда метко; как нельзя более подходит оно к желтоватой долгохвостой птичке, по имени и облику которой названо целое семейство. Никакая птичка не связана так крепко с опушками леса, как овсянка. Уже в феврале слышишь звенящую нежную песенку: «зинь-зинь-зинь-зинь-зинь-тсини...». Поет самец — золотая грудка на голой березе. «Синь-синь-синь-синь-сини,

тичик» — вторит ему еще более яркий овсянник с золотой звездочкой на темени. Так и звенят до полудня, возвещая спящему лесу, что вот и солнышко повернуло, и весна на пороге, и дело к теплу.

Среди этих обычных певунов иногда попадаются овсянки «с колокольчиком». Их весенний голос звучит чудным звоном литого серебра: «тинь... тинь... тинь... тсинь». Такая овсянка — редкость. Добывать ее для всякого истового охотника — честь. Овсянок нечасто содержат в клетках. Только любители подорожников да кенароводы, которые ищут «овсянок с колокольчиком» в учителя молодым кенарам. Молодые кенары хорошо берут это колесо. Птицеловы-промышленники ее знают и ловят, наверное, потому, что птичка зерноядная, держится у нас круглый год и многочисленна. Во всякой лесной опушке, в березовых кустах, вдоль проселков, в лесах у желез-

Овсянка
обыкновенная

ных дорог — везде встречают нас эти птички с грудкой, напоминающей цветом золото, овес и сотовый мед. Чем старше самец овсянки, тем ярче, золотистее его окрас. Здесь же, на опушках, овсянки выводят птенцов. В конце апреля буроватые, лишь слегка желтые снизу, самки строят в корнях кустов, на земле хорошо укрытое гнездо. Сидят они очень крепко, слетают из-под ног или тихонечно, едва двигаясь, «отползают», с робостью оглядываясь на проходящего. Если у вас острый слух, вы услышите то-ненькое «тсиии» — голос испуга у всех овсянок.

В конце июля — начале августа (второй выводок) появляются стайки овсянок, состоящие в основном из тускло-желтых и буроватых молодых птичек. Ближе к осени овсянки подвигаются в обочины хлебных полей, а к зиме и совсем выходят к жилью, кочуют по дорогам, гумнам, токам, навозным кучам, иногда объединяясь с воробьями, цуночками, лапландскими подорожниками и снегирями. Летают они и по проселкам, собирая насоренное зерно, и по железным дорогам. В пору заготовок хлеба железные дороги становятся кормилицами и птиц, и полевок, и лесных мышей, и даже белок и бурундуков, которые, не щадя живота, день и ночь подбирают сыплющееся из вагонов зерно.

Ловят овсянок ранней весной до периода гнездования или в зимние первые оттепели. На приманную они хорошо идут под сеть и даже в западню. На прикормку ловят, если нет приманной овсянки, а требуется поймать выслушанную хорошую птицу. Прикорм делается там, где облюбованный самец чаще поет. Пойманные овсянки почти всегда сильно бьются, почему им необходимы клетки с мягким верхом, лучше ящичные. Очень хороши клетки

с деревянными кленовыми спицами — тогда и вид у птички какой-то очень русский.

За корм овсянка берется всегда. Зимний — зерносмесь и треть соловьиного мягкого корма. Летний корм дается половина на половину, к тому же еще обязательны мучные черви или свежее муравьиное яйцо. Охотно ест моченый хлеб и рубленую зелень, ягоды не берет.

Сам я очень любил овсянок за их скромный полевой наряд, за песню-веснянку. Я держал их много. Птичка славная, простенькая и добрая.

В южных районах Урала и в Западной Сибири, изредка под Свердловском попадает овсянка белошапочная, у которой желтый цвет на голове и груди заменен белым. Белошапочная поет хуже, грубее, в остальном мало чем отличается от обыкновенной. Придерживается она более полевых, открытых мест, по величине немного крупнее, особенно самцы.

Овсянка-ремез

В книгах о ловле птиц нигде не описана. По ряду наблюдений можно сказать, что ее знают, содержат и ловят в основном только свердловские охотники. Овсянка же эта по своим замечательным певческим качествам может быть поставлена выше дубровника. Ремезы — перелетные овсянки и появляются рано, в средних числах апреля. Они не многочисленны и занимают только сырые опушки. Кочкватая смешанная «согра» с елями, березами и осиной — любимое место бодрой непоседливой птички с ярко окрашенной в черно-белую полоску головой и коричневым оже-

рельем на белой грудке. Так принаряжены лишь самцы ремезов и только весной, к осени голова становится бурой, белое и черное скрывается под рыжеватыми кончиками новых перьев. У самок черный цвет заменен серо-коричневым и грязно-желтым, галстучка на груди нет.

Весеннее лесное болото, опушка с желтой калужницей как-то мертвы, если не льется над ними громкий округлый свистовой перелив ремеза. «Оли-юлю-юлю-юлю-тви» — выговаривает певец, сидя на голубой и розовой березе. Посидит, споет раз-два и дальше, на другую березу, на ель — так и ходит кругом на своем весеннем участке, опекая лес, радуясь солнышку. Птичка словно олицетворяет весеннюю бодрость природы: задорно торчит ее черный хохолок на полосатой голове, вибрирует горлышко, вздрагивает хвост.

— Да проснитесь вы все: лягушки, травы, цветы-медуницы! — словно кричит он.

Еще холодно вверху, в безоблачной голубизне, шаром ходит по голым макушкам несогретый весенний ветер, но внизу, у луж, между кочками, тепло. Уже оттаял, встает бурными зубчиками прошлогодний кочедыжник, блестя лакированные листики брусники и грушанок, лягушка выставила мордочку, ворочается в желтой снеговой воде. Весна тут... И поет, поет надо всем, захлебывается щедрая птичка.

Поймать ремеза весной — мудреная задача. Даже на приманного он спускается далеко не всегда. Зато под осень в тех же местах ремезы идут хорошо под сеть и лужок. Осенью они ловятся и на воде, и на прикормке, устроенной близ «ремезовой» опушки на большом току. Шалаши для ловли этих пугливых птичек обязателен. При-

кормка зерновая с примесью муравьиных и мучных червей, которых птицы очень любят.

Ремезы отлетают под Свердловском в двадцатых числах сентября. Тогда в течение недели днем и ночью их звонкое овсяночье цыканье слышно везде. Они появляются и на огородах, и на окраинных улицах. Но минет неделя, и уже повсеместно они пропадают, и в октябре могут быть встречены как великая редкость¹. Пойманный с весны ремез запевает громко через неделю. Осенний же долго молчит или поет вполголоса. Однако же с марта все ремезы поют уже громко, разумеется, если их правильно содержать.

Что необходимо для этой интересной овсянки?

Во-первых, клетка с мягким верхом, как для дубров-

¹ Не путать со сходной по окраске овсянкой тростниковой, отлет которой идет в конце октября.

Ремез

ника. Во-вторых, подбор зерносмеси с преобладанием проса, два-три мучных червя в день и немного мягкого корма. Хорошо ест овсянка хлеб в молоке и вареный картофель. Летом следует добавлять свежее муравьиное яйцо. В-третьих, нужен свет. Клетка должна находиться как можно ближе к окну и даже на подоконнике.

Ремезы жили у меня по 3—4 года, и обычно я выпускал их потом вполне здоровыми. Поют они много, до шести месяцев в году, с небольшими перерывами. Пение напоминает песню садовой славки, оно звучно и минорно, хотя и не так разнообразно. Единственный недостаток этих милых птичек — их пугливость. Они редко привыкают к человеку и, даже прожив не один год, мечутся в клетке, когда меняешь им корм и воду. Но стоит запереть дверцу, ремез тотчас усаживается смирно и начинает напевать. Ласковый, мягкий, округлый голосок ремеза льется с какой-то нездешней печалью. Лесная грусть спрятана в нем. В песенке много того настроения, что рождается в пасмурный тихий день в примолкшем лесу. Осенью ремезы также поют в лесу по утрам.

Однажды я устроил постоянный точок на лесной поляне-горушке. Кругом был березовый и хвойный лес, неоглядные сухие болота, а на пригорке росла ель с посохшей сизой макушкой. И на эту макушку с немногими остатками сучьев, едва светало, вылетал ремез и пел. Был август. Все молчало. В туманах кралась по земле осень. А он пел, как весной; пел торжеству свежей зари, холодному краю солнца, росе и утру. Я представлял, как хорошо ему там, на высоте, по-над лесным бесконечным болотом. Я думал: вот заберись туда — и сам, наверное, запел бы от восторга, кричал что-нибудь. Ремез пел не один, через полчаса

его сменял другой, третий — и так до полудня. Так повторялось каждое утро, пока не понесло первым снегом и ремезы не исчезли.

Всякому любителю можно порекомендовать эту веселую приятную птичку.

На Северном, а весной и осенью также и на Среднем Урале встречается изредка похожая на ремеза овсянка-крошка. Один раз в середине апреля я поймал буроватую самку этой птички. Окраска крошки схожа с ремезом, но у нее нет галстучка на груди, и голова самцов не так контрастна. В целом, птичка тоньше и меньше ремеза. О песне ее сказать ничего не могу. Пролетает она под Свердловском раньше ремеза. В 1965 году я видел стайки из 3—5 птиц 4 и 6 апреля. По содержанию не отличается от ремеза.

Лесной конек

Наверное, нет такой заросшей подлеском опушки, старой поруби, гари или обочины лесной елани, где не водились бы серые долгохвостые птички — коньки, одновременно похожие и на жаворонков, и на трясогузок. Коньки живут даже на широких граневых просеках, рубленных через сплошной глухой лес, и на моховых болотинах — мшарах. Идешь в мае запущенной просекой, продираешься через хлесткие шершавые прутья — вдруг с невысокой ели, красиво чернеющей в светлом березовом лесу, с пением пошла вверх и выше долгохвостая птичка.словно достигнув невидимой вершины, она отлого заскользила книзу на расставленных неподвижных крылышках. Песенка птицы при этом тоже «переломилась» и закончилась печально-истощ-

Лесной конек

ным писком: «тсии, тсии, тсии». Это и есть лесной конек-шеврица, так похожий на лесного жаворонка — юлу, который на Урале не встречается (описание юлы см. далее).

Прибывают лесные коньки на Урал 10—15 апреля. Отлет идет медленно в течение всего сентября, и тогда конек встречается повсеместно даже в городе, на пустырях, на картофелищах. Их скорбное долгое «цпии» можно услышать в любое туманное мокрое утро, едва выйдешь в огород. Для меня этот голос, услышанный рано, всегда был напоминающим о золотых днях осени, об охотничьей поре.

В клетках конек бывает редко, лишь у знатоков-охотников. Случайно же этих птичек ловят в июне-июле, слетками, иногда выносят на рынок пойманных вместе со щеглами и реполовами. Специальная ловля шевриц с выбором по песне бывает лишь весной, в апреле — начале мая.

Обильная привада делается из мелкого зерна и мучных червей. После того как охотник убедился, что конек нашел прикорм, ловля идет обычным порядком. К неволе конька приручают исподволь, обдерживая в обвязанной клетке. Дня через три клетку раскрывают. Жердочек ставится две, из них одна толстая. Корм коньку жаворонковый. Зимой половина соловьиной смеси, половина мелкой зерновой (салат, сурепка, просо). Летом добавляют свежее муравьиное яйцо, хлеб в молоке, зелень.

Поют шеврицы не так уж много, 3—4 месяца в году, но по своей грациозности, сходной с пливками, и приятной жаворонковой внешности они очень украшают коллекцию птиц истового любителя.

Пойманных осенью коньков лучше не брать. Самцов из такого улова определить невозможно, только наудачу. К тому же песня коньков очень различна, а выбирать надо по ней.

В клетке коньку лучше дать возможность побегать. Желательно поместить его в жаворонковую немецкую, то есть длинную, с мягким верхом. Любители не должны смущаться тем, что у коньков длинные задние когти-пшоры, так оно и должно быть всегда: шеврицы — родня жаворонкам. Коньки-выкормыши, взятые и воспитанные, бывают из ручных ручные: и на руке спят, и за хозяином бегают, но для песни они не годятся. Их нужно носить в лес, под хорошего конька.

На сухих торфяниках под Свердловском попадаетея летом еще один вид шевриц — конек степной, по-видимому, вальетный, не показанный, насколько мне известно, ни в одном специальном исследовании по птицам Урала. Степной конек гнездится небольшими колониями по 2—3 пары

на сухих болотах, торфяниках и пустошах с мелким березнячком. Он крупнее лесного конька, ростом почти с полевого жаворонка. Пером светло-серый, и грудка не так пятниста. Поет этот конек скудно и коротко. С песней толчками поднимается вверх. Я дважды ловил этих коньков в самолов, установленный на жаворонка.

Лесной жаворонок-юла

Принято считать, что на Урале не встречается, может быть лишь залетом в Прикамье. Но, поскольку среди любителей этот маленький жаворонек считается первоклассным певцом, я описываю его¹. Юла не совсем точно назван лесным жаворонком. Нигде в сплошных лесах, в их глубине он не водится, как и конек (от которого он хорошо отличен по коротенькому хвосту и широким крыльям). Юла любит зарастающие подседом опушки, вырубки, гари, мелкорослое разнолесье. Он не столь обыкновенен, как конек, но его мелодичный голос, звучащий приблизительно так: «ти-тюли, ти-тюли, ти-тюли», повторяемый по-куличьи, сразу выдает опытному уху присутствие на опушке этих замечательно миловидных птичек. Повадкой юла напоминает и конька, и жаворонка. Поет он, поднимаясь с вершинок, точно конек, держится на земле подобно жа-

¹ 12 и 16 апреля 1969 года я видел и слышал юл на пролете в окрестностях Свердловска. Наблюдал я юл и в двадцатых числах сентября 1970 года. Птицы летели над городом. Эти наблюдения позволяют сделать вывод, что лесной жаворонек изредка встречается или гнездится в Зауралье. (Примечание ко 2-му изданию.)

воронку. Он очень прыток, ловко бегают и гораздо пугливее и строже конька. Гнездится на земле и прилетает на Каму в середине апреля. В конце сентября юлы улетают, собираясь в небольшие стайки. Они летят, придерживаясь кормных мест, бурьянов, пустошей и залежей, обочин полей и оврагов. Иногда соединяются они с полевыми жаворонками, реполовами и коньками.

Ловят юл на опушках, а в полях — большой сетью, на приманных. Выслушанный самец весной может быть прикормлен и пойман лучком, как конек.

Отличать юл самцов от самок затруднительно, но самец-юла всегда криклив, без конца повторяет свое «тюли-тюли», самка же более молчалива, голова у нее круглее, крылья покороче.

Лесной жаворонек так мил, так красиво его скромное перо с четкими штрихами на грудке, что я не знаю птички

Лесной
жаворонек

более приятной. Он напоминает маленького куличка-воробья из семейства песочников. О пении юл существуют разные мнения. Одни охотники сильно хвалят их, другие высказываются сдержанно. Я могу разделить мнение первых. Пение юл звучное, чистое, но не похожее на слитную льющуюся песню полевого жаворонка, состоит из длинных разнообразных чередующихся друг за другом колен вроде: «юлю-юлю-юлю... юлю-юлю-юлю-тви-тви-тви-тви-тюли-тюли, вить-вить-вить-вить-ю-ю-ю- (очень красивое колено)-тви-тви-тви...».

С клеткой лесной жаворонки свывается легко, но попадают иногда и очень пугливые дикие самцы. Самки юлок всегда смирнее. В «птицеловной» литературе пишут, что часто юлы «гибнут без всяких на то причин». Причина здесь одна — неправильный корм. Каждому любителю надо знать, что юла — птица насекомоядная, а зерно ест лишь в крайнем случае и понемногу. Отсюда и содержать этого жаворонка нужно в лучших жаворонковых клетках с тамбуром, на соловьиной смеси¹, плюс пяток мучных червей и чайная ложка мелкого зерна (конопли, просо, салат, лен, сурепка, рыжик, мак, канареечное семя). Летний корм с примесью свежего муравьиного яйца, рубленой зелени и пророщенного семени. Клетка должна быть в светлом месте, содержаться в чистоте особенной, песок надо менять почаще, ибо лапки юл сильно грязнятся и облипают комьями нечистот. При хорошем любовном уходе юлы живут в клетках до десяти лет. Они могут гнездиться в клетках. По данным немецкой литературы, юла перспективен для одомашнивания.

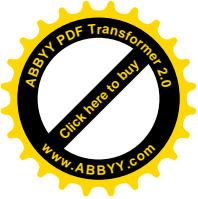
158 ¹ Иногда соловьию смесь полезно заменять кусочком размоченной в молоке булки.

Певчие птицы леса

Лес — главное обиталище птиц. Здесь живет не менее половины всех видов певчих. С лесом связаны корм, убежище, защита от врагов. Здесь располагаются гнезда и дупла.

Лес красив во всякое время года, но особая тонкая прелесть открывается в нем весной, когда он уже отошел от снега и последние негромкие ручейки еще живут в нем, журчат из чащи на свет. Везде лезет молодая травка. Нагубили почки на осинах. Вербка на разливах вся в белых свечках. Нагие березы словно ждут чего-то, глядятся в свои зыбкие отражения по снеговым желтоватым лужам. Найдут тучка. Набежит ветерок. Поведет по лужам холодную рябь. И вдруг посыплет на всю эту весну крупным белым пухом, метельным снегом. И какой бедной, неполной была бы картина лесной весны, не будь кругом птиц, их радостного свиста и гомона. Не обращая внимания на снег, в густом сосняке стрекочут дрозды, раскатывается песенкой белобокий зяблик, звенят овсянки, торжественно

улюлюкает вдали большой дрозд-деряба. Лес живет птичьими голосами, и чем дальше к лету ушагивает весна, тем больше голосов славит ее приход, больше серых и пестрых певцов появляется в лесных сених. Строят гнезда, ищут дупла, подновляют обветшалое жилье. Сколько брачных игр затевается день ото дня в зеленеющем лесу, сколько радости, пения, птичьего горя и птичьего счастья хранят и скрывают весенние леса.

Я люблю слушать птиц в начале лета. Ранним-рано встаешь вместе с солнцем, полями, проселками шагаешь к опушке, так дивно синющей вдали за разливом озимей. Вот она, окраина бора, полосы древнего тумана, свежесть и тень, солнечные дорожки на мокрой траве, блеск росы в венчиках сонных цветов. Бредешь по колена в росяных листьях чины, в лисьей осоке и папоротниках. Глаз не перестает удивляться бесконечной прихоти травяных узоров. Мягко ступает нога. Бабочки-ночницы неловко вылетают. Большой серый паук сторожит их, растянув меж стволами свою ловчую сеть.

Сладким ароматом ванили нанесет вдруг, нагнешься — целая семья северных орхидей-любок приподнялась над травой. Старый сосновый нетоптанный бор. Сколько в нем зреет голубой и зеленой черники. Связки розовых мелких бусинок прячутся под жесткие лаковые листочки — брусничник цветет шапками по местам давно иструхших пней. «Ой, много будет брусники!» — думаешь, отмахиваясь от комаров, а они так и дудят, липнут к разгоряченному телу. Кто-то однотонно юрчит в вершинах. Кто-то отзывается нежным свистеньем, пиликают чижи в еловой низине. Елями начинается моховое болото, колодник, кочедыжник, комариные песни, моховые головы в блестящей осоке.

Мокнет меж ними ржавая жижа — засол. Слышу в елях цоканье клестов. Скрипучая торопливая трель несется вниз вместе с визгливым щебетом.

Кончился бор. За нетопкой мочажинной сплошь в холодной зелени осинника — высокая березовая роща. Все легко здесь, нарядно, живописно.

Тут нет тяжелых красок бора, словно сама природа сменила пастозную палитру на легонькую ветреную акварель. Блестят, шепелявят и молкнут березовые кроны. Само небо меж них голубее и зеленее. Неяркого тона трава и цветы. Крепенький светлый красноголовик приподнялся на своем березовом корешке. Белизна, чистота, «подберезовость» и в пеньках, и в стволах, и в сучьях. Здесь все русское, березовое, стародавнее — от банного сладкого духа листьев до иволговой рожковой грусти, до этого пахнущего родной землей грибка, который просится в туесок. «Лес надо понимать, как живопись, думаю я, как музыку...»

Леса Зауралья, Сибири и Севера в основном таежные. Они глухи, темны, угрюмы, завалены буреломом и колодником: певчие птицы — дети солнца — не любят их. Самое малое количество видов населяет хвойную мрачную суборь. Щуры, клесты, выюрки, зарянки и синехвостки да еще вездесущие лесные синицы — вот певчие обитатели северных мест. Но чем дальше на западный склон хребта, в Предуралье и к югу, — тем заметнее изменяется лик лесов. Исчезает высоченная северянка-лиственница, попадают клен и дубок, а в Прикамье еще и орешник. Все чаще разноеобразное листовое чернолесье сменяет сплошной еловый лес-рям и болотный урман. Само слово «чернолесье» неточно передает суть такого разнovidного смешанного леса.

Это слово для осени, когда пройдет листопад, а летом здесь черны разве только стволы молодого липняка, обильно растущего в сыроватых местах. Весь же прочий лес зелен, сочен, весел, наполнен птичьим щебетом, игрой теней и солнечных пятен. Здесь много цветов и пахучих трав. Буквица, подмаренник, таволга, тысячелистник — все цветет синим, малиновым, белым и розовым, и надо всем прогретым разнотравьем вьются, парят и мелькают бесчисленные бабочки, осы, мухи, шмели. Это цветенье в июне до сенокоса захлестывает прогалины, заливают елани, растекается в глубину леса.

Идешь — и путаются ноги, и голову кружит дурманым медовым запахом. Кричит кукушка. В ее гортанном глухом непрерывном «кок-ку, кок-ку» та же летняя напряженная солнечная страсть, как в блеске цветов, как в сочной мякоти душистой земляники.

Поет пеночка-пересмешка. Черно-белая мухоловка шмыгает возле толстой осины, тревожась за гнездо. Темная птица перебегают и останавливается на тропе, удивленно задрал хвост. Вот припустила бегом в угон, взлетела с трескучим дроздовым чаканьем. Черный дрозд...

И чем дальше по такому лесу, тем сильнее тревожит невысказанное чувство увиденной красоты. Хочется быть художником, поэтом, еще кем-нибудь таким, семи пядей во лбу, кто может остановить все это, собрать, показать людям. А как это сделать?

Вот смешанный лес осенью. И где та волшебная кисть, расписавшая его, каким колдовством создана бесконечная цветовая палитра...

162 Всеми тонами оранжевого нарядились осины. Темным кадмием заляпана рябина. Березы в светлой желтизне.

Пасмурным тихоньким днем необычайно живы, благозвучны краски, и недаром художники толпятся на вокзалах, лезут в вагоны электрички со своими мазаными этюдниками.

А в солнечные дни художники бросают кисти. Никакая краска не в состоянии передать костер вершин, голубых и сиреневых бликов и теней, постоянно живущих близ желтого и оранжевого.

В солнечные дни лес полыхает красочным светопределением. Да недолго оно. В считанные сутки дождь и ветер гасят огни листвы. Они бросают ее к подножиям стволов, и тогда по-своему хорошеют, прибираются рощи и чащи, как русской девке-красавице — им все к лицу. В полураздетой посветлевшей роще голубым и розовым туманятся в даях стволы берез, нежной зеленью оголилась осина и театрально замечен клен, кое-где сохранивший еще широкий разлапистый желтый лист.

Уже тихо стало в лесу. Смолкли осенние птичьи голося, лишь шорох мышей, шуршание перебегающих листочков да разговор верхового ветра с далекой сибирской стороны. Так славно сейчас пробираться грустно пахучей чащей, сгонять с калины снегирей, слушать шумливый галдеж чечеток и тонкие голоса чижей. Душа томится осенней печалью. Печаль всегда созвучна нашей осени, ее облакам, закатам, звездам, ее дождичкам, первому снегу, бесконечности русских дорог, тишине маленьких городков, крашенных охрой полустанков.

Я находил эту сладкую лесную печаль и в синьке полевых далей, и в скрипе тугих капустных кочанов, сохранивших холод осенней ночи, и в запахе яблок, и в стекольном звоне тонкого льда, затянувшего к утру лужи.

163

А вот и снег! Он падает в лесу с неповторимым слабым шелестом. Кажется, сама зима невидимкой ступает по сниклым папоротникам. Идет снег, и все белеет, холодеет, свежее, заполняется голубым светом зимы. Иная поэзия приходит в лес — поэзия чистоты и тишины. Как хороши и грустны над снегом голые прутья березняка, как дивен молодой еловый подлесок, метко прозванный на Урале кукольным. Принаряженные в белое стоят елочки, точно странные лесные куклешки. Все закрыто белым нежнейшим снегом. Березы хранят его тeneвую синь, и заячьи наброды в нем так таинственны, и зимний странный полет сорок — сама русская сказка.

Приглушенно тукает дятел. Идет, пересвистываясь, синичья орава. Дымчатый поползень бежит по склоненной засохшей ели, заглядывает под обвислую кору. Тоненькими свисточками перекликаются корольки. «Тю-пи, тю-пи-ти» — выговаривает маленькая синичка-моховушка. «Кээ-кээ», тревожатся гаечки. Вот стихло все, прошли синицы, удалились голоса.

И снова только шелест снежинок. Белизна. Чистота. Елки. Нежнейший снеговой беретик на еловом сломе. Он растет на глазах и словно бы тянет, вбирает в себя снежинки...

Синицы

164 Никакие птички не связаны так с лесом, как синицы. По своему облику это некрупные, но крепкие пичуги характерного «синичьего» склада с яркой контрастной окраской, белощекие. Часто к черным иссиня тонам оперения приме-

шиваются красивый желтый, коричневый и голубой цвета. Самая обыкновенная представительница семейства — большая синица, с которой я и начну описание лесных птиц.

Замечу, что на Урале очень часто называют синицей и синичкой совсем не относящуюся к этому семейству белую трясогузку или белую плisku, описанную в разделе болотных птиц.

Большая синица, или синица-кузнечик. Самая крупная из синиц — белошекая, желтогрудая птичка с черной дорожкой, разделяющей грудь на равные части. На Урале повсеместно называется кузенькой, кузнечиком, даже кузей, вероятно, за то, что постоянно что-нибудь долбит, словно кует.

Называют эту синицу также «зеленчиком», а в европейской части зинзивером.

Уже с первыми осенними заморозками эти бойкие крикливые птички прилетают из окрестных лесов в сады и дворы.

Синицы вертятся по заборам, шмыгают на поленищах, кричат в тополях. Они вездесущи и любопытны, как дети, ничто не ускользает от их цепкого взгляда. Обследовать всякую новую вещь, в том числе и ловушку, — инстинктивное качество синиц, ведь они живут поиском круглый год, находя себе пищу среди растительности и построек.

Голос синиц — звонкое «пинь-пинь-пинь» — очень напоминает крик зяблика, но последний никогда не добавляет к позывке тревожного стрекотанья «черррр» и мелодичного посвистывания вроде: «ци-пювит, ци-пювит».

Чем ближе зима и холоднее становится погода, тем больше синиц является в город, идет, как писали старинные птицеловы, «вывалка синиц». Не одни бойкие кузнечики, но также и московки, лазоревки, гаечки, долгохвостые синицы-аполлоновки залетают в сады, обследуют парки, заборы, обветшалые строения. Кузнечики прилетают семейными стайками по восемь, десять, пятнадцать штук, так как птичка плодлива, за лето делает две кладки и выводит за сезон до двадцати птенцов. Я находил в мае по дуплам старых берез 8 и 12 яиц в кладке. Яички были мелкие, белого цвета, с красноватыми крапинками на тупом конце. В стае кочующих осенних синичек хорошо заметны молодые с тускло-желтым оперением низа и обязательно есть одна яркая, с грудкой, как апельсин. Это старый самец, поводырь. Вообще у самцов хорошим отличием служит черная дорожка на груди. Она широка и на брюшке переходит в большое пятно. У самок дорожка узкая, пятна нет. Вся окраска самки тусклее и грязнее, что является общим правилом почти для всех певчих птиц.

Большая синица всеядна. Она отыскивает и поедает насекомых, раздавливает семечки и орехи, летает зимами по помойкам и мусорным ящикам, добывая там кусочки вареных овощей, мяса и сала. В лесу осенью я сгонял синицу даже на падали в обществе ворон и сорок. Синицы любят долбить мерзлое мясо, вывешенное в сетках за окно, в голодное время они не брезгают и заплесневелой коркой где-нибудь у собачьей конуры. Не один раз я наблюдал, как синицы нападают на ослабевших птичек. В раннем детстве был у меня такой случай. Рано утром, в октябре, я поймал в западнику двух самцов большой синицы. По-

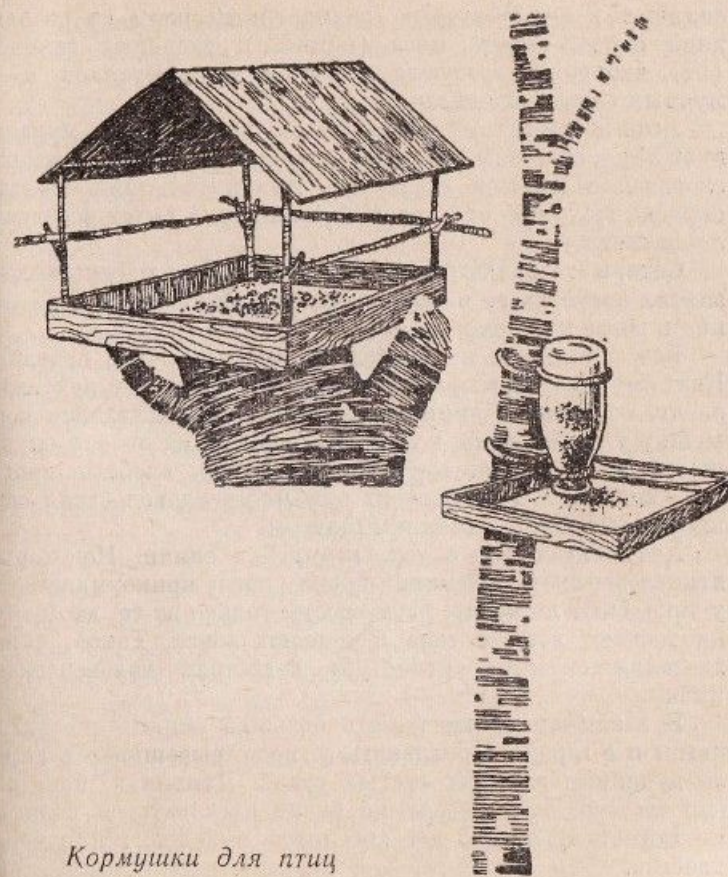
садил их в просторный садок, дал корму и ушел в школу. А когда вернулся, одна из синиц, просунув голову в прутья, висела мертвой, другая же сидела на спине жертвы и преспокойно «лакомилась» ее раздробленной головой. Надо ли говорить, что я тотчас вышвырнул «людоеда» и долго не брался потом держать больших синиц. Может быть, описанный случай не из типичных, но известно, что и мелкие синички, ходящие в стаях с большими, всегда остерегаются последних.

Осенью кузнечиков ловят самыми простыми ловушками вроде силков, ящиков и решет. В западни синицы лезут даже без приманок, руководимые инстинктом все изведать, все потрогать. Пойманные, они ведут себя очень буйно, с ожесточением терпят прутья клетки, протискиваются сквозь них и, если клетка недостаточно прочна, быстро вырываются. Нет птички, которая столь упорно боролась бы за свою свободу. Это свободолюбие в соединении со страшной непоседливостью, непрерывным лазаньем по стенкам клетки, большой злобой и дикостью делают синицу не очень-то привлекательной клеточной птицей. Ручными такие синицы не считаются никогда. Самое большее, что можно от них добиться, — чтоб они брали корм из рук через прутья клетки. Выпущенная синица улетает сразу и никогда не возвращается, тем более в окно, как об этом часто пишут в сентиментальных рассказах. Чаще всего разочарованный нетерпеливый любитель на другой же день выпускает свою добычу. Быть может, вы помните рассказ юмориста О'Генри, как бандиты-пантажисты похитили мальчугана в надежде получить большой выкуп, и как они сами в конце концов отдали все, лишь бы избавиться от несносного сорванца. Этот смешной рассказ всег-

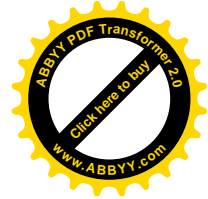
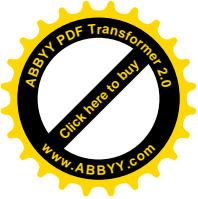
да вспоминается мне, когда я слышу об очередной неудаче с содержанием большой синицы.

Чем же дорога нам птичка, о которой только что сказано много неслестного? Если вы внимательно читали книгу, то должны были заметить, что большая синица отнесена ко второму разряду лучших певцов. Ее великолепные высвисты, теньканье и колокольчик приводят в изумление даже искушенных знатоков. Звон серебра, меди и стали слышится в ее голосе. «Цыть-цы-пи, цыть-цы-пи» — слышится по улицам уже в январские оттепели. «Синица почувала весну», — говорят в народе. И верно, еще февральское желтое солнце едва взбирается над крышами, кругом снег и снег, а синица уже звенит всюду, торчком усевшись в макушке тополя или на заборе. В марте голос ее оживляет все сады и дворы. В марте синицы сопровождают свою резвую песенку даже своеобразной пляской, поворачиваясь скачками на ветке все кругом и кругом. В это время кузнечик уже не идет в западни, знать, научен горьким опытом, не раз побывав в клетке. Теперь синицу можно поймать только сетью или лучком на прикормку хотя бы из семечек.

Я советую братья за содержание больших синиц только опытным, а главное, терпеливым любителям. Ловить птиц надо в феврале-марте, выслушав и прикормив лучшую по песне, а не как мальчишка осенью — абы каких по десятку. К тому же, синица, пойманная осенью, долго не запеваает, ждать приходится по три месяца (от молодых синиц раньше, но песня будет плохая). Пойманная в марте синица «встает на песню» уже через неделю при правильном содержании. Основа его, во-первых, хорошая прочная клетка с дуплянкой из бересты, расстояние меж

Кормушки для птиц

спицами 1 см, во-вторых, полноценный корм из соловьиной смеси, сырого мяса (немного), давленных семечек ($\frac{1}{3}$), вареного картофеля кусочком меж прутиков, 5—8 мучных червей ежедневно.

Если летом к тому же корму добавлять свежее муравьиное яйцо, серьезный любитель сможет продержаться синицу здоровой и поющей до 10 лет. Изменится лишь желтая окраска грудки — от линьки к линьке она будет все тусклее и светлее.

Содержать большую синицу на конопле и семечках — значит погубить ее в первые недели. Рассчитывать на пение и вовсе не приходится.

Все синички, и в их числе кузнечики, очень полезны. Каждому настоящему любителю надо брать их под свою опеку, особенно в зимнее голодное время. Сделайте кормушку у своего окна, в саду, на балконе, на лесной опушке, сыпьте туда остатки корма, семечки, хлебные крошки — синицы и тут доставят вам много удовольствия своим бодрым видом и звонким голосом.

Хочу сказать и о тех, кто губит синиц. Некоторые птицеловы-промышленники кроют синиц, прикормившихся у тока, бьют их оземь, рвут хвосты только за то, что птички таскают семя с тока и мешают ловле. Такой, с позволения сказать, «птицегуб» недостоин человеческого имени.

В заключение отмечу, что большая синица гнездится летом и в городе. Привлекать ее надо, вывешивая в апреле дуплянки в тихих густых садах. Дуплянка, показанная на стр. 40, никогда не будет пустовать, и если ее не займет кузнечик, тут поселится мухоловка или горихвостка,

Московка, или моховушка. По контрастному расположению пятец, по белым щекам похожа на большую синицу, но вдвое меньше ее, грудка не желтая, а светло-серая без дорожки. Московка — необыкновенно милое существо, настоящая птичка-игрушка, и так же приятен ее голосок, похожий на крик чижа, позыв «тю-пи, тю-пити». Жительница темных хвойных лесов и высоких ельников, моховушка лишь пролетом выбирается в лиственные леса да осенью изредка кочует через городские сады. Она никогда не живет в городе, как большая синица, на глухую зиму часть москотов откочевывает с Урала и Севера в среднюю полосу, чтобы уже с конца февраля двинуться обратно и в марте занять гнездовой участок в дуплистом старом бору. Осенями москотов кочуют. Огромные стаи птичек я наблюдал в октябре и ноябре. Будто пригоршни маку, сеялись мелкие птички с высоты в бор и быстро прокатывали по нему, уходя вдаль с непрерывным писком и перекличкой. Весенние стаи москотов несравненно меньше и не так заметны. Часть этих мелких птичек зимует оседло. Я ловил их и в декабре, и в январе. В теплую «сиротскую» зиму с первых чисел февраля звучит в сосняках и ельниках приятный звонкий разговорчик: «тюпи-тюпи-тюпи... типю-типю-типю...» У хороших москотов любители насчитывают до десяти колен. Мне такие птички не попадались, но были у меня отличные моховушки, дающие чисто 5—6 колен. Песенка москотов беднее, чем у большой синицы, нет в ней головоломных ошеломляющих штук, какие выделяет мастер-кузнечик, но нет и никаких неприятных тонов, — вот почему москотов берут в учителя молодым канарейкам, жаворонкам и другим хорошим певцам. По качеству песни отнесем москотов к третьему разряду.

Молодые птицы — выкормыши очень хорошо берут москотов, например, переняли ее голосок живущие у меня полевой жаворонок и певчий дрозд. Песня не главное, за что любят и ценят моховушку. Из всех синиц она самая ласковая, ручная и доверчивая. Очень скоро приучается она брать мучных червей, садится без боязни на руки и плечи. Она единственная из синиц, которая узнает хозяина и возвращается даже после годичной разлуки. Так, мной была выпущена окольцованная москотовка, а через год, поздней осенью, она камнем слетела ко мне в высоком лесу и, не раздумывая, полезла в пустую западню, отыскивая дверцу.

Несведущие авторы утверждают, что все синицы идут в любую ловушку, на любую приманку. Москотовка лучше всего опровергает такие сказки. Без хорошей приманной ловить этих синичек исключительно трудно. Они почти никогда не попадают в западню ни на гаечку, ни на лазоревку. Лишь сетью на весенней проталине да на водяном точке можно добыть черно-белую пичугу. Зато с хорошей приманной москотовкой без труда возьмешь любого самца. Самцы москотов, слышав писк приманного, быстро подлетают, кидаются на западню и начинают бегать по ней с характерным драчливым стрекотаньем. Слепленная ревностью и злостью, птичка пулей влетает в хлопок, едва обнаружит его. Москотовки-самки, отличающиеся от самцов более тусклым окрасом и узким нагрудничком, в западню попадают редко. Молодые моховушки тусклые по оперению, и все черные тона у них заменены грязно-бурыми. Под Свердловском встречаются две расы москотов: одна более крупная с неяркими цветами оперения, вторая мельче, очень красивая, чистая и темная во всех оттенках, кроме белого. И по песне мелкая порода лучше.

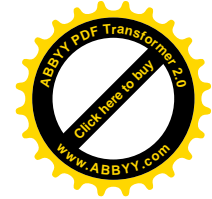
За пойманной москотовкой в первый день надо следить: ест ли она, не мечется ли все время в клетке. Птичка может не притронуться к корму и погибнуть от истощения. Если моховушка не берется за корм, ее надо взять в левую руку, а правой покормить, поднося к клюву раздавленные кедровые орехи, хлеб в молоке, мучных червей. Птичка почти всегда начинает щипать поднесенный к клюву корм. Накормленную таким образом синичку пускают снова в клетку, обвязывают клетку полотенцем и ставят на окно. Обычно после такой процедуры птица начинает есть сама.

Это важнейшее правило относится ко всем свежепойманным синицам.

Чтобы москотовка была здорова и жила долго, в корм ей назначаются зимой кедровые давленные орехи, семена сосны и ели, хлеб в молоке, вареный картофель, 3—5 мучных червей, немного конопли и зерносмеси. Летом добавляется свежее муравьиное яйцо. Можно содер-

Синичка-москотовка

жать и на рационе больших синиц. Мясо, сало, рубленое яичко московка ест, но не очень охотно. Содержание на одних орехах, семечках и особенно конопле — недопустимо. У птички обязательно разовьется болезнь глаз.

Московка вполне может быть одомашнена. Для этого пару синичек, содержащихся до апреля отдельно, пускают в садок, где есть дуплянка, прикрытая еловой веткой. Если пара удачная, самец уже в первый день начнет преследовать самку с характерным писком и потом спарится с ней. Садок, где синицы сделают кладку, надо вывесить в тень на балкон или за окно, а когда появятся птенцы (на 14-й день после конца кладки), клетку открывают. Синички выкормят птенцов, собирая корм в соседних садах. Лишь на первое время, пока птицы не освоились с местностью, в клетку дают свежее муравьиное яйцо.

Зеленая лазоревка. Лишь немного крупнее московки. Это самая хлопотливая и подвижная синичка. Она одета в яркое замечательно цветное перо. Желтая грудь птички приятно сочетается с бело-голубой «тюбетеечкой» на темени и синеватыми крылышками. Щеки белые, но разделены синей полосой, идущей через глаз. На Среднем Урале и под Свердловском зеленые лазоревки не водятся, но в Предуралье, и в его южной части, и в Европе повсеместно лазоревка — обычная птица. Зимой она залетает и в сады, соседствует с большой синицей, но все же предпочитает лес городу. Насколько малая синица-московка связана с хвойным лесом, настолько лазоревка любит лиственный. Осиновые рощицы по болотам, мочажинны с чернолесьем и урема по речкам — вот ее места. Это очень полезная птич-

ка, питающаяся в основном насекомыми. Семена лазоревка ест в малом числе и лишь от голода.

Ловля птичек и содержание во всем подобны ловле и содержанию белой лазоревки или князька, описанного в разделе болотных птиц.

Синица длиннохвостая, аполлоновка. Несколько сходна с белой лазоревкой. Невнимательные охотники путают этих птиц. Но уже при простом рассмотрении можно увидеть, что у длиннохвостой синицы нет ни голубых, ни синих тонов в оперении. Голова у нее чисто белая, без полоски, круглая, с черным бисерным глазом. Хвост очень длинный, с белыми ступенчатыми перышками по бокам. По силуэту синица напоминает ложку, и названий у нее множество: аполлоновка, чумичка, ополовник, виноградовка и т. д. Встретить долгохвостую синицу можно во всяком лесу, но чаще они держатся в лесу сыроватом, лиственном. Они бродят по ольшаникам, по сплошным грядам осинника, выросшего на давно не чищенных просеках и порубках, любят сосновое криволесье и даже белые сплошные березняки. В противоположность другим синицам длиннохвостые редко сливаются в общую синичью стаю, они составляют в ней свой отряд или ходят особняком, нигде не задерживаясь подолгу, быстрые, как дуновение ветра. Изредка они кочуют парами. В одиночку я их никогда не видел.

Привязанность длиннохвостых синиц друг к другу удивительна и трогательна. Лет пять назад я шел на охоту осенней черной ночью. Шел по тропе, с фонарем, через мелкий лесок. Освещая впереди ветки, я вдруг заметил

Длиннохвостая
синица

что-то странное и остановился. На сучке несколько выше моего роста сидело «существо» — не зверь и не птица, а словно огромная гусеница. Я осторожно переступил, вглядываясь, и понял, что на ветке тесно в ряд, прикрыв друг друга крылышками, уставив хвосты в разные стороны, спало с десяток длиннохвостых синиц.

От большинства синичек, гнездящихся в дуплах, длиннохвостые отличаются тем, что они строят гнезда круглые, искусно свитые из волосков и травинок. Гнезда помещаются в развилках на ольхе, иве, березе. Только один раз посчастливилось мне найти такое гнездо, пустое, сброшенное с дерева ветром. Выводки этих синиц ве-

лики: до 10—12 молодых. К осени они сливаются в одну огромную стаю и кочуют в одной местности. В суровые зимы часть синиц спускается к югу и западу.

Осенью ходят синицы обычно по широкому облюбованному кругу, появляясь в замеченном месте всегда в одно и то же время.

Важное правило — появление птиц в определенном месте в соответствии со временем — должен знать каждый охотник. День у птиц рассчитан по солнцу, как по часам. К примеру, если вы видели птицу возле опушки в полдень, то и на другой день, и на третий она может появиться тут же, за исключением периода пролета. Наблюдая птиц годами, я взял в привычку всегда поглядывать на часы, и редко птицы подводили. Они являлись «на свидания», как аккуратные девушки, не позволяя себе запаздывать более чем на полчаса.

Длиннохвостая синица привередлива в смысле ловли и содержания. Она никогда, подчеркиваю, не ловится в западни на другие виды синиц и может быть поймана без приманной лишь случайно, большой сетью при ловле других птиц или на воде. Когда же у вас есть приманная аполлоновка, ловля западней и сетью не представляет труда. Достаточно поймать первую из стайки, как синицы буквально выстраиваются в очередь у западни и попадают одна за другой.

В клетке длиннохвостая синица осваивается сразу, никогда не бьется, хорошо берет хлеб в молоке, мучных червей, давленные орехи, но уже через месяц-другой птички начинают хохлиться и могут погибнуть, если их не выпустить. Трудно с точностью установить, чего недостает в клетке виноградовке, но все же я знаю любителей, у кото-

рых длиннохвостые синицы жили в одиночку и парами по 3 года. Все они были выпущены в лес вполне здоровыми. Жили птички на указанном выше корме (летом давалось свежее муравьиное яйцо), но не в клетках, а в большом полутораметровом садке.

У меня также жила одна длиннохвостая синичка с осени до мая. Я выпустил ее за ненадобностью и отчасти потому, что она ужасно надоела своим беспрестанным «тюрканем» и призывным свистением, без которого аполлоновки и на воле не обходятся. Все время они перекликаются, издавая звуки вроде: «тк... тк... трррр», и переливчато долго свистят на манер лазоревки, но более серебристо и протяжно. Моя синичка жила в отдельной небольшой клетке. Корм был наполовину из сухого муравьиного яйца в смеси с моченым в молоке хлебом и десятка полтора мучных червей в два-три приема. Червей аполлоновка не долбит и не рвет, как все синицы, а забавно заглатывает целиком. Перекармливать этих птичек нельзя, и может быть, тут секрет их успешного содержания. По качеству пения длиннохвостые относятся к самому последнему, пятому разряду. Моя виноградовка очень много пела и утром, и днем, и вечером, издавая тихие свистящие звуки и все время поворачивая свою круглую совиную голову.

178 **Гаечка, или гаечка буроголовая.** Гаечка — самый многочисленный вид мелких синиц. Хорошо отличается черной большой шапочкой и светлым низом без нагрудника, то есть темного полумесяца на горле, которым щеголяют москвичи. Гаечка немного покрупнее москвички, «головастее». Водится в любом лесу, ее встретишь и в заболочен-

ном мелколесье, и в сухом светлом бору, и в темном ельнике, и белом березняке. Громкое тревожное «ке, кее, тээ... тээ», сопровождаемое обычным синичьим писком, с утра до потемок слышится по лесу. Гаечки редко ходят самостоятельной стайкой, обычно к ним присоединяются москвички, хохлатые синицы, поползни, корольки, пищуха, малый дятел и несколько больших синиц. Такая соединенная стая, не торопясь, но и не медленно, идет то вершинами леса, то подлеском, тщательно обыскивая ветки. Существует даже некоторое разделение труда. Впереди всегда идут большие синицы, выполняющие роль разведчиков, и дятел большой или малый пестрый. Он долбит гнилые сухарки, отщепляет кору и вообще имеет вид жожака. За дятлом широким фронтом двигаются мелкие синицы, главный отряд которых составляют гаечки. Они не только ищут насекомых в ветвях, но неплохо лазают и по стволу, заглядывают под отставшие слои и пленки коры. Впрочем, еще лучше с осмотром стволов справляются поползень и пищуха, которые бегают по отвесным стволам даже вниз головой. Самые макушки и концы ветвей остаются на долю корольков, крохотных синицеподобных птичек, порхающих, как ночные бабочки.

Даже непосвященному ясно, что такая синичья компания великолепно чистит лес от вредителей, и нам бы надо в честь синиц отлить медаль «За охрану леса», пригласить и беречь этих птиц всячески.

Гаечки широко распространены, очевидно, из-за своей высокой приспособляемости к самому разному лесу. Они гнездятся в любых дуплах, по сухостою в пеньках, в гнилых обломышах. Они занимают готовые дупла и выдалбливают их сами. Я наблюдал, как пара гаечек долбит дуп-

Гаячка буроголовая

ло в гниловатой березе. Птички работают, быстро сменяя друг друга, а иногда зачехто долбят по два-три душла. По-видимому, гневдовье поллучается за один день упорной работы, максимум — за два. Гневдась дважды в лето, гаечки выводят полтора десятка птенцов, отличающихся от старых синиц более тусклой окраской. Самцы гаечек, как у всех синиц, чище пером, ярче тоном, без расплывчатой бородки под клювом — она глядится четким пятнышком. Самец всегда более писклив, криклив. По пению гаечка может быть отнесена к третьему разряду птиц с хорошей, но однообразной песней. Весной около гневдовья везде слышится ее стонущее протяжное «ю-ю-ю-ю-ю». Некоторые гаечки, называемые дудочными, поют это колено на два или даже три тона. Такие «дудки» хороши как учителя молодым жаворонкам, певчим дроздам, канарейкам.

На Урале гаечек повсеместно зовут слепышами и слепышками, безбожно путая их со всеми видами сходных синиц. В Средней России более распространено название пухляк. Из мелких синичек гаечки чаще попадают птицеловам. Иногда они идут в западню даже на чижа и чечетку. Они прикармливаются на охотничьих токах и кроются сетью. Вообще, опытному охотнику поймать эту синичку — нетрудная задача. На приманную гайку в западню они ловятся отлично. Все, что говорилось о корме, клетке, содержании и обдерживании московки, вплоть до насильственного кормления в первый день, относится и к этой занятой миловидной синичке.

В отдельные годы (например, 1958, 1961, 1964, 1967) на Среднем Урале и южнее появляются зимой гаечки другого вида. Сероголовая гаечка — так называют синицу — похожа на гаечку обыкновенную, но крупнее в полтора раза, длиннее. Голос резко отличен. Голова этих гаечек серо-бурая, а не черная, слегка приплюснутая. Чем-то напоминают они и больших синиц. Я дважды ловил и держал сероголовых гаечек. Они жили отлично, хотя и не пели. Пение их мне неизвестно. Содержание такое же, как любой синицы. Обе птички были пойманы в конце октября, в невысоких сосняках на Уктусе, под Свердловском. Летом под городом они не встречаются.

Синица хохлатая, гренадер. Некрупная, чуть побольше московки, но меньше гаечки, бойкая синичка. Оперение ее составлено из различных оттенков серого цвета с небольшой буроватостью на спинке. Самый главный отличительный признак — остроугольный пепельного цвета хохолок,

Хохлатая синица

который птичка то поднимает, то опускает. Гренадер, не редкая, но все же нигде не встречающаяся в больших количествах птичка. Водится она только в хвойных лесах, предпочитая сплошные сосняки. Здесь же и гнездится в узких дуплах невысоко над землей. Стай не образует, а всегда присоединяется к синичьим компаниям разных видов. По особенностям ловли сходна с гаечкой, ибо попадает в западню и на московку, и даже на белую лазоревку. Призыв напоминает свистение лазоревки.

Для содержания в клетке гренадер мало подходит, поет он плохо и мало, а беспрерывная поскачь взад-вперед скоро надоедает всякому. Я имел десятки гренадерок, которых всегда выпускал из-за беспрестанного крика вроде «цыть-ре-ре-ре». Гораздо лучше содержать эту синицу в вольере с другими птицами или сообществом синиц (кро-

ме большой). Тут она очень занята своей «рябчиковой» окраской и забавными ужимками, которые умеет строить, приподнимая хохолок и разинув клювик. В пищу гренадеру зимой идет хлеб в молоке с муравьиными яйцами, давленные конопля и орехи, вареный картофель, 5—6 мучных червей. Летом дается свежее муравьиное яйцо или порция червей увеличивается до 15 штук.

Специальной ловлей гренадеров никто не занимается. Они попадают случайно при ловле других синиц. Я ловил их в марте и в сентябре-октябре западней на московку, но подманивал пищиком, подражая крику гренадера. Отличие молодых и самок — короткий хохолок и тусклая окраска.

Свежепойманный гренадер, особенно старый, не всегда берется за корм, и поэтому в первый день птичку надо кормить насильно, иначе она может погибнуть.

Королек

В мальчишеские годы ходил я по грибы недалеко от станции Свердловск-Сортировочная. Помню, возвращаясь лесной дорогой, разморенный тяжелым августовским зноем, я прилег отдохнуть в холодке под густым ельником. Лежал и слышал в ельнике все время тонкий писк, отчасти похожий на синичий, но в то же время и отличный от него. Кто-то копошился в еловых свесах, но так тихо, незаметно, что ничего не удавалось разглядеть. Заинтересованный, я встал и полез в ельник, раздвинул упругие колючие ветки, взгляделся из полутьмы на свет и наконец заметил крохотных птичек, поменьше пеночек. Они лазали в густерне ветвей, что-то склевывали, иногда порхали у кон-

Королек

чиков геток, точно колибри. «Просто чудо-малютки», — подумал я, и в ту же секунду одна птичка слетела вниз, ко мне. Я увидел крошечное зеленоватое существо с желтой яркой полоской на темени. Но самое удивительное — глаза. Они были большие, круглые, черные, точно странные пуговицы на плюшевой игрушке. Королек! — вспомнил я рисунки своих книг. Но как же отличался он от тех рисунков! Шеи у корольков словно не было. Коротенький хвост торчал прямо из этой головатуловища, чем дополнял необычный вид самой маленькой нашей пичуги. В корольке было много сходства с синицами, чем-то он напоминал и пеночку, а глазами — зарянку. Птичка прыгала близко, я мог дотянуться рукой, но вот слышался сверху нежный переливчатый позыв, и королька точно сдуло.

Так произошла первая встреча. Впоследствии я видел

их постоянно весной, осенью и зимой. Чаще они держались в хвойных посадках, на борах и в смешанном лесу, но лиственного чернолесья избегали. На осеннем кочевье я видел их в городских садах. Поймать занятых пичуг не удавалось. Корольки не шли в западни ни на какие приманки. Несмотря на все ухищрения, я добивался лишь одного — птички спускались на хлопок западни, а дальше дело не шло. Счастье улыбнулось мне всего раз, когда я накрыл двух корольков на воде, сетью. Обе птички — более яркий самец и тускловатая самка — прожили у меня две недели и были выпущены, так как стали хохлиться. У меня не было ни опыта, ни подходящего корма для содержания корольков. Добыть птиц снова не удавалось.

В настоящее время у меня живет королек, купленный на рынке в начале осени. Птичка благополучно прожила всю осень, зиму, весну. Королек очень весел, много поет, порхает по клетке, поражая всякого своей малой величиной, ведь по сути дела он меньше крупной лесной бабочки. Поначалу королек ел только мучных червей и то не крупных, размоченных в воде или в молоке. Съедал он их до сорока штук в день. Но очень скоро птичка стала клевать булку, размоченную в молоке, творог, вареную размятую картошку, манную кашу, мясо сырое и вареное, словом, почти все, что берут и другие насекомоядные птицы. Ест королек и хлеб с морковью, и давленные кедровые орехи. Все суррогаты надо давать на решетку клетки у кончика жердочки. Надо помнить, что королек очень прожорлив, оставленная без корма птичка беспокойно кричит и скоро может погибнуть. Количество средних мучных червей в дополнение к суррогатному корму до 15 штук в два приема. Важно накормить королька на ночь.

Я вполне уверен, что длительное содержание королек — дело вполне доступное знающему любителю. Таких королек, живущих в клетке годами, я видел у московских охотников. Вот корм, на котором они содержались: муравьиное яйцо сухое, распаренное в молоке, мелкие мучные черви в две порции по 10 штук, хлеб в молоке в смеси с муравьиным яйцом, мотыль-малышка, мясо. Летом свежее яйцо. В клетке лучше держать пару птичек. В лесу они редко встречаются в одиночку, а ходят семейными стайками по 5—10 штук. Клетка королеке синичья, верх лучше крытый, расстояние между спицами 1 см. Обязательна широкая водопойка — королек любит купаться. Песня короля слабая, синичьего типа, но поется она весьма часто. Возбужденная птичка распускает свой красивый оранжево-желтый хохолок.

Поползень-ямщик

186 На Урале местные жители всех птичек, ползающих и лазающих по ветвям зимнего леса, равно называют «слепышами». И синица — слепыш, и пищуха — слепыш, и поползень — тоже. Но если к пищухе вполне подходит народное название, то близкого к ней поползня уж никак не назовешь слепышом. Очень бойкая, быстрая в движениях, странная эта птица — вся двухцветная, серо-голубая сверху и белая снизу с красными (у самцов), точно исписанными кровью боками и подхвостьем. Издали поползень кажется без хвоста, на самом деле хвост у него короткий. Большая голова поползня сразу переходит в широкое туловище, а клюв острый и длинный, как наконечник пика.

Через глаз поползня проходит приметная черная полоса. Замечательно ловко бегая по стволам, поползень оглядывает их со всех сторон, как синица, и долбит, выслушивает, подобно дятлу. Недаром в немецком народном словаре его так и называют «дятлосиница», хотя по сути он не родня ни тем, ни другим.

Зиму и лето поползни живут оседло, близ гнездовья, осенью и весной кочуют, но, как правило, недалеко, сопровождая стаи синиц. Осенью залетает он в города, на окраины. В детстве я не раз ловил поползней, вешая западню прямо на стену ветхого нашего дома. Боек и любопытен поползень сверх всякой меры. Поймать его — пустое дело для молодого охотника.

Это редкость, если птичка, завидев западню, не полезет в нее без лишних раздумий. Он идет на любую прикормку, а пойманный грозно «хмурится» и клюет руки. На лесном току поползень — чистое наказание. Он соберет весь прикорм и будет прилетать тысячу раз, пока останется хоть одно зернышко. Собранные семена и зерна он не съедает, а прячет в трещины коры ближних сосен на зимний запас. Обычно при ловле птиц сетью я тотчас накрывал явившегося на ток «ямщика» и отсаживал в клетку, снабдив едой и питьем. Он брался за корм без лишних размышлений и, пока я ловил, пользовался бесплатным питанием, затем я собирал снасти, уходил за километр-другой и там выпускал своего невольника. С громким торжествующим «твит, твит, твит, кле-кле-кле-кле» он садился на дерево, отряхивался и вообще вел себя, как хулиган-мальчишка, вырвавшийся из рук преследователей и теперь показывающий им язык.

В лесу поползни редко держатся поодиночке, чаще их 187

Поползень

встретишь парой. По-видимому, пары у них постоянные.

В клетке для поползня необходимо некоторое оборудование. На стенке укрепляется кусок грубой бересты или сосновая кора, хорошо тут и поленокругляш. Если поползню поставить дуплянку, он спит в ней и стаскивает туда запасы корма. В общей вольере он нетерпим. Мелких птиц поползень бьет, а корм растаскивает и прячет. Самое лучшее держать «ямщика» отдельно, давая ему ежедневно добрую порцию зерновой смеси (овес, орехи, семечки, просо, конопля) и по десятку мучных червей. Ест он также вареные овощи. Вовремя пойманный поползень удивительно быстро привыкает к людям и клетке. Он берет мучных червей из рук, а выпущенный из клетки надоедливо лазает по одежде хозяина, роется в карманах, берет раскусанные орехи даже из зубов и вообще ведет себя, что называется, без стеснения. Без дуплянки он часто спит не на жердочке, а на полу

клетки, забившись в угол, чем пугает неопытного хозяина: «Батюшки! Гибнет птичка — нахохлилась!»

Схватит хозяин клетку, тряхнет, а поползень вдруг выставит голову из-под крыла и посмотрит заспанно. Ах, как сердито он может смотреть!

Лучше всего ловить этих птиц поздней осенью, когда лес посветлеет и холод заставит насекомых спрятаться. К этому времени поползни переходят на питание семенами и легче осваиваются в клетке.

А вообще-то «ямщик» — птица на любителя. Скоро надоедает он своим стуком и лазаньем. Раздражительный охотник уже через неделю отворяет ему форточку и уж больше никогда не заводит. Поползень — клад для всяких зооуголков, зоопарков и выставок. Можно его легко обучить разным «штукам» — доставать билетки, вкладывать в копилку монетки. Таскать и прятать блестящие вещи он так же горазд, как сорока. Песня у него даже и не может быть названа так — просто односложный свист, издаваемый чаще весной у дупел «фить-фить-фить», похоже, что лошадей гонят. Потому и зовут иногда короткохвостую пичугу — «ямщик».

Пищуха

Большинство птицеловов называет эту птичку поползнем, потому что, подобно «ямщику», она тоже ползает по стволам и большим сучьям деревьев, исследуя каждую трещину своим кривым, как сапожное шило, клювом.

Пищуха — птичка небольшая, серовато-пятнистая сверху и белая снизу, хвост у нее зубчато-клиновидный, 189

Пищуха

словно бы у дятла, глаза маленькие. Весь облик скромной подслеповатой пичуги этакий нищенский, как у старушки-побирушки. Не раз я со смехом убеждался, до чего же характерным обликом наделяет природа всякое зверье, птиц и насекомых. Возьмем-ка, к примеру, гордую строгость в осанке сокола, добродушие снегиря, тупость крота, злобную ярость в окраске осы, хищную хитрость лисьей морды! Пищуха в полном смысле — побирушка, ведь ничего она не ищет разумно и активно, как, скажем, бойкая умница-синица. Поглядите: появившись из глубины леса, пищуха садится на ствол сосны у самого комля и заученным винтовым движением ползет от подножия к вершине. Снова перелет вниз и новое тихое восхождение по спирали. Так от дерева к дереву. Даже злость возьмет: «Да ползи же ты хоть раз по-другому, хоть на ветку сядь, хохолком поведи!» Нет, ничего не признает подслеповатое существо, кроме раз навсег-

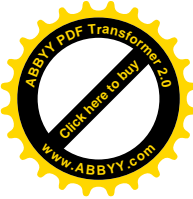
да заведенного движения. Иногда мне кажется, что пищухи даже не могут гнездиться, хотя, подобно поползням, постоянно ходят они парами. Пищухи все время переключаются однообразным писком: «тси-ри-ри-ри, тси-ри-ри-ри». Они точно боятся потерять друг друга, как братья-слепцы.

Эта птичка никогда не идет в западни, не спускается и под сеть, разве каким-нибудь невероятным случаем. Поймать ее можно на птичий клей, обмазав им ствол дерева. В клетках у любителей я никогда не видел пищух. Пойманные, они непрестанно лазают и скоро гибнут, если их не поместить в просторную вольеру, где ставятся два стволика, потесанных ножом. В трещины и зазоры стволов насыпается свежее муравьиное яйцо. Содержание пищух — совершенно неподходящее дело, тем более, что и пение их никудашное. В теплые мартовские дни возле дупел в сосновом лесу слышится иногда: «цы-пли-хи, цы-пли-хи». Поет пищуха.

И всегда думаешь: «Ну, тепло будет, раз такая занудная пташка распелась».

Завершая записки о синицах и птичках, подобных им, я могу сказать, что **все они — золотой фонд нашего леса**. Всех их надо внимательно изучать, знать их повадки, оберегать, снабжать искусственными гнездовьями. Для них полезно оставлять в лесу дуплистый сухостойник и делать кормушки в парковых зонах. Всякий любитель, берущийся за содержание синиц, прежде должен хорошо усвоить правила обращения с ними, запастись кормом, оборудовать клетки.

Он должен помнить, что **гибель синички — позорное пятно всякому любителю птиц**.

Иволга

По своей осторожности, недоверчивости не имеет равных. Иволга строго лесная птица, больше всего любящая высокие березовые рощи. Но было бы несправедливым называть рощи единственным местом, где селятся летом эти крупные, побольше скворца величиной, ярко-желтые птицы, с черными крыльями и красным клювом. Их сильный голос — свист, звучащий как переливчатое «фу-тиу-лиу», раздается и в сосновых старых борах, и в смешанном высоколесье. Прилетают иволги в двадцатых числах мая и поют до конца июля. В августе иволгу слышишь редко, а в последнюю декаду месяца она незаметно исчезает, отлетая на юг.

Вместе с чистым и благозвучным свистом иволга издает негромкое щебетание, слышное лишь вблизи, а иногда — противный резкий вопль, точно похожий на крик кошки, когда ей внезапно ступят на лапу или хвост. Таким кошачьим криком вопят чаще молодые тускло-желтые птицы или дерущиеся самцы.

В июне иволги устраивают на высоких деревьях, меж ветвей, гнезда, очень искусные, сплетенные корзиночкой и украшенные лентами бересты. Обычно в кладке бывает четыре яйца, редко пять или три.

Птенцы выводятся на пятнадцатый день и долго сидят в гнезде, по моим наблюдениям, на неделю больше, чем сходные по величине птенцы дроздов. Родители кормят птенцов огромными гусеницами, которых добывают с непостижимым умением.

192 Ловить иволгу можно в конце мая, с прилета, лучше всего высмотрев место, куда она сходит пить и купаться.

Нередко на лесных дорогах бывают лужи, где купаются все птицы окрестного леса. На таких лужах, или мочажинах, и устраивается водяной точок. Если лес кругом сухой, охота на водяном точке может быть удачной, особенно в ведренную погоду. Прежде чем устраивать ток, надо вооружиться лопатой и на благо общества заровнять, засыпать все лужи и колеи поблизости, за исключением одной, где будет ток. Важно, чтоб дорога была не очень проезжей, малопосещаемой. При постоянном движении транспорта о ловле нечего и говорить. На выбранной луже ставится большая сеть, а также делается всевозможная прикормка. Метрах в двадцати строится скрад-шалаш.

Лучше всего приходить в шалаш с ночи или на рассвете и уже не показываться наружу после расстановки сети. Иволги прилетают на водопой всего два раза — утром и около 3 часов дня.

Вот этим и можно воспользоваться, подкараулив замечательную жар-птицу.

Пойманную иволгу сажают в клетку-ящик с мягким верхом и на первое время прикрывают марлей. Птица эта строгая, пугливая, особенно старые самцы. Одно-двухгодовалые бывают хороши и нередко запевают на третий день. Старики привыкают хуже и в первое лето могут не дать голоса. Полностью обседевшаяся иволга начинает свистеть с марта. Поначалу ее голос так радует своей летней благодатью, силой звука. Так и чудятся зеленые рощи над тихой рекой. Но когда птица «войдет в раж», ее пение утомляет. Оно слишком однообразно и громко для комнаты.

В этом отношении гораздо лучше певчий дрозд, который копирует иволгу довольно чисто и к тому же добав-

193

ляет массу своих чистейших переливов. Крик иволги дают многие скворцы, вводя в заблуждение малознающих любителей, и эти последние начинают вас уверять, что слышали иволгу в начале апреля.

Кормить иволгу надо, как дрозда. Соловиная смесь, каши, мучные черви, ягоды черники и черемухи. Привыкшая иволга ест все: и мясо, и хлеб, и яблоки, и сухофрукты из компота, и рубленое крутое яйцо. Клетка нужна дроздовая, ящичная, с мягким верхом.

У любителей чаще встречаются иволги не ловленные, а выкормленные. Но дело это хлопотливое, кормить надо долго и брать стоит разве слетков. Они не будут иметь той прекрасной апельсиновой окраски, какая бывает у иволг с воли. Выкормленные иволжата, как часто и выкормыши других пород, вовсе не обязательно будут ручными. Иногда по дикости они хуже пойманных иволг.

Несколько правил выкармливания птенцов всех птиц

1. Брать для выкармливания как можно позднее — оперившихся.

2. Кормить в первое время чаще, с промежутком в 20—30 минут, постепенно через 2—3—5 дней увеличивая промежуток до часа.

3. Давать червей, муравьиное яйцо, насекомых, хлеб в молоке обязательно с землей, песочком и толченой скорлупой хотя бы 2—3 раза в день.

194 4. Начинать кормление рано утром и кончать с заходом солнца.

5. Содержать выкормышей в тепле.

6. Возможно раньше приучать их к самостоятельному питанию.

7. Вода дается каплями с пальца, 2—3 раза в день.

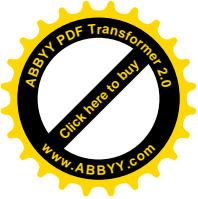
Дрозды

Певчий дрозд. Из всех клеточных птиц больше всего люблю я певчих дроздов. Они соединяют в себе многие лучшие качества: отличное долгое пение, по числу колен превосходящее соловья, а звучностью и музыкальностью сходное с ним; скромная красота в оперении; изящность в сочетании с неповторимым лесным обликом; строгость и горделивость в лучшем смысле. Певчий дрозд — это сам наш глухой лес, чуткий, красивый, дремучий.

Вы идете ранней весной по дороге вдоль опушки елового леса. Снег только согнало. Везде сочится вода. Мелкая травка кой-где пробивается. Поют яблочки. Пасмурно. Канючит над вершинами леса, кружится большой канюк. Утро. Запахи воды, холода, подснежников, прошлогодней сырой листвы.

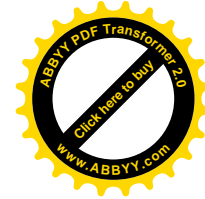
Вдруг явственно донесется свистовой голос птицы: «Иди кум... Иди... Иди... Чай пить... Чай пить...»

«Да ведь это певчий прилетел!» — обрадуешься. И поймешь его высматривать тихонько. А он уже перешел на грустный флейтовый напев, закричал кукушкиным хохотом, мякнул неясно, завопил сойкой; откликнулся канюку и куличьим свистом рассыпал по всему лесу... Не сразу увидишь по вершинам, где он сидит. Голос-то громкий, за километр слышно. Ведешь, ведешь взглядом по синим

еловым венцам. Да вон же! Ель посуше других, слегка наклонилась. И сидит он на самой маковке. Подкраившись опушкой, можно разглядеть крапчатую грудку и черные точки больших глаз. Вот он, лесной соловей — певчий дрозд. Видно, как раскрывает клюв. Повернулся коричневой спинкой — и в другую сторону полилась вдохновенная гамма. На макушке ели он кажется крупным, а ведь на самом деле певчий невелик, чуть больше скворца.

Долго не идешь с опушки. Слушаешь. Издали еще такой же редкий посвист — наговор. Другой дрозд поет, и песня у него по-своему. К полудню певчие дрозды смолкают. Теперь их можно увидеть бегающими по сырým полянам подле опушки. Там есть в оттаявшей земле черви-подлистники — главный корм этого дрозда весной. Очень любит певчий дрозд сырые, но не кочковатые елани подле глухого темного леса, елани с кротовинами, кучками черной земли. Тут же, в ельниках, дрозд гнездится, располагая свои гнезда обычно на елочках невысоко от земли. В средней полосе России певчий дрозд более многочислен, чем на Урале, и там предпочитает смешанный лес с елью, осинкой, березой. Обычно его ладное, вымазанное изнутри древесной трухой гнездо найти нелегко, но если повезет, вы увидите в нем кучку птенцов, сидящих тесно, как грибы в кузовке. Гнездится этот дрозд два раза в лето, птенцы под Свердловском бывают в первых числах июня и в середине июля. В гнезде первой кладки бывает до пяти птенцов, во второй — три-четыре. Как любитель дроздов, я брал их для выкармливания, хотя надежды на особую привязанность певчих выкормышей не оправдывались. Ручные и небоязливые в первые две недели, затем дрозды становились пугливыми. Дрозд-выкормыш не умеет петь.

Ему нужен учитель. В противном случае вы будете держать выкормыша десяток лет и слушать одно-два несуразных колена.

Берут певчих дроздов из гнезд потому, что поймать их весной довольно трудно. Ловля певчих — высшая школа для охотника. Эту птицу можно поймать лишь на хорошо прикормленном месте тайником или самоловом. Обязательна маскировка снасти, и сам охотник должен сидеть в заранее построенном шалаше. Дрозд никогда не сойдет на ток, если заметит хоть малую опасность. Почти такой же, но более обильной бывает осенняя охота в сентябре. Здесь ловят уже выводки дроздов, прикармливая их ягодами и мучными червями. Излюбленные места певчих — мелкие соснячки, просеки, где есть малинник, камни в лесу и какие-нибудь овражки. Иногда тут дрозды скопляются сотнями на пролете, и, войдя в такой тощий соснячок, просто удивляешься обилию этой прекрасной певчей птицы. Дрозды взлетают с негромким, но резким звуком «цык, цык». Это обычная позывка певчего дрозда. Позывка другого мелкого дрозда — белобровика — звучит как долгое «тсиии» или резкое «кук». Большой дрозд-деряба издает нечто вроде храпа: «хррррт». А рябинник визгливо «по-дроздовому» чакает.

Певчий дрозд — один из самых заметных в лесу весной — осенью даже в полет держится скрытно. Отлетает он почками и нигде не виден такими шумливыми стаями, как обыкновенный дрозд-рябинник. Дроздовую ягоду рябину певчий аристократ ест лишь в самом крайнем случае, подмороженную и сладкую, он предпочитает ей чернику и держится на черничниках весь август. Любит он также всевозможных насекомых, слизней, улиток, мокриц, дож-

девых червей-подлистников. Дождевыми червями он выкармливал и птенцов.

Я ловил певчих дроздов в конце августа на черничниках, заранее приваживая птиц ягодами и муравьиными яйцами. Так однажды поймал я двух отличных самцов, молодого и старого. Старик-певчий держался очень осторожно. Мне пришлось его подсиживать пять дней. Я приходил в тот сосняк раным-рано, как на работу, осматривал прикорм, ставил сеть, забирался в шалаш, и начиналось нудное ожидание, слегка скрашенное тем, что я учил наизусть стихи Пастернака. Два раза дрозд прилетал, но бегал по краю тока, и крыть его было невозможно. На пятое утро он спустился в ток, где нужно, но я начал приподниматься, чтоб лучше разглядеть, и осторожная птица тотчас взлетела, заметив движение в шалаше. Дрозд сел в вершине сосны над моим скрадом и, настороженно похлохтывая, глядел вниз. Я застыл в неудобной позе на коленях и сквозь ветки смотрел на птицу, пока не почувствовал, что ноги начинают каменеть. К счастью, дрозд успокоился, повернулся и скоро снова слетел на ток. Тут уж я не зевал. Птица попала исключительная — такого чистого крупного певчего дрозда мне не приходилось добывать. На том же точке я поймал и молодого дрозда. Из него вышел отличный солист, правда, две весны я носил его в матерчатой кутейке в лес слушать лучших дроздов.

Самые хорошие для содержания дрозды одно-двухгодовалые. Они быстро привыкают, у них сложилась песня, они легко берутся за корм. Старые певчие при исключительной песне — невероятные дикари, бьющиеся в кровь. При должном уходе они «обсиживают» лишь через год-полтора.

Клетка дрозду нужна № 4. Мягкий верх обязателен, если не хотите увидеть своего любимца с разбитым надклювьем. Во время пролета (апрель и сентябрь-октябрь) дрозды не спят ночью, прыгают, пугаются и скидываются во тьме вертикально, как жаворонки. Певчий дрозд и вообще очень пугливая, нервная птица. Он боится резких движений, незнакомых людей и предметов. У меня жил дрозд, который ужасно бился, завидев в моих руках какую-нибудь палку, другой вел себя так же, когда я надевал белую рубашку.

Певчий дрозд великолепно оправдывает свое название. Он поет десять месяцев в году, из них добрую половину громко, с февраля до июля. После линьки (август) поет в треть голоса или под нос.

Как и соловей, певчий любит начинать в темноте, на брезгу, и тогда будит хозяи-

Певчий дрозд

на в четыре часа ночи. Уснуť в комнате, где поет дрозд, невозможно. Это надо учитывать любителю, приобретаю могучего певца. Днем дрозд поет мало, но перед вечером и к ночи снова звучит его торжественный голос.

Кормить дрозда надо соловьиным кормом: одну четверть моркови плюс одну четверть муравьиного яйца плюс одну четверть сухарей плюс одну четверть мяса. Также хороши ягоды черники, черноплодной рябины, ирги, брусники, мороженой рябины. Хорошо ест мелкорубленные яблоки и арбуз. Летом следует добавлять свежее муравьиное яйцо, дождевых червей, особенно в период линьки. Норма мучных червей не более 10 в разгар пения. Обычно 3—5 штук. В озелененных вольерах этот дрозд может гнездиться.

Черный дрозд. Не встречается на Урале, но может быть в Предуралье, по Каме, а залетом и восточнее. В средней европейской лесной полосе он есть везде, но численность его невелика. Очень много этих дроздов на Кавказе и в Предкавказье.

По величине черный дрозд больше певчего, почти с рябинника. Хорошо отличен своей угольной окраской без каких бы то ни было пестрин. Вокруг глаз у самцов темно-желтые кольца. Клюв птиц старше одного года — желтый. Самки дроздов бурые, темноклювые, с беловатым горлом. Так же окрашены и молодые до первой линьки в августе-сентябре.

Черный дрозд любит леса глухие, запущенные и сыроватые. Это птица темного леса в полном смысле. Где есть в лесах потаенные ручьи, овраги, мелкие речонки, там всегда услышишь весной его громкий печальный голос с каким-то валторновым переливом. Попадаетея он и в ста-

рых дубравах, вековых парках, заброшенных кладбищах и островных рощах — яругах. Тут же гнездится он на елках или в кустах, сломан сучьев, невысоко над землей. В окрестностях Сочи я находил гнездо черного дрозда (вторая кладка) в первых числах июля. В гнезде было три птенца, и располагалось оно на высоте человеческого роста в лавровом кусте близ опушки сосновой рощи.

Черный дрозд пуглив, недоверчив к человеку. Заметив опасность, он тотчас улетает, ныряя вниз, и летит с тревожным чаканьем. Его часто видишь на земле бегающим по тропинкам и в подседе, где дрозд ищет червей и слизней. Осенью эти дрозды небольшими выводковыми стайка-

Черный дрозд

ми и в одиночку посещают ягодные сады. До рябины черный дрозд не охотник, он выбирает ягоду послаще и предпочитает чернику, иргу, черноплодник, а на юге — мелкий виноград.

Повля сопряжена с теми же трудностями, что и охота за певчими. Обычно добывают на прикормке, на воде, а осенью на ягодном точке, если есть хороший приманный.

По содержанию в неволе черный дрозд несколько отличается от певчего. Клетка ему нужна побольше и обязательно ящичная, иначе дрозд быстро портит свой длинный хвост, прыгая на боковые решетки. В корм дается больше мяса и ягод, рубленое яблоко. Морковь с хлебом ест неохотно. Муравьиное яйцо зимой почти не обязательно. Летом, особенно во время линьки, даются дождевые черви, улитки, слизи и рубленый мокричник, хлеб, размоченный в молоке. Очень требователен черный дрозд к купанию. Купалка — обязательная часть его клетки. Птица, лишенная купания, теряет перо на голове, мало поет и выглядит совершенно несчастной. Кормушку и купальню лучше иметь навесные с обеих сторон клетки, чтобы при смене корма и воды не тревожить пугливую, нервную птичку. На подстилку в клетке насыпается речной песок или опил. Бумагу дрозда рвут, растаскивают и сорят ею.

Поет черный дрозд громко, начиная с весны второго года. Выкормыши нуждаются в дрозде-учителе так же, как и все молодые птицы. Необученный выкормыш — напрасная трата труда и времени. Ничего, кроме несвязного тихого бормотания, он не даст. Зато обученный или старый черный дрозд, поющий красиво и звучно, — немалая редкость и гордость настоящего любителя. Живет черный дрозд в клетке по двадцать-тридцать лет.

Дрозд-деряба. Лет пятнадцать назад я шел по железной дороге с разезда Гать на станцию Шувая под Свердловском. Было тихо, тепло, солнечно — утро в середине апреля. Лес по обе стороны дороги уже звенел головами яблочков, на просохших опушках перелетали крапивницы. На подходе к повороту дороги я услышал странный голос непонятной мне птицы. Торжественно, громко, величаво она высвистывала недлинные низкие колена: «тю-рю-лю-тюрю, тю-рю-лю-ю». Казалось, я знал голоса всех птиц, а этот меня озадачил. Он походил отчасти на пение черного дрозда. Но какой черный на Урале? И как должен быть велик певец, если голос его разносился на километры?

Я сошел с полотна и углубился в лес, где еще лежал сыпучий и мокрый снег. Голос невидимой птицы звучал все громче, и наконец я увидел ее. Большой серый дрозд сидел на вершине гигантской сосны и аукал все так же спокойно, монотонно. Я подошел ближе, но осторожная птица снялась с тревожным сухим храпом — «хррр-трррр», полетела над лесом. Я узнал ее. Деряба! Один из самых больших дроздов величиною немного поменьше галки¹. Я знал деряб по осеннему пролету, когда они редкими растянутыми в небе стаями летели в октябре над городом, роняя этот знакомый дроздовый храп. Но я никогда не

¹ В тех же местах, где живет деряба, встречается изредка еще более крупный короткохвостый земляной дрозд, отличающийся темно-желтой чешуйчатой окраской верха и бело-желтым крапчатым низом. Однажды, еще подростком, я поймал такого дрозда с поврежденным крылом в парке Свердловского Дворца пионеров, в конце сентября. Дрозд жил на яблоках и моченом хлебе около месяца, а затем был отдан птицеводам.

Дрозд-деряба

слыхал их песни и путал с крупными рябинниками, которые в лесу встречаются чаще всего. Впоследствии я нашел осенью мертвого, недавно подстреленного дерябу и уже точно разглядел его внешность. Он был весь бурый с верхней стороны и белый со слабой охрой на боках грудки. И по этой близне и охре словно отпечатаны чистой краской равномерные темные пятна-капли. В общем, дрозд напоминал вдвое увеличенного певчего. «Так вот ты какой, деряба!» Я с сожалением положил птицу под куст. Кому он понадобился без нужды? Но мне этот убитый дрозд сослужил хорошую службу — я безошибочно стал отличать деряб от рябинников, ведь у рябинников окраска верха трехцветная (серая шея, бурая спинка, темноватый хвост).

Под Свердловском дерябы прилетают иногда уже к 10 апреля, и вскоре в высо-

ких сосновых борах, чередующихся с полянами и лугами, уже слышен их голос. Самцы поют с зари до полудня и вечером, на закате. Этот одинокий дрозд никогда не селится колониями, как рябинник, и, если дерябы заняли свой участок, другую пару встретишь не ближе, чем в полукилометре. Гнездится дрозд высоко, а дает всего две кладки по 4—3 птенца. В остальном образ жизни его сходен со всеми дроздами. Он кормится летом по лугам и опушкам, добывая червей. Осенью собирает ягоды, летает и в городские сады вместе с рябинниками. Отлет происходит растянуто, от средних чисел сентября до конца октября. Но большинство деряб уходит в сентябре.

В клетках, даже у завязанных птицеловов, деряба не встречается. Поймать осторожную редкую птицу — высший класс ловли, а он доступен немногим. Единственная возможность завладеть дерябой — поймать его в самолов на прикорме, куда часто дрозды любят летать (например, луговина, опушка). Деряба-выкормыш (обученный) или пойманный молодым в хороших заботливых руках выживает по двадцать лет. Крупной величины дрозда чураться не следует. Ест он немного, ничуть не больше певчего. Петь громко в клетке начинает с февраля, иногда поет и осенью в сентябре. Это более спокойный дрозд, чем черный или певчий. Но и ему нужна клетка с мягким верхом и лучше яичная с редкими, на 3—4 см деревянными прутьями. Корм как для всех дроздов, но с большим добавлением рябины или мелких яблочек. К летнему корму добавляются мучные и дождевые черви, рубленая зелень.

Дрозд-рябинник. Самый обыкновенный дрозд, которого знают даже несведущие люди и за которого прини-

Дрозд-
рябинник

мают всех остальных наших дроздов: певчего, белобровика, дерябу и других.

Рябинник действительно одна из самых заметных крупных и крикливых певчих птиц нашего леса. Появляясь рано, иногда в первых числах апреля (например, в 1965 году), рябинники держатся до глубокой осени. Основной отлет идет в октябре, но отдельные пары этих дроздов и даже стайки остаются в урожайные на рябину годы и зимуют. Я встречал рябинников в городских садах и в декабре, и в январе. Рябинник — пример птицы умножающейся. Распространение садов и мелкоплодных яблонь-сибирок дает ему надежную кормежку на большую часть года.

Вот почему шумные колонии этих крупных, сизоголовых, бурospинных дроздов теперь можно найти в любом пригородном сосняке. Стоит человеку появиться в границах такой колонии, как десятки птиц с отчаянным криком, взвизгиванием и чаканьем налетают на него, брызгают пометом, верещат и мелькают перед лицом. Иной растерявшийся от внезапного нападения, берегущий глаза и одежду турист задает стрекача или по крайней мере с проклятием отходит подальше.

Гнездование колониями выгодно для сохранения дроздов, и этим пользуются не только они, а всякие другие птички. Обычно в сообществе рябинников, или рядом с ними, по краям гнездятся зяблики, лесные коньки, вьюрки, овсянки и дрозды-белобровики. Они используют мощную защиту гнездовой колонии от ястребов и сорок.

Но все-таки иногда такая чересчур шумная защита приводит к обратным результатам. Мальчишки и досужие люди, под видом туристов шатающиеся (иначе не скажешь о них) по пригородным лесам и занятые тем, что рубят березы «для сока», жгут костры, обламывают макушки у елей, с радостью зорят открытые гнезда рябинников, выбирают яйца.

Очень хитро поступают сороки. Я видел, как охотятся весной сорочьи пары. Одна сорока залетает на край колонии и начинает стрекотать, поднимает шум и гвалт. Все дрозды кидаются на проклятую хищную воровку, преследуют ее далеко с невообразимым гомоном, а в это время другая сорока совсем тихо подбирается к оставленным гнездам, пьет яйца и пожирает неоперенных птенцов.

Из всех дроздов рябинник поет наиболее плохо. Его песня — непрерывная скрипящая нестройная трель, кото-

рая и утром и днем слышна в окрестностях колонии. Часто эти дрозды поют на лету, совершая нечто вроде токового полета над лесом.

Для содержания в клетке этот дрозд мало пригоден из-за своей песни, крупной величины и беспокойного нрава. Привыкают рябинники хорошо, но вряд ли кому из любителей понравится их верещание, взвизгивание и постоянное «ка-ча-ча», которым они встречают хозяина.

Самым лучшим отличием этих дроздов служит их крик, не сходный ни с храпом деряб, ни с циканьем певчих. Заметна и трехцветная окраска верха — серая голова, коричневая спина, черноватый хвост. Пятна на груди неравномерные, а собраны в сгустки по бокам.

Рябинников¹ изредка ловят осенью на ягодных токах или случайно, когда они забегают на ток в поисках червей.

Дрозд-белобровик. Самый маленький дроздик, поменьше певчего и как-то тоньше. Хорошо различается ясными белыми бровями и нечеткими продолговатыми штрихами по бокам грудки (у певчего дрозда крапины кругловатые и равномерно осеивают всю грудь и брюшко). Позывка звучит как долгое «тсини» или глухое «кук-кэк». Пение белобровика — громкая нисходящая гамма вроде: «ю-рю-рю-рю, рю-рю-ри-ри», дополняемая разнообразным скрипом и щебетанием, как у рябинника. Прилетает на Средний Урал раньше певчего дрозда, иногда уже и 5—7 апреля, часто вместе с рябинниками. Отлетает в середине

¹ На Северном Урале и в Зауралье попадает еще чернозобый дрозд — средней величины, серо-оливковый сверху, с черными горлом и зобом, брюшко белое.

Дрозд-белобровик

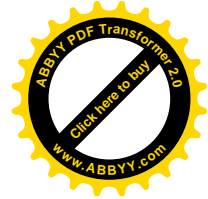
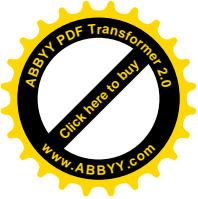
октября. Селится в колониях рябинников или в одиночку. Гнезда делает невысоко, а также на земле. Поет чаще утром и вечером, на заре.

Птицы с чистой красивой гаммой редки, чаще песня обильна трещанием.

Ловят этих дроздов так же, как и певчих, — на прикормку. Все условия содержания сходны с певчим дроздом.

Зарянка

Редная птица носит такое лесное утреннее имя. И зарянка вполне его заслуживает не только голосом, чаще всего раздающимся в лесу на утренней и вечерней заре, 209

но и своей «заревой» грудкой, горлом и лобиком, окрашенными в яркий оранжево-красный цвет. Добавьте к «дроздовому» облику птички очень большие круглые глаза, и вот она — зарянка, которую так же, как горихвостку и пеночку-пересмешку, часто называют «малиновкой».

Обычно во всех описаниях утра в лесу, сделанных несведущими писателями, присутствует «чудесное пение зарянок». Но мы с вами — люди, знающие птичек до тонкости, и потому скажем прямо, что пение зарянок более чем скромное и гораздо хуже всех восторженных отзывов о нем. Это недлинная сыпучая нестройная трель, нечто вроде: «цви-кис, цюри-цюри-цы-цвы-ки...», которую поющий самец зарянки усердно повторяет, сидя на вершине ели или другого высокого дерева. Трель зарянки не музыкальна, ни в какое сравнение не идет она с торжественным голосом певчего дрозда, но все-таки в весеннем, еще не одетом лесу она производит приятное впечатление, слушается с удовольствием — ведь с тем же чувством встречаешь первое тепло, первый цветок медуницы, первую травку на притрете косогоре.

Голос зарянки чаще всего звучит в местах сыроватых, где растет угрюмый заболоченный ельник — урман. Птичка любит заросшие густяком старые выработки, непролазное чернолесье с ольхой, осиной, ивовыми кустами, охотно селится она и в молодом лесу, поднявшемся на обширных вырубках и гарях.

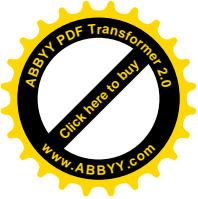
Зарянка — птица чащи, хотя и придерживается опушечной зоны.

210 Увидеть птичку исключительно трудно. Лишь звонкий характерный крик выдает ее присутствие. «Цык-цирик-цик, цык-цирик-цик» — звонко кричит она, и надо долго

всматриваться в сумрачную чащобу, пока заметишь бегающую по земле или прыгающую по веткам зарянку.

Охотники-любители часто держат зарянок за их чудесную окраску, неприхотливость и легкую приручаемость. И в клетке зарянка поет много, но тихо — в треть голоса. Лишь к весне начинается громкая песня, ее дает далеко не каждая малиновка. По условиям содержания зарянка самая нетребовательная из насекомоядных. Она ест давленную, растертую скалкой коноплю (в небольшом количестве тертую коноплю едят многие дроздовые птицы), ягоды черники, бузину, черноплодник, отлично осваивает соловьиную смесь и, конечно же, очень любит мучных червей.

Зарянка очень привязана к избранным ею местам. Если вы встретили ее в каком-нибудь уголке леса нынче, вы из года в год найдете зарянку тут же и почти в одни сроки: с середины апреля до последних чисел октября. В 1958 году осенью я поймал зарянку на прикормке. Она жила у меня всю зиму, не пела, — по-видимому, оказалась самкой — была выпущена весной прямо в огород. Я рассчитывал, что птичка улетит, так как была она вполне здорова. Велико было мое удивление, когда я увидел свою зарянку через полмесяца. Она сидела на повешенной за ненадобностью на стенке сарая клетке, где жила зиму. Я открыл дверцу, и хотя птичка отлетела, в скором времени она вернулась и вошла в клетку. С той поры зарянка являлась в садок ежедневно, и я стал оставлять ей мучных червей. В остальное время она держалась в огороде, густо заросшем с одной стороны давно не чищенным малинником и старыми кустами смородины. Зарянка исчезла лишь с выпадением снега. Но еще удивительнее оказалось то, что и

на следующую весну 20 апреля 1960 года зарянка вернулась в огород, держалась тут недели две и забиралась в свою клетку, чем окончательно убедила меня в том, что птичка именно та, а не какая-нибудь другая. В мае зарянка исчезла, и я не знаю, что было тому причиной. Может быть, она не нашла пары, и гнездовой инстинкт сдвинул ее с насиженного места, может быть, просто попалась кошке. Весь этот случайный опыт говорил за то, что любительницы глухомани вполне могут селиться в наших городских садах, парках, газонах. Было бы неплохо отловить несколько пар молодых зарянок и, обдержав зиму в клетках, выпустить с весны в садах с подходящими для гнездования условиями. Гнездятся птички в густерне, на земле, как соловьи. Очевидная польза от птиц сочеталась бы с большим эстетическим удовольствием. Разве не приятно иметь у себя в саду «своих» зарянок, горихвосток, а может быть, и соловья, ведь соловьи — ближайшие родичи красногрудых лесных птичек.

Меня всегда удивляла способность зарянки оставаться дольше всех прочих насекомоядных птиц. Уже не раз выпадал и таял снег, земля промерзала до звона, и ледяные ветры сорвали последнюю листву, давно улетели пеночки, горихвостки, варакушки — птички, долго задерживающиеся осенью, а зарянки все еще есть. Бывает, выйдешь поутру в огород — кругом снег, холодно, льдистое зеленое небо на востоке, и вдруг слышишь цвирканье зарянки из малинника. Все еще тут. Последних зарянок¹ я встречал

¹ Похожа на зарянку величиной и повадками другая птичка из семейства дроздовых — синехвостка. Под Свердловском она встречается на осеннем пролете в начале октября. Спина у птички синяя, зоб рыжеватый. Однажды такая птичка (самка) была

27 октября, но авторитетные люди сообщали мне, что видели зарянок и в начале ноября. В такое позднее время птицы перебираются в сады, на заброшенные пустыри, кладбища, в парковые заросли и в черемуховую чащу по берегам долго не замерзающих рек.

Горихвостка-лысушка, или садовая горихвостка

Бывают певчие птицы, которых затруднительно отнести к категории лесных, опушечных или даже городских. Примером служит довольно известная многим садовая горихвостка. Это та самая «малиновка», которая поет ранними майскими утрами в городе на высоких старых тополях. Она живет и во всех парках и по дворам, где есть ветхие строения, ее приятный голосок равно звучит и в безлюдной глухомани старого смешанного леса, и на пронизанной солнцем опушке. Нет ее лишь в кустарниковой поросли.

Горихвостка из породы дроздовых, родня варакушки, соловья и зарянки, которых напоминает своей манерой держаться, — те же порывистые движения, то же спокойное замирание надолго, когда птичка «задумавшись» сидит где-нибудь на выступающей доске забора. Но вот словно вспомнила о чем-то и — нырок вниз, стрелой пронеслась в кусты смородины. А вот уже снова столбиком сидит на заборе, дрожит хвостиком.

куплена на птичьем рынке Свердловска. Я знал охотника, у которого она жила. По повадкам и корму синехвостка ничем не отличалась от зарянки.

Самец горихвостки очень красивый, черноголовый, в красном жилетике, но легче всего его узнать по белому яркому пятну на лбу, за что горихвостку и зовут иногда лысушкой. Самки-горихвостки пятна не имеют, окрашены скромнее, только хвост у них тоже оранжевый.

Появляется лысушка довольно рано, иногда в последних числах апреля, но чаще к 2—4 мая. В это время нетрудно поймать ее лучком или самоловом на мучных червей или даже в заприкасаемую пустую западенку.

Однако на основе многолетнего опыта содержания птиц я не могу рекомендовать любителям горихвостку как хорошую клеточную птицу.

Поет горихвостка звучно и красиво, в конце песни удачно подражает, но и на воле, и в клетке период пения недолог — всего каких-то два месяца. Все остальное время птичка упрямо отмалчивается или надоедливо выкрикивает «уйти, уйти, уйти», дополняя крик трескучей неопределенной нотой. В клетке горихвостка скучна, малопоходжна, громкую песню весной дают лишь немногие самцы.

Лучше всего любителю приваждать горихвостку к своему двору или саду, для чего надо сделать небольшие дуплянки и повесить их в укромных местах, под коньком сарая, на тополе, под крышей. Птички быстро найдут гнездовье, займут его, и тогда каждую весну ломкий утренний голосок «малиновки» станет будить вас на заре.

В белые июньские ночи горихвостка начинает петь очень рано, в два-три часа, на самом брезгу, чем вводит в заблуждение незнающих людей, которые тут же заявляют, что слышат по ночам соловья.

Из своего детства помню: утро, нежный летний туман,

распахнутое окно, свежесть неба, воздуха, росы и песенку горихвостки. Из года в год прилетала к нам эта «малиновка» и делала гнездо в обветшалом скворечнике, кое-как прибитом на худой забор. Выводки этих птичек держались по сирени и малинникам до начала октября. Содержание горихвостки в клетке сходно с соловьем или зарянкой.

Пеночка-пересмешка, лесная малиновка

В двадцатых числах мая, когда все в лесах оденется листом, зазеленеет свежо и ярко, слышится в рощах звучное красивое пение. Не то славка, не то камышевка поет. Звуки песни перемежаются криком чижей, пиньканьем яблика, дроздовыми свистами, и снова повторяются странные колена, в которых, коль прислушаешься, найдешь правильное чередование многих слов.

Так поет пеночка-пересмешка.

Странная зеленая желтобровая птичка действительно напоминает пеночку, но покрупнее, корпуснее, с более толстым и широким у основания клювом. Нижняя сторона у птицы желтая, как у чижа. Пеночка-пересмешка очень редкая птица в коллекциях любителей. Поймать ее трудно. Пересмешка почти всегда держится в самых верхних сучьях деревьев, ловко прячется в листве, весьма непоседлива и осторожна. Может быть поймана подобно иволге на водяном точке. Я не ловил и не содержал пересмешек. Никогда не встречал их и в других руках, но, по свидетельству зарубежных авторов, птица эта хорошо приживается в клетке, поет много и красиво. Каждая лесная малиновка имеет свой набор в песне, общими являются лишь характерные слоги: «ки-ки-кий, ки-ки-кий», которые она повто-

Пересмешка

ряет, как садовая камышевка. Для леса высокого, сосново-го, березового и смешанного лесная малиновка не редкость. Близ всякой высокой опушки слышишь в июне ее крикливый напев. Гнездо пересмешка устраивает в подсаде. Птенцы вылетают к десятому июля. Их не бывает много — в выводке 3—4 птички. Кормится пересмешка насекомыми, но к осени берет и ягоды, особенно красную бузину. К последней декаде августа пеночки-пересмешки повсеместно и тихо исчезают.

В клетке пеночку-пересмешку¹ содержат подобно камышевке или славке. Клетка крытая, с мягким верхом.

¹ По кустарникам, садам и опушкам в те же сроки попадает другая мелкая пересмешка — буровато-серая бормотушка, пение этой пересмешки тихое, «бормочущее», но, как и зеленая пересмешка, она также копирует голоса разных птиц. В высоком лесу не встречается.

Свиристель

Первые холода приходят к началу октября. Тогда уже и снежит и пробирает знобким ветром. Лист с шумом валится под его порывами. Примолкают светлеющие день ото дня леса, все меньше птиц. Идет отлет дроздов. Скромные певчие и крикливые рябинники задерживаются на ягоде. Красно-пунцово нежится в перелесках рябина. Быстро спадает ее неспорый перистый лист, но тем ярче, соблазнительнее свисают сочные гроздья, темнеют, приобретают винный вкус терпко-сладкие подмороженные кисти. В эту пору к рябинам нашествие: их щиплют рябчики, суетливо оклеивают дрозды, снегири подлетают своим ныряющим полетом. И все-таки не очень страдает рябина, велик урожай, не скоро соберут его птицы. Так и стоит, красуется рябинник, пока не пойдут над лесом дружные острокрылые стайки, в полете похожие на скворцов, а садут, и вот они — хохлатые серо-дымчатые свиристели. Свиристелей по их необычному хохлатому виду знают многие. Птичка эта крупная, видная, не мельче скворца. Явившись к середине октября из северных лесов, свиристель налетает на плодопитомники и сады. И тогда держись, рябина, мелкоплодная яблоня, черная ирга! Посидит станичка свиристелей одно утро в саду, и нет после них ни одной ягодки — прожорливость свиристелей удивительна. Едят они почти беспрестанно, и вся их жизнь заполнена одним — поисками еды.

В утренних сумерках вылетают свиристели на кормежку, и едва находят подходящую рябину или яблоню-сибирку, как начинается пиршество. Птицы глотают ягоды, давятся ими, набивают зоб до такой степени, что иногда

не в силах бывают взлететь. Сытые птицы устраиваются где-нибудь поблизости на макушке тополя, кучно усаживаются там со своим непрерывным серебряным «ти-ли-ли-ли» и отдыхают, переваривают пищу. Их сменяют на ягоднике успевшие проголодаться. И так целый день. Особенно прожорлив свиристель с прилета, зимой птицы не так объедаются и даже в клетках съедают половину того, что брали раньше целиком. В неурожайные на рябину годы свиристель кормится почками.

Свиристель — чисто декоративная птичка. Никто из любителей не содержит его ради пения, представляющего собой вариации той же позывки. Прожорливость, неопрятность и скудное пение — причина того, что никто не держит свиристелей подолгу. В неволе они скучны, малоподвижны.

Содержать свиристея нужно на соловьиной смеси, добавляя к ней рубленые яблоки, рябину и прочие ягоды. Освоившийся с кормом свиристель ест не больше певчего дрозда. Клетка для содержания нужна второго номера и без мягкого верха, ибо осваивается птица быстро. Ловля свиристелей осенью и зимой не трудна. Они идут и в пустую западню, повешенную тут же на рябине, и на ток под ягодным деревом. За один раз при сноровке можно покрыть до десятка непугливых птичек. Из пойманных отбирают более ярких самцов, а остальных выпускают.

Щур

218 В толстой, затрепанной книге Альфреда Брема была цветная вклейка. Засыпанный снегом угрюмый лес, вершина ели со связками коричневых шишек, на них стая клестов

красных и желтоватых, ниже на еловой лапе пара крупных долгохвостых малиново-красных птиц, таких же толстоклювых, как снегири. «Клесты-еловики и щуры» — была подпись. Я, тогда еще маленький мальчик, благоговейно рассматривал ярких птичек. Они запомнились мне навсегда.

Я никогда не видел живыми ни клестов, ни щуров. В город они не залетали, на пустыре и в старом беспризорном парке не водились. Почему-то тогда не приносили щуров и клестов на птичий рынок, непременно посетителем которого я бывал всякий воскресный день. Лишь когда я немного подрос, отец стал брать меня на охоту. Я узнал, что клест — самая обычная птица в хвойном лесу. Его цоканье и крикливое «тив-тив-тив» постоянно несется с еловых вершин. Оно скоро стало привычным. А щуры так и не попадались, может быть, по простой причине — ходил я в лес лишь ранней осенью, а с выпадением снега ружье вешалось на стену.

Но однажды в теплую затяжную осень 1946 года я отправился на охоту в пойбре. Уже выпал неглубокий снежок, и леса стояли под пасмурным небом чистые, прозрачные, печальные. Все ждало настоящей зимы и хмурилось, тосковало о прошедшем лете, о ясном солнышке, которого давно не видела земля.

Я забрался в осиновый подлесок, круто взбегающий на гору. Заячьи следы четко тропились сквозь него там и сям. Пробираясь меж тонких зелено-серых стволиков, я вдруг вспугнул трех крупных серовато-красных птиц. Они уселись близко на тонкие ветви и покачивались, издавая тихие, скулящие, вопросительные звуки. Я никогда не видел таких птиц, и в то же время они странно напоминали

кого-то. «Какие? Кто?» — напряженно вспоминал я и вдруг сказал: «Щуры! Ну, конечно же...» Но как отличалась их окраска от той нелепой, зацвеченной, попугайной вклейки! Щуры были прекрасного дымчато-малинового цвета. Их крепкие клювы скорее напоминали клюв рябчика. И вообще в их облике было много таежного, северного, что-то от елок и мхов. Один щур был не малиновый, а серовато-желтый, с чешуйчатым узором на груди и голове. «Самка», — догадался я. Я подошел к птицам ближе. Они не улетали, словно бы тоже разглядывали меня. Они были поразительно доверчивы, до крайнего я мог дотянуться. Но вот птички, которым, по-видимому, уже надоело мое любопытство, вспорхнули одна за другой и перелетели. Лишь теперь я заметил, что в осиннике растут молодые рябинки с немногими поклеванными кистями. Щуры переместились и спокойно принялись за еду.

Позднее, бывая в лесах подолгу, я наталкивался на щуров глубокой осенью всегда в рябинниках, в зарослях колючей калины и по можжевельнику. Щуры не летали крупными стаями — больше 15 штук не встречалось никогда, а обычно три, пять, шесть неторопливых доверчивых птичек, перекликавшихся громкими флейтовыми голосами. «Виу-виу-вить» — кричит взлетевший самец, и ему тотчас отзовутся ближние и дальние щуры.

Первых щуров я ловил петлей из конского волоса, укрепленной на длинном, гибком пруте. Способ этот не из легких, и много птиц не возьмешь, тем более, что они доверчивы лишь в первые дни прилета. После нескольких неудачных попыток надеть силок на голову глупой птички, она начинает все дальше и дальше отлетать от преследователя и садится повыше. Зато в западню на щура и тем

более на ток, под сеть, птички идут очень хорошо. Ловля их для охотника очень проста.

Я уже писал, что щуры прилетают с севера поздней осенью. Первые птички появляются под Свердловском не раньше 5—10 октября, а чем дальше осень переходит в зиму, тем их становится больше. На Средний Урал щур откочевывает каждую осень, и все утверждения «старых птицеловов», что «щуры» — так они их зовут — прилетают раз в семь лет, — не больше как обычная присказка. Другое дело, что количество птиц каждую осень бывает разным. В иные годы, например, 1953, 1959, 1961, являлось их великое множество, и они летали даже по окраинным садам, в прочие зимы щуров видишь лишь редкими стайками. Здесь полная зависимость от урожая рябины — главного осеннего корма щуров. Известно, что рябина, как и яблоки, обильно родится не каждый год. Есть рябина — ждите щуров, — таков простой вывод. В ином случае щур — случайная птица в ноябрьском лесу. При обильном урожае ягод щур никуда не уходит и кочует по лесистым горам вплоть до марта. При малом урожае птицы пролетают дальше на юго-запад. В конце марта, апреле идет незаметный обратный пролет на север. На Среднем Урале щур никогда не гнездится.

В клетке он осваивается очень хорошо. У меня жили птицы до 9 лет. Гибнет птичка, лишь сразу посаженная на коноплю, оставленная без ягод, а никак не от тепла и тому подобных объяснений, часто дающихся в руководствах по птицам. Секрет долголетия щуров в разнообразном корме. Щур отлично берет все съедобные ягоды, мелкие яблочки, но выбирает из них не столько мякоть, сколько семена, как снегирь.

Весной и летом надо давать сосновые молодые побеги «пестики», которые птица грызет с жадностью. Эту пахучую смоляную еду щур явно предпочитает всякому корму. Любит он также почки и кору березовых прутьев, ест мягкую новую хвою елок, кедровый орех и сухофрукты, мучных червей, а летом муравьиные яйца. Основа корма — соловьиная смесь и зерно, а к ним указанные выше «присадки».

Поет щур много, но, к сожалению, негромко. В его песне нет неприятных резких звуков, она льется задумчиво, перемежаясь свистами, но и особенных достоинств тоже нет. Щур — певчая птица третьего разряда. По своей красоте, незлобности, таежному северному облику он дорогой гость в клетках любителей. Клетка щуру нужна попросторнее, № 2 или дроздовая. Мягкий верх не нужен. Жердочки потолще. Купалка обязательна. Даже только что пойманный щур никогда не бьется. Худо привыкает он к электрическому свету и надоедливо прыгает по жердочкам целые вечера. В таких случаях лучше клетку накрывать темной материей.

Все щуры теряют после линьки свой дымчато-красный оттенок груди и головы. Перелинявший самец становится чешуйчато-желтым или оранжевым. К человеку щур доверчив. Строгие птицы редки. Он позволяет брать себя в руки и лишь протестует, повторяя странное, испуганное «ма-и, ма-и», точно кошка мяукает. Щур может садиться на руки и плечи, ест лакомство с пальцев. Но выпущенный всегда стремительно улетает.

Очень красивы щуры на рябинах, среди голых кустов и яркого свежего снега, и кто видел их такими, уж никогда не забудет приятную северную птичку.

Клесты

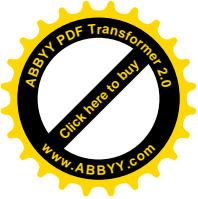
Еловик, белокрылый и сосновик. Если спросить, какая птица самая лесная, можно без сомнения ответить — клест. Вся жизнь клестов — скитание по лесам, а точнее, по лесным вершинам. Это настоящие бродяги. Иногда так и хочется нарисовать их угрюмыми лесными парнями, грабящими островекий еловый терем.

Клестов на Урале встречается три вида, как, впрочем, и везде в таежном поясе. Они настолько сходны образом жизни, что я буду писать обо всех сразу, выделяя вид лишь по надобности.

Самый крупный и редкий клест — сосновик. Он не помещен в списках уральских птиц, но все-таки появляется в стаях обычных еловиков, где сразу замечен своей большой величиной и громким криком: «клок, клок, клок». Сосновик почти так же массивен, как щур, но короче, «головастее», оперение самцов желто-красное. Очень крепок, красив, массивен его слабо перекрещенный клюв, придающий птице вид сурово-добродушного попугая. Один такой сосновик жил у меня более года.

Не нужно думать, что клесты-сосновики кормятся только семенами сосновых шишек, а еловики — еловых. На самом деле сосновик так же охотно лузит еловые шишки зимой и питается семенами ели, а сосновые семена оба вида клестов добывают весной и летом, когда крепкие шишки раскрываются и становится легче их шелушить.

Сосновик повсюду редкий клест, тяготеющий более к северо-западу, и для Урала этот клест-богатырь очень интересен. Мой сосновик жил в садке с другими птицами. Держался он спокойно, солидно, никого не трогал, но и

свое достоинство не терял. Лишь один раз применил он свой мощный клюв. Однажды утром я насыпал в тарелку корм и поставил в садок. Тотчас спустилась разнообразная птичья компания, слетел и клест, неторопливо и неловко прыгая по доньшку к тарелке. Вот он уже у края, но тут юркая синица-пухляк кинулась вперед с намерением выхватить из-под носа клеста раздавленный кедровый орех. Клест быстро схватил нахапку клювищем за шею и швырнул вон, так что бедная синица мелькнула лапками в воздухе. А сосновик, даже не оборачиваясь, степенно принялся за орех, смакуя его с видом знатока. Этого чудного клеста я выпустил осенью, надев на лапку медное колечко.

Клесты-еловики — самые обычные жители леса. В годы, урожайные на шишки, они появляются неисчислимыми стаями, наводняют ельники и сосняки. Громкое «тв-тв-тв, цок-цок» несется отовсюду. Мелькает красноватое, желтое, серое пятно оперения. Вниз валится хвоя и сорванные шишки. Клесты пируют на славу, угощая объедками своего стола лесных мышей. Еловик в еде настоящий вандал и расточитель. Он срывает сотни шишек, а выдучивает едва треть семян. От сосновика он отличается на треть меньшей величиной, тонким клювом и густо-красным цветом пера, молодые в первом перье крапчатые, затем желтоватые, самки — зелено-серые. Пение клеста — мелодичный скрип, свиристение и тивканье в соединении с резкими грубыми звуками. Песня поется усердно круглый год, кроме периода линьки.

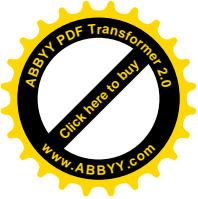
224 Клест — обычная птица рядовых любителей. Ее содержат за странный «попугайный» вид, красивое перо и пение. По клетке он лазает, цепляясь клювом точно как попугай, носит в клюве шишки, легко выучивается тянуть

и подавать билетки, чем еще в древней Руси пользовались вещуны, предсказатели, шарманщики и прочие шарлатаны. Для них клест был незаменимой птицей. Но очень часто клесты не выживают у любителей и полугода. «Клесты — они к дому, значит, — уверяет на рынке какой-нибудь «знаток». — У меня вот ни репол, ни клест не живут!»

И верно, кормит он их одной коноплей, наряду с выносливым чижигом и щеглом. Те еще живут кое-как, а клест гибнет. Чтобы клест жил десяток лет и был «к дому», надо ему давать смесь из конопли, овса, проса, льняного семени и семечек, добавляя в день по две-три шишки сосновых или еловых. Клесту совершенно необходимы сосновые и еловые ветки, весенние «пестики» и гнилушки, которые он грызет, точит с великим удовольствием, точно собака кость.

У клестов много прихотей и странностей. Зимой, в теплый снежный день, возле разъезда Сагра под Свердловском я видел, как штук пятнадцать клестов сидели и цокали на проводе посреди поселка. То один, то другой, то все кучей они спускались на гнилой обломыш изгороди. Я согнал птиц, а идя обратно, снова увидел ту же картину и удивился такому упорству птиц, буквально облепивших гнилушку. Очевидно, птицам не хватает каких-то солей и они добывают их с большой изобретательностью. Так зяблик в лесу часто бегаёт по кострищам, а репологи — по кучам каменноугольного шлака.

Самый маленький и красивый клест — белопоясый. Он меньше еловика, более строен и тонкоклюв. Оперение самцов бывает густо-малиновое с двумя белыми зеркальцами на крыльях. Белопоясого еще называют листовничным клестом будто бы за то, что питается он семенами листов-

ницы. Но я еще раз утверждаю, что все клесты питаются приблизительно одним кормом: и семенами ели, и крылатками сосны, и семенами лиственницы, хотя делают это в разное время. В неурожайные годы птицы кормятся побегами, почками, семенами ольхи и даже сорняков. Белопоясый клест в основном северный и сибирский, под Свердловском он бывает редко, но иногда в больших количествах.

Так было осенью 1960 года. Песня лиственничного клеста нежнее, чем у еловика, но также обильна трескучими коленами.

Клесты не являются оседлыми жителями, привязанными к местам гнездовий. Едва только кончаются запасы несъеденных шишек, как всем табором птицы снимаются и уходят неизвестно куда, на поиски кормных мест, причем находят их с удивительной точностью. Всегда урожай еловой и сосновой шишки «совпадает» с прилетом клестов, и нет ли здесь какой-нибудь, ведомой пока одним клестам, закономерности в их движении по лесным океанам Европы и Азии?

Гнездятся клесты там, где есть корм. Клесты — единственные птицы, гнездящиеся с зимы. Изредка они делают гнезда в феврале и в конце марта. Можно даже получить снимок клестовки в гнезде среди снежных навесов, но все-таки основная масса строит гнезда в апреле, а птенцов выводит в мае, июне. И так поступает 90% клестов, по крайней мере в Зауралье.

Считается, что клеста нельзя содержать в деревянной клетке — подавай ему железную, а не то все испортит. Но... Дайте работу его клюву, дайте гнилушку, лучше хвойную, положите две-три шишки, и клест никогда не

тронет клетку. Другое дело, что он легко открывает дверки и выпускает себя. Один мой белопоясый умудрялся открывать две задвижки, и, приходя домой, я постоянно находил его на свободе, с цоканьем летающим по комнатам.

Зяблик

В сосновой роще, на голубой березовой опушке, в глубине темнохвойного ельника и на зарастающей тонким лесом поруби — везде слышится с апреля по август звонкая песенка-раскат, иногда такая переливчато-замирающая, иногда вздорно-крикливая и резкая.

Зяблика видел всякий, кто бывал в лесу и хоть сколько-нибудь интересовался птицами.

Вы идете по грязной весенней дороге в смешанном лесу. Еще рано, серый снег, усеянный хвоей и сучочками, лежит островами среди обтаявшего брусничника и горелых пней. Тишина. Лишь робкий наговор ручейков, сочащихся по дороге. Вдруг звонкое пиньканье, и с дороги взлетела нарядная бело-пестрая птичка. Она села на долгий сосновый сук и пошла по нему бочком. «Пиньк-пинь-финь!» Она подпускает ближе. Ясно видны широкие белые зеркала на крыльях. Голова у птички голубая и клюв голубой, грудка красноватая, надхвостье сзелена. Это и есть лесной красавец — зяблик.

Самые ранние сроки прилета зябликов на Урал — конец марта, самые поздние — двадцатые числа апреля. Зяблик всегда приходит как-то вдруг. Еще вчера не было ни одного. А сегодня с утра везде по лесу пиньканье, перекличка летящих стаяк. Летят одни нарядные самцы.

Сероватые самочки появятся позднее на целую неделю. А пока самцы облюбовывают гнездовые участки и через день-другой начинают петь. Весна на Урале бывает всякая — то невиданно теплая, дружная, зеленая, то долгая и холодная. Ясные жаркие дни вдруг сменяются облачной хмуриью, моросит дождик, сыплет крупа. А зяблики поют как ни в чем не бывало в голом холодном лесу, возвещая весну. Пение их очень различно и в разных местностях — разное. В основном оно состоит из бойкого долгого раската: «фью-фью-фью, ля-ля-ля-вич». Как редкость, попадают зяблики, поющие на два тона — мажором и минором. То вдруг радостно, громко грянет на весь лес. Даже вздрогнешь, остановишься. Ах, что делает, мошенник! А уже стихнет и вдруг нежным ручейком прозвенит, сольет то же самое. Душа вон, до чего хорошо. Иногда зяблик не поет, а издает приятный печальный крик вроде: «рич, рич, рич, рюмит». Видимо, за этот крик птицу и назвал народ зябликом. Около гнезда зяблик может и чирикать по-воробьиному, в полете издает отрывистое «тек-тек... пинь».

Поймать хорошего зяблика «с голоса», как говорят птицеловы, довольно мудреная задача. Выслушавшую птицу сперва надо прикормить. Выбрать место, где зяблик этот поет чаще, разгрести лесную подстилку и заприкалывать, не щадя корма, и коноплей, и семечками, и мучными червями. Через день-два сходить, проверить. Зяблик обязательно найдет прикорм, начнет летать на него и кормиться подолгу. Бывает, подходишь к месту тихонько, а он и слетит, запинькает: «Я тут был!» Тогда можно ставить сеть, маскировать ее и веревку, получше укрыться самому и ждать. Бывает, полдня впустую ждешь, бывает, и на другое утро. Зато какая радость, когда подлетит он, покри-

чит всегда, прежде чем спуститься, а потом нырк вниз на веточку, сидит над самым током, хохолок вздернет. «Пиньк, пиньк, пинь!» И на ток. Тут даже бывалого ловца дрожью трясет. Едва дождешься, когда он подойдет ближе к сети, чтоб покрыть наверняка. И... Вот он скачет под сетью. До чего же красив, ярок, пригож лесной молодец! Бережно усадишь его в кутейку, а еще лучше в мешочек из редкой ткани. Соберешь снасть и счастливый идешь домой.

Ловля зяблика на приманного не всегда удачна. Осторожный лесной певун ни за что не сойдет прямо на ток, если видит клетку. В таких случаях подтайничник надо маскировать или ставить в сторонке от тока. Ловят зябликов весной и на самку и, подобно реполовам, на гнездовых участках, но такая ловля граничит с браконьерством, и описывать ее у меня нет ни места, ни желания.

Содержание зябликов в клетке несложно. Им требуется тощенький корм из разнообразной зерносмеси. Ни в коем случае нельзя держать птицу на семечках или конопле. Ест зяблик их охотно и очень скоро (иногда через неделю) слепнет и гибнет. Слепота начинается с выпадения перышек вокруг глаз. Сперва они встопорщиваются, потом веки начинают мокнуть. Птичка беспрестанно чешет голову о жердочку и тем ухудшает состояние глаз. Скоро они превращаются в слезящиеся болезненные щели и зяблик погибает. Болезнь глаз излечима, если ее захватить сразу. Прогрессирует она очень быстро. Надо резко сменить корм, убрав из него всю коноплю и семечки. Смазывать веки слабым раствором марганцовки, давать побольше зелени, в питейку кладут смородиновый джем.

Если клетка с зябликом висит в тени, ее переносят

в светлое место, лучше на свежий воздух. Успех лечения обеспечен, если болезнь не зашла слишком далеко.

В дополнение к зерносмеси зяблику дается тертая морковь, 1—2 мучных червя, вареная картошка небольшим кусочком. Любит он и белый, размоченный в воде или молоке хлеб. Летом добавляются муравьиные яйца и побольше зелени мокричника. Клетка зяблику обычная, без мягкого верха. Нужно учитывать, что птичка эта дикая, привыкает нескоро — через год-полтора.

Пение в клетке начинается иногда с января и продолжается до июля. Некоторые хорошие зяблики поют и осенью, в сентябре-октябре.

Зяблик — перелетная птица. Гнездится за лето дважды и в сентябре отлетает, сбиваясь в большие стаи. Отдельные зяблики задерживаются с отлетом до начала ноября.

Вьюрок, юрок

Вьюрок — близкий родич зяблика и тоже лесная птица. Сказать точнее, это птичка таежного леса, еловых болот-урманов и высоких старых боров. Особенно заметны вьюрки весной и осенью. Весной, не рано, а к середине апреля, появляются вьюрки на пролете и гнездовьях. И тогда так приятно слышать их протяжное «вжжжжии», несущееся с лесных вершин. Кажется, и вся песня вьюрка в этом задорном, очень громком и долгом звуке. Он так же характерен для глухого весеннего леса, как песенка зяблика. Но зяблик, соседствуя с вьюрком, все-таки любит лес по-реже, опушки, просеки, поляны, вьюрок — наоборот — забирается в самую глушь и чащу. Осенью, начиная с два-

230

дцатых чисел сентября, неисчислимые стаи вьюрков идут из северных лесов и с востока, направляясь на юго-запад. С шумным кевканьем и юрчанием стаи летят над лесом, осыпают поля и бурьяны, сосняки и опушки. В это время вьюрки часто попадают в руки птицеловов, спускаясь на тока к чижам, чечеткам и щеглам. Иногда идет вьюрок и в западню. Специальной ловлей этого «квакаря», как его зовут на Урале, занимаются только мальчишки. Серьезного охотника, ценящего птиц за их песню, вьюрки заинтересовать никак не могут.

Их содержат лишь для коллекций, как лишнюю разновидность, а также из-за красивой расцветки оперения. Весной черноголовый с синим отливом, красно-коричневый снизу и белобокий вьюрок по красоте не уступает зяблику.

Мне приходилось держать вьюрков ради их торжествующего лесного «вжжжжии», которым они усердно «пели» с апреля до августа. Но хочется отметить, что радуется эта лесная строфа лишь в таежной глухомани, весной, вместе с криками пролетных стай, гомоном ручьев, шорохом сосен — дома она быстро надоедает. По содержанию вьюрок ничем не отличается от зяблика. В общих клетках он сварлив, драчлив и злобен. В дополнение к обычному юрчанию вьюрок издает еще тихое щебетание.

Чиж

Столетиями выбирался вид птиц, наиболее неприхотливых, красивых пером и хорошо поющих в клетке. К таким и относится всем известный чижики. Клетка с чижикиком с древнейших времен была непременным атрибутом в ма-

231

стерской каждого ремесленника, над верстаком столяра, над головой сапожника, сидящего на колодке в своем углу, и в старом русском трактире на проселочной дороге, и в доме всякого простолюдина, рабочего человека, жителя города и слободы. Любовь к чижику не ослабла и теперь. По-прежнему зелененькая черноголовая пташка умиляет взрослого и ребенка, по-прежнему чиж — главный товар весной и осенью на птичьем рынке.

Существует две разновидности этой птицы. Чиж по окраске более бледный, зеленый, с седовато-черной «шапочкой» и большим числом продольных пестрин на брюшке — березовик. Более яркий желтый, черношапочный с черным пятнышком «запункой» под клювом — боровик. И тот и другой не самостоятельные виды, а только четкие вариации в окраске, между которыми есть многие промежуточные формы. Яркость окраски чижа зависит и от возраста. Мне приходилось ловить в осень по две-три штуки чижей с апельсиново-оранжевым цветом грудки. Такие чижи с трудом привыкают и долго не поют.

Чиж — житель хвойного леса в гнездовое время. Урманные ельники, комариное царство — обетованная земля чижа. Летом он малозаметен, идешь по летнему лесу и лишь случайно услышишь их мелодичное пиликанье в вершинах елей: «пи, пи, кии, пи...» Особенно любит гнездиться чиж в болотных еловых островах. Птицы делают две кладки — в мае и в июле. С конца августа чижи собираются в станички по 10—15 птиц. Они кочуют по березнякам, ольшаникам, вдоль опушек, по рекам, речонкам и ручьям с уремой. Стаи сплошь из сереньких самок, молодых тускло-желтых чижат первой кладки и чижат второго выводка, забавных, крапчатых, с пестрой птенцово-го-

вой без черной «шапочки». У самцов второго выводка на груди среди пестрин пробиваются желтые перышки. Такие чижата очень доверчивы, валяются на ток под сеть без боязни, чего не скажешь про старых чижей, которые держатся всегда настороже. В сентябре чижики кончают линьку и начинается их отлет, подвижка к западу. Сбиваясь во все более крупные стаи, чижи летают по высоким березнякам, где кормятся мелкими березовыми семенами. Первая волна сильного пролета падает на промежуток от 15 до 25 сентября, вторая волна идет в октябре, между 5 и 12 октября. После массового отлета задерживаются лишь мелкие стайки, пары и отдельные птицы, часто присоединяющиеся к стаям прибывающих с севера чечеток. В теплые зимы (например, в 1964 году) чиж может останавливаться в богатых кормом местах, обычно там, где есть большие массивы елового леса по соседству с березняками и ольхой. В ельниках чиж ночует и скрывается от мороза. Мне доводилось ловить таких чижей в декабре и в начале марта. Массовый прилет чижа весной приходится на последнюю декаду апреля и начало мая.

Обычно пишут, что ловить чижа очень просто. Чуть ли не ящиком крой. Так пишут люди несведущие, те, кто чижа не ловил. Настоящая охота — дело премудрое, требующее знаний, наблюдательности и терпения, что, пожалуй, и является главным качеством любителей певчих птиц. К примеру, чиж никогда не пойдет под сеть в высоком лесу. Пусть это будет березняк и пусть он битком набит пролетным чижом, ни одна птичка не спустится на самых лучших приманных. А отойдите в сторону, поищите низкий болотистый ольшаник с водой, с ручьем — здесь вы поймаете чижа. Ставьте тайник на воду, а нет, так сделайте

те воду на току в противне, в какой-нибудь пленке, дайте хороший прикорм из березовой сережки, мокричника и конопля, и ловля пойдет, лишь бы приманные кричали. Для чижа чем больше приманных у тока, тем лучше.

Чижик очень «крепкая», словно бы нарочно приспособленная к жизни в клетке, птичка. Он умудряется жить десятилетиями даже на одной конопле. Хилыми бывают лишь молодые чижата. За ними нужен первое время специальный уход. Они часто гибнут в первый же день после поимки. Происходит это от резкой смены корма. Молодая птица, посаженная сразу на коноплю, тотчас объедается. Чижат нельзя перекармливать, нельзя сыпать им коноплю «навалом», нельзя допускать, чтоб они ползали по стенам клетки. В первые дни чижатам дается березовая мочка, трава мокричник и небольшое количество давленной конопля. Клетку типа ящика с закрытым, пусть не мягким, верхом вешают так, чтобы птички не видели улицу. Если ящичной клетки нет, обычную клетку завешивают сверху и с боков (кроме переда) какой-нибудь светлой тканью. Пойманные поздней осенью и весной чижи очень редко гибнут даже при варварских условиях содержания на одной конопле.

Чтобы чиж жил долго (до 15 лет), ему нужен лишь хороший подбор корма. Смесь из конопля, проса, салата, сурепки и льняного семени в количестве полутора-двух чайных ложек вполне достаточна. По возможности дается зелень, вареный картофель, яблоко, березовые, липовые, ивовые прутики. Летом — ветки с листьями липы и березы, как лакомство во время линьки — мучные черви по 2—3 штуки или немного муравьиного яйца, некоторые чижи едят его хорошо. Пение чижа посредственное, если он не

набрал колен от других птиц. Некоторые старые чижи хорошо берут овсянку, строфы щегла, реполова и синиц. В общем, приятное щебетание чижики, такого ручного, забавного своей привязанностью и непугливостью вполне устраивает большинство любителей. Среди них есть даже специалисты «чижатники», которые и ловят одних чижей и могут рассказывать о них часами, с воодушевлением разные были и небылицы.

Чечетка

Когда осенью утром я выхожу на улицу, иду, поеживаясь, в холодке и синеве рассвета, я всегда слушаю, жду чего-то. Иногда дожидаюсь. Вот оно тихое «че-че-че» с еще не проснувшегося темного неба. Летят чечетки. Я останавливаюсь, гляжу в хищные тучи. Рань. Листья сухие и жесткие летят откуда-то с тополей. Нехотя, грустно светает, листья скачут вдоль дороги, кружатся по ней бесовой метелью. В плотном и стылом воздухе редко пролетает снег. И мне донельзя остро припоминается детство. Вот я, семилетний мальчик, в кепчонке и коротком пальто неопределенного цвета, так же затемно спускаюсь с крыльца. В руках у меня клеточка-подтайничник и желтая западенка. Там сидят серые светленькие красноголовые птички. Я шествую в огород, постепенно отворяю скрипучую щелястую дверь. В огороде у меня ток. Я налаживал его целую неделю, до предела заполненную счастливыми хлопотами. Вся беда в том, что негде взять дерева для присады. В огороде растут лишь малинник да старые смородиновые кусты. А ведь чтобы успешно ловить птиц, надо хотя бы одно

Чечетка

дерево повыше. И я крал ветки и сучья в соседних садах, пока не набралось достаточно. Ветки приколачивались на жердь и, наконец, с невероятными усилиями, ссадинами, занозами и синяками я подымал, вкапывал тяжелую лесину. Главное — «дерево» есть! Далее расчищался, выравнивался, утапывался точок. Я обсаживал его ветками, сухой лебедой и репьями, бегал весь в поту, в горячке, устраивал шалаш из гороховой ботвы, палок и подсолнечниковых будыльев. И шалаш приносил мне, наверное, столько же радости, сколько одинокому Робинзону его первая хижина. Помню, как сейчас, те сухие, теплые, пахнувшие желтыми тополями и коноплей дни. Белое солнышко. Пресный запах шуршащей мякины. И себя, измазанного землей, усталого, в липучках репьев и колючей череды. Это были лучшие мои дни на земле, и они остались со мной навсегда.

И вот теперь это темное утро. Что привело меня в пу-

стой огород? Что подняло спозаранок наравне с бабушкой? Что заставляет заблудиться в чернильных сумерках холодного утра?.. Я налаживаю заиндевелую непослушную сеть, каблук покрепче вколачиваю железные костыли в мерзлую земляную корку, проверяю, как ходит тайник на сошниках. Все ладно. Веревка привязана. Только вот пальцы озябли, зашлись, сую их в рот, выплевываю землю, пальцы покалывает, они ноют. Ставлю на ток подтайничник с чечеткой. Западню вешаю повыше и забираюсь в шалаш. Жду рассвета. Серееет, светлеет низкое небо. Оно ровно и беспросветно. Крупные снежинки медленно падают, лениво переметаются. Снег. И так пахнет в моем шалаше утром, холодом, мякиной и лебедой. Мне хорошо. С непонятной тихой радостью смотрю я на снежинки, на голые сучья тополей, сиротами торчащих за ветхим забором.

Я жду. Ухо ловит где-то зимний свист снегиря. Ему откликается другой из дальнего сада. Снегири! Очень бы хотелось поймать красного, черноголового, с голубой спинкой «жулана», да он не спустится, нет у меня приманных. Я подсвистываю, и вот один летит. Ближе, ближе... Нырлет из-за огорода, садится к самому току. Меня бьет мелкая дрожь. Пересыхает во рту. Он такой чудесный — алый, степенный, с белым и черным. Снегирь. Но, покосившись на ток, он вдруг слетает, и вот уже далеко-далеко слышу его «жюкающий» голос. Улетел...

И мне досадно до боли и все-таки радостно. Ведь чуть не спустился!

«Чи-чи-чи... че-че-че» — слышится сверху! И сразу подхватывают, заливаются мои приманные. Летят! Чечетки?! Приникаю к отверстию в травяной сетке. Сядут или не сядут? А перекличка все слышнее, вот уж близко, близко

они. Пятерка беловатых птичек вдруг садится на ветки дерева.

Вот одна слетает на западок. Хлоп! «Есть! Есть! Попала!» — шепчу я. Другие взлетают, но, сделав круг, ворочаются, остановленные голосами приманных. Садятся на лебеду у точка. Вот одна светлая птичка спрыгивает на ток, другая, третья... Я зажмуриваюсь и дергаю шнур. Вылетаю из скрада. А глаза уже ищут. Накрыл?! Бегу к сети доставать добычу. Две чечетки попали, прыгают под сетью и без всякого сопротивления отдаются в руки. Они не клюют и не щиплют пальцы, как пойманные синицы-кузнечики. Они только напуганы, милые пичуги, с лукавыми маленькими черными глазенками. Я бережно освобождаю их от сети и разглядываю каждое перышко. Вот чечет! Розовое неяркое кольцо проступает на грудке. В осеннем перье чечет не такой красивый, как весной. А все-таки хорош!

Сажая птиц в специальный ящик и достаю западную. Там тоже сидит чечетка, но какая-то необыкновенно чисто-светло-серая с крохотным желтым клювиком, как зернышко гречи. «Березовка!» — так называли мы тогда тундровую разновидность чечетки. Она ведь почти белая, и только рубиновое пятнышко на голове слегка отликает оранжевым. Хотя и жаль мне березовку, а я ее выпускаю. «Они плохо живут на конопле. Пусть лучше летит», — думаю я. Птичка уже скрылась в белесом снеговом небе, но долго еще доносится ее серебряный голосок: «че-че... че-че-че».

Уже совсем рассвело. Снежок подваливает гуще. Ему рад я и рада черная собака Динка, вылезающая потянуться из конуры возле заплота. Снегу рады земля, былинки, худой забор и белошечки желтые синички, прыгающие

по нему со своим верещанием и пиньканьем. Идет снег...

Конечно, те чечетки, которых я ловил и которых ловят и ловили почти все мальчишки на Руси, не представляются сколько-нибудь занятой птицей для серьезного любителя. Знаток от них отвернется. Серятинна! Мальчишечья забава... Что греха таить, и я теперь тоже не держу и не ловлю чечеток. Но не будем строги к этим замечательным птичкам, ведь они — спутники нашего детства. Надо ли писать, что великомученица-чечетка умудряется годами жить в самых тесных и грязных клетках. На одной конопле она поет и чечекает там, где любая более нежная птичка давно бы погибла. А сколько переносит чечетка от жадных, грубых, нетерпеливых ребячьих рук! Все идет ладно, пока не наступит линька. Ее выдерживают на конопле немногие герои. Жаль смотреть на таких «ободранных» птичек, на их мягкое и хилое перо. Оно сильно темнеет до сплошной грязной черноты (следствие действия на окраску конопляных жиров). Карминовый цвет звездочки на темени заменяется после линьки бледно-желтым. Третьей линьки на конопле птички уже не выносят.

Что же требуется от юного охотника для его первой добычи, что нужно, чтоб чечетка жила долго и оставалась здоровой? Корм ей составляют из зерносмеси, куда идет $\frac{1}{3}$ конопли, а остальное составляет лебеда, семена крапивы, мака, льна, салата, просо. В клетку ставят прутья березы. Летом возможен тот же корм, но больше зелени, веток, почек. Клетка для чечетки подходит какая угодно.

Обыкновенная и тундровая чечетки прибывают на Средний Урал в разные сроки. Наиболее обычным бывает прилет от середины сентября до конца октября. В годы урожая на березовую «мочку» и ольховые шишки чечетка

держится по березовым лесам всю зиму. Часть ее откочевывает южнее, но уже с февраля начинается обратная подвижка в тундру, которая идет очень медленно, растянуто вплоть до середины мая. Гнездятся оба вида чечеток¹ в лесотундре по низкорослому криволестью.

Снегирь обыкновенный

Так получилось, что снегирем я кончаю свои записки о певчих птицах. Снегирь, которого на Урале повсеместно зовут жуланом за его жалобное «жюканье», — самая заметная птица зимнего леса. Русская зима без снегирей — не зима. Является какое-то особенно отраднo-теплое чувство к своей земле, пасмурному небу, черному лесу, когда заслышишь, вспугнешь стаю этих птичек, и они волнисто полетят прочь, пересвистываясь, с особым тихим «ю-хю-хю», мелькая белыми снежинками надхвостья. Снегирь в осеннее и зимнее время может быть встречен где угодно: и в полях, на кладях обмолоченной, пахнувшей ветром и снегом золотистой соломы, и в облетелых кустах черемушника по берегам речек, и в кустах калины на опушке, и в рябиннике, в сплошном лесу. Столь же часто кормится он по высоким бурьянам на залежах, пустырях и межах. Мел-

¹ В 1946 году я поймал в сентябре месяце чечетку без красного пятна на темени. Она была стройнее и длиннее обычных чечеток и словно бы поменьше. По-видимому, это была редкая для Среднего Урала горная чечетка. В 1943 году попадал мне самец чечет необыкновенно яркой малиновой окраски и в полтора раза крупнее любой чечетки. Изредка попадают птицеловам чечетки совсем белые.

кие семена крапивы, лебеда, чертополох и дикая конопля — все идет в корм снегирю.

В последние десятилетия снегирь стал гнездиться в окрестностях Свердловска по еловым и сосновым лесам, что раньше никогда не наблюдалось. В массе же эта птица приходит из северных глухих просторов, где проводит все летние месяцы. В конце августа снегيري собираются в кочевые стайки. Тут есть и красногрудые самцы, и птички с грудкой кирпичного цвета (молодые самцы первой кладки), и серовато-бурые, без черной шапочки, птицы второй кладки, еще не перелинявшие во взрослое перо, и серые самки-жулановки¹. Стаи начинают неторопливое движение по лесам, спускаясь к юго-западу. Это движение не назовешь перелетом, скорее всего, это медленное кочевье, отступление от жестких морозов, поиски корма.

Когда снег в лесу станет глубже, а разная пролетная птица дочиста оберет ягодник, снегيري подаются в сады, в городские парки и подворья. В январе-марте снегирь — обычный житель города. Он кормится семенами сухих и мерзлых ягод, мелких яблочек, ест почки, семена и летучки вязолистного клена. Облюбовав укромный уголок сада, снегيري прилетают ежедневно.

Снегиря знают и стар и млад. Их любят за алый, серый и чистый наряд, за милую спокойную добродушность. Снегирь принадлежит к известнейшим клеточным птицам с древнерусских времен. Его благоговейно несет с рынка

¹ В зимнее время под Свердловском не редок сибирский серый снегирь, подвид обыкновенного. Самцы сибирского снегиря не красные, а нарядно светло-серые. Птицеловы принимают их за жулановок. По пению и содержанию ничем не отличается от обычного снегиря.

Снегирь

восторженный карапуз и маститый любитель. Пример этой птицы показывает, что, несмотря на активную ловлю в течение столетий, снегири не уменьшились в числе, а, наоборот, расширили гнездовой ареал, если говорить языком наукообразным.

В то же время снегирь часто гибнет в руках неумелых любителей, а особенно у промышленников, которые ловят снегирей на продажу. Варварски сажая наловленных снегирей «навалом» в большие садки, промышленники потом сетуют, что много птиц «дохнет», «отбивает ноги» и т. п.

Как добиться того, чтобы ни один снегирь не погиб в руках любителя? Опыт помог мне найти правильное решение. Если пойманных снегирей рассадить в низкие, маленькие клеточки, типа подтайничников, закрытые сверху материей или картоном, дать корм и воду и повесить в спокойном месте, все птицы сохраняются полностью.

Всякий охотник за снегиря-

ми должен помнить, что ловит добрую прекрасную зимнюю птичку. Он в ответе за ее жизнь, он должен сохранить ее живой и здоровой.

На первые дни пойманного снегира ограничивают в движении, а через неделю переводят в обычную клетку или садок. Снегирь требовательнее других «простых» птиц к корму. На одной конопле он скоро заболевает. Кормить снегира надо смесью из овса, проса, сурепки, льна, сорняков и небольшого процента конопли — не более четверти. Корм дается по норме, так как излишнее закармливание ведет к ожирению и преждевременным линькам. Зимой снегирию надо ставить в клетку веточки ивняка и березы, весной давать сосновые пестики, летом одуванчик и мокричник. Многие снегири охотно едят летом мучных червей. Во все времена года ягоды — лакомство для снегира, хотя ест он лишь семена, отбрасывая мякоть. На таком корме при соответствующем уходе снегири живут в

Длиннохвостый снегирь

клетках до пятнадцати лет и почти не теряют яркость окраски.

Они привязываются к хозяину, как хорошие домашние животные, и все время напевают свои скрипучие песни с заунывными свистами¹.

У меня всякую зиму живут снегири до весны. Я очень люблю слушать их раннюю утреннюю перекличку, когда в комнате еще серо и сине, а глаза слипаются от сна.

Я слушаю птичку, и мне припоминаются чистые сумерки в лесу, елки, закутанные в снег, река в ледяных бережьях и вся нетронутость, пасмурная грусть первых зимних дней.

¹ На Средний Урал и под Свердловск каждую зиму с ноября по апрель залетают сибирские длиннохвостые снегири — серые и розовато-серые (самцы) долгохвостые птички, поменьше обычного снегиря. Я дважды наблюдал их в ноябре и в марте, кормящихся по бурьяну на полевых межах. Снегири кормились на сухой полыни. Несколько раз я покупал длиннохвостых снегирей на рынке у местных птицеловов. В клетке этот снегирь напоминает обыкновенного, но более пуглив и молчалив. Призыв — пиньканье, похожее на крик зяблика. Пение тихое, льющее. Я нахожу, что для клеточного содержания это неинтересная птица. Корм и клетка — как обычному снегiry. Отмечу, что залет долгохвостого снегиря на Урал — не редкость, а регулярное явление.

Основные правила содержания певчих птиц

К важнейшим условиям правильного содержания птиц относятся следующие четыре: **помещение, корм, чистота, свет**. Рассмотрим их в отдельности.

Помещение для птиц

Обыкновенным помещением для птиц является клетка. Видов клеток существует бесчисленное множество, равно как и мнений об их достоинствах. Тридцатилетний опыт содержания птиц подсказал мне некоторые правила. Я хотел бы поделиться ими с охотниками.

Клетка для певчей птицы должна удовлетворять целому ряду требований.

Во-первых, она должна быть в меру просторной, чтобы птица не чувствовала в ней себя угнетенно, не избивала бы и не портила перо.

Клетка не может быть и слишком большой, загромож-

дающей комнату, такой, что птица будет летать, как воробей в сарае.

Клетка должна легко и быстро очищаться.

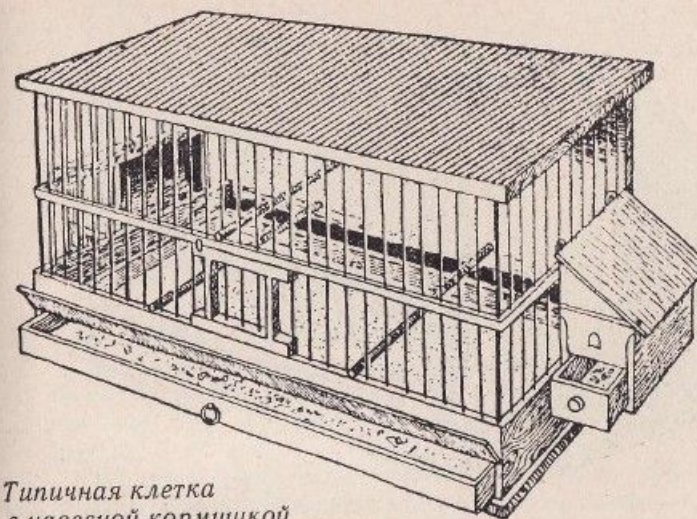
В ней необходим тот комплекс удобств, от которых зависит хорошее настроение, бодрый, чистый и здоровый вид птицы. Всякая клетка должна быть оборудована жердочками, иметь купалку, поилку, чашку с минеральной подкормкой и песком и кормушку навесную, поворотную или, что гораздо хуже, подвижную.

В клетке не должно быть щелей и мест, где спрячутся и разводятся паразиты птиц: пухоеды, клещи, птичьи вши.

И последнее условие — клетка должна быть красивой. Ее красота подразумевается не как нагромождение коньков, куполов, балкончиков, резьбы или, что еще хуже, никелированных, пластмассовых и плексигласовых украшений. Я категорически против отвратного базарного стиля сделанных на скорую руку «садоочков» с куполами, окрашенных в ярчайший желтый, синий и даже красный цвет, садоочков, рассчитанных на непотребный вкус. Такие клетки никак не вяжутся с хорошей мебелью, современным видом комнат, из-за низких бортиков засоряют комнату.

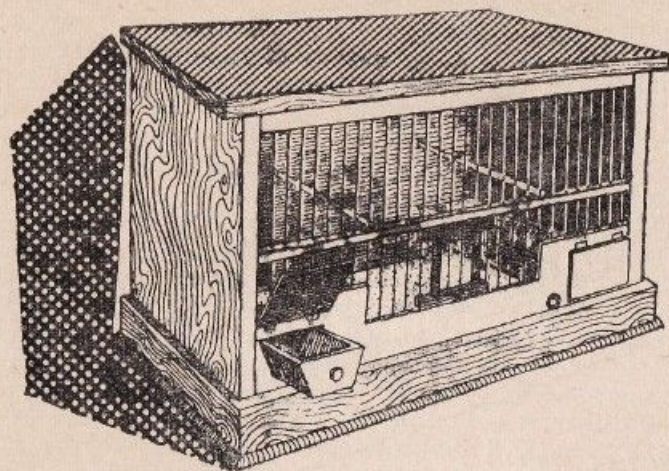
Тесные клетки с куполами, а особенно с верхом, сделанным в виде дуги или арки, — главная причина особого порока в поведении птиц, так называемой «вертоголовости». Щеглы, зеленушки, реполовы, иногда зяблики и пеночки, часто уже на второй день после помещения в такую клетку начинают загибать голову к хвосту, беспрестанно крутить ею. Птица словно приплясывает, беспокоится, иногда падает с жердочки. Заученный порок не исправляется потом и в хорошей, нормальной клетке.

Настоящая клетка для всех певчих должна быть строго

Типичная клетка
с навесной кормушкой
и купалкой

прямоугольной, сделанной чисто, из твердого лиственного дерева. Лучше всего клетки буковые или дубовые. Они, если новые, хороши и без окраски — так благородна розоватая с мелким коричневым крапом поверхность строганого бука. Иногда их покрывают бесцветным масляным лаком или нитролаком. Лак лишь слегка желтит клетку, проявляя текстуру древесины бука и дуба, подчеркивая ее красоту.

Клетка-ящик

В крайнем случае клетка может быть березовой, сосновой, осиновой, но в таких случаях лучше окрасить ее снаружи в спокойный для глаза светло-зеленый или бежевый цвет.

Борта клетки делаются не менее 10 сантиметров высотой. Широкая, хорошо запирающаяся на два запора дверка и выдвижное дно обязательны. Если к этому добавить навесную кормушку и купалку — то вот нормальная хорошая квартира для вашей птицы.

248 Клетки всех перелетных строгих и диких птиц лучше иметь с мягким верхом. Птицы эти часто «вскидываются»

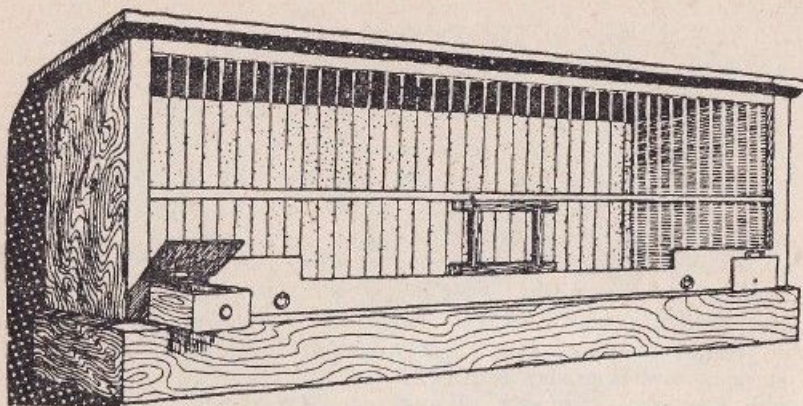
и могут разбить надклювье. Особенно это касается совершающих перелеты по ночам певчих дроздов, белобровиков, соловьев, варакушек, а также для всех видов овсянок и жаворонков. Мягкий верх делается из холста, клеенки, мешковины. Он прибивается обойными гвоздями или прихватывается на клею мелкими гвоздиками, пробитыми через тонкие планки, что значительно лучше и красивее.

Жаворонковая клетка должна иметь тамбур-песочницу, где эти робкие птицы будут прятаться и купаться (подробное описание клетки ниже).

Некоторые охотники могут сказать: «Помилуйте, что за роскошь! Буковые клетки! Купалки! Навесные кормушки! Все это выдумки, баловство... Отцы-деды держали птиц...»

На это я могу лишь ответить, что пишу книгу о наилучшем, образцовом содержании, — содержании, при котором исключается гибель птиц от разных глупых причин, содержании, при котором птицы будут действительно ПЕВЧИМИ.

Могут быть возражения, что негде взять такую клетку. Наши рынки, да и зоомагазины, что греха таить, забиты изделиями ремесленников-кустарей, не понимающих птиц и работающих по принципу — лишь бы дешевле обошлось. Даже в Москве — столице исконной русской птичьей охоты — господствует пока противный кустарный стиль точеных и непомерно дорогих клеток. Давно бы пора клетки хорошие, стандартные, со всем комплектом делать на наших предприятиях. Делается же это в Германии, Чехии. Но, пока налажат такое производство, где же взять хорошую клетку?

*Немецкая клетка
для жаворонков*

Ответ один. Делайте их сами. Немного нужно знаний, чтобы построить любую самую удобную клетку. Требуется всего шесть простых инструментов: ножовка, рубанок (лучше полуфуганок), плоскогубцы-кусачки, молоток, шило и стеклорез.

Клетка делается так.

Сначала рассчитывается длина, ширина, высота и расстояние между спицами. Потом вычерчивается чертеж будущей клетки. Затем вы заготавливаете строганные доски бортов, планки. Строго по линейке размечаются места будущих отверстий в планках. Следующий этап —

сверление всех отверстий шилом, сверлом или коловоротом, в патрон которого вместо перки закрепляется подходящий по диаметру проволоки плоско заточенный гвоздь. Если сверлите шилом, то конец его также затачивается на манер стамесочки. Такая заточка предохраняет дерево планки от трещин и расколов.

Когда все планки, борта, фанера заготовлены, начинается сборка. К боковинам прибивается дно, затем столбики, перекладины. По завершении сборки в отверстия плоскогубцами вставляется проволока.

Не беда, если первый опыт не совсем удачен. Другие клетки вы сделаете лучше и со временем дойдете до шедевров. Для меня, например, работа над клеткой одна из самых приятных.

Сознание того, что делаешь для своего любимца не противную тесную камеру, а квартиру со всеми удобствами, всегда воодушевляет.

Клетка готова. Она красива своей простотой, чистотой работы, запахом свежего дерева. Птичка в ней только выигрывает, глядится совсем не так, как в базарном теремке, где лезет в глаза яркость окраски, а птица ступевывается.

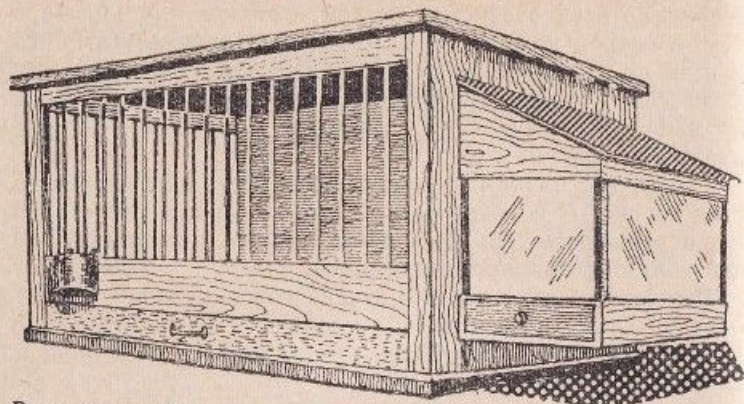
Сообщу еще некоторые сведения, полезные строителю.

Лучше, если клетки сделаны однотипные или разных размеров, но одного стиля.

Верхний брусок должен быть всегда потолще.

Среднюю прожилину ставят не симметрично посередине, а ниже, чтобы птичка не упиралась головой в потолок клетки.

Проволока лучше и красивее толстая: 1,5; 2 и до 3 мм в сечении в зависимости от типа клетки.

Русская клетка
с тамбуром
для жаворонков

Там, где встанут дверцы и навесные кормушки, сверлить и прокалывать планки пилкой не нужно.

Особой разновидностью помещений является клетка-ящик (рис. на стр. 248). Три стороны ее забираются фанерой, покрашенной изнутри белилами. Верх мягкий, в цоколь клетки вставляется ящик с песком. Такие клетки у нас не делаются и распространены на Западе. Но изготовить их самим вполне возможно. В клетке-ящике все птицы держат себя спокойнее, особенно насекомоядные. Кроме того, птицы меньше портят перо, так как не прыгают на боковые стенки. В период перелетов такая клетка

незаменима, если вы хотите, чтоб ваш соловей или дрозд остался с целым хвостом и необитыми крыльями. Птица, хорошо заучив прыжок на две жердочки, даже в темноте прыгает по ним, не сваливается и не бьется. Недостаток ящичной клетки в том, что в ней более внимательно нужно следить за чистотой и она несколько темнее обычной клетки.

Совершенно не годятся, на мой взгляд, клетки железные, паяные. Птица в них выглядит хуже, часто ушибается и меньше поет.

Все клетки для птиц могут быть двух вариантов: нормальный и малогабаритный. Под малогабаритным вариантом понимается клетка без средней прожилины. Птицы в них живут отлично, и при недостатке свободного места такой тип клеток вполне приемлем.

Для удобства я разделяю все клетки на четыре номера: от № 1 — самого малого до № 4 — самого большого.

Вот наиболее подходящие размеры клеток, которые даны в двух вариантах:

№ 1. Для чижей, щеглов, зябликов, синиц, пеночек:

нормальный вариант:	длина	— 50 см,
	ширина	— 23 см,
	высота	— 32 см;
малогабаритный:	длина	— 40 см,
	ширина	— 18 см,
	высота	— 22 см.

То же для дубровников, ремезов, пеночек, славков, камышевок, но с мягким верхом.

Размеры ящичных клеток такие же.

Расстояние между спицами — 1,5 см. Для синиц, королек, пеночек — 1 см.

№ 2. Для соловьев, свиристелей и подобных им:

нормальная:	длина	— 60 см,
	ширина	— 25 см,
	высота	— 32 см;
малогабаритная:	длина	— 45 см,
	ширина	— 20 см,
	высота	— 25 см.

Верх — мягкий. Расстояние между спицами — 1,5 см.

№ 3. Для жаворонков два типа клеток:

русская клетка	— 40 см × 30 см, высота 22 см;
немецкая клетка-ящик	— 70 см × 23 см, высота 25 см.

Обязательно: мягкий верх, тамбур-песочник, кормушка и поилка навесные.

Расстояние между спицами от 2 до 3 см в зависимости от вида жаворонков. Для юлы — не более 2 см, а для джурбая можно и 3 см.

№ 4. Для дроздов, иволг:

нормальная:	длина	— 70 см,
	ширина	— 35 см,
	высота	— 45 см;
малогабаритная:	длина	— 60 см,
	ширина	— 28 см,
	высота	— 30 см.

Все клетки только с мягким верхом. Лучше ящичные
254 тех же размеров. Обязательны застекленные тамбурные

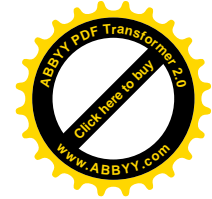
купалки и кормушки. Расстояние между спицами — 2 и 2,5 см. Проволока толстая — до 3 мм в сечении.

Клетки для соловьев, дроздов и жаворонков хороши с деревянными (кленовыми или буковыми) спицами. Они, если сделаны чисто, очень нарядны, птица в них чувствует себя хорошо, а расстояние меж спицами для дроздов и крупных жаворонков, не диких «сиделых», может быть до 3—3,5 см.

Садки. Большая клетка для общего содержания нескольких видов птиц называется садком. Размеры садков очень различны — от 80 × 35 × 50 см до полутора и даже двух метров в длину при соответствующей ширине и высоте. Все зависит от возможности размещения садка в квартире и вкуса хозяина. Один-два садка любому охотнику иметь необходимо. Здесь можно содержать группы птиц декоративных, малопоющих, для которых не нужны отдельные клетки. Можно содержать компании разных синиц даже с малым дятлом и поползнем, наконец, — коллекции птиц близких видов, например, подорожников. Садок дает возможность создавать лесные интерьеры для птичек, интерьеры с пенечками, сушьями, камнями, кочками, елочками. Хорошо подобранные птицы выглядят в таком садке замечательно. Как приятны в таком садке красногрудая зарянка, или варакушка, лесной жаворонок-юла, белоснежная пуночка...

Помните, однако, что никогда не следует «перегружать» садок птицами, иначе он превращается в грязный и неприятный ковчег.

Содержание хороших певцов в садках вместе с другими птицами неоправданно. Даже самые лучшие птицы,
255

переведенные в садок, поют там меньше. Исключение составляют щеглы, чижи, реполовы, которые могут петь даже в переполненных садках.

Садок хорош для птиц на период линьки, когда он помещен на воле, на свежем воздухе. Необходимо строго следить, чтобы в нем всегда были теневые уголки, где птицы отдыхают от солнца. Иногда в садок отпускают птиц до срока пения на осенне-зимние месяцы, а с марта рассаживают по клеткам.

Незаменим садок, если вы решили разводить певчих птиц. Это хлопотное дело удастся терпеливым любителям.

Размеры среднего удобного садка таковы: длина — 150 см, ширина — 45 см, высота — 75 см. Декоративные птицы для таких садков: снегирь, щегол, чиж, клест, белая лазоревка, свиристель, вьюрок, пуночка, щур.

И последнее замечание по садкам: удобно, если задняя стенка садка сделана из сплошной фанерной плиты, окрашенной в голубоватый или белый цвет. Птицы декоративные на таком фоне очень выигрышают.

Вольеры. Большие помещения для птиц на воздухе или в комнате, забранные сеткой, называются вольерами. Комнатная вольера устраивается обычно у окна и огораживается металлической сеткой с диаметром ячеек не более чем $1,5 \times 1,5$ см. Она оборудуется ветками и сидалами разной величины, но отнюдь не является идеальным помещением для певчих птиц.

256 В чем же недостатки комнатной оконной вольеры? Во-первых, в ней как-то не видишь птиц, следить за ними через сетку труднее. Во-вторых, пение в общем хоре на-

столько мешается, что слышишь лишь непрерывный и неприятный для уха гвалт. Птицы, особенно весной, стараются перекричать друг друга, трещат, ссорятся, цыперкают, точно волнистые попугайчики — самая надоедливая для слуха птица. В-третьих, комнатную вольеру неудобно чистить, не пугая ее обитателей. В ней всегда разводится множество паразитов, истреблять которых очень трудно.

Гораздо нужнее любителю птиц уличная вольера, или птичник. Ее можно построить на приусадебном участке, где-нибудь в углу огорода, сада, двора. Здесь для содержания птиц можно создать наилучшие условия, близкие к природным. Величина вольеры произвольная, все зависит от возможностей охотника. В среднем 4 м на 2, высотой не более 2 м. Хорош размер $3 \times 1,5$ и 1,8 м высоты.

Вольера строится на фундаменте из дикого камня или вкопанных в землю кирпичей. Каменное заглубленное основание необходимо, чтобы к птицам не пробрались мелкие хищные зверьки. Если охотник живет на окраине, а тем более в деревне, он скоро убедится, что ласки, хорьки, иногда и горностаи проложат к вольере столбовую дорогу, не говоря уж о кошках и крысах. Особенно видно будет по первому снежку.

На кирпичный фундамент птичника кладется основание из нетолстых, связанных в торец бревен. Вольеру строят фасадом на юг, юго-восток, юго-запад и запад. Прочие две-три стены наглухо зашивают досками. Крыша делается наполовину сетчатая, наполовину глухая, односкатная, чтобы птички могли и прятаться от солнца, и находить себе место для ночлега. Полностью накрывать вольеру не нужно, так как птицы очень любят дождь, любят мокнуть под ним, купаться и чиститься. У входной 257

двери вольеры делается дощатый тамбур, чтобы птицы не вылетали, если вы войдете внутрь. Затем набивается сетка или ставятся рамы, затянутые ею. Все строение тщательно окрашивается снаружи масляной или эмалевой краской.

Внутреннее оборудование вольеры делается по вкусу любителя. Ставятся жердочки, развешиваются душлянки, пол засыпается песком. Можно посеять траву, посадить кустарники, но они сохранятся только в том случае, если вольера не перенаселена.

В разные места птичника ставят сухие крепкие ветки, а если в вольере живет поползень, сипица или дятел, то обязателен гниловатый ствол ели, березы, сосны. Лиственные гнилушки, особенно осинового, хорошо едят и любят долбить почти все птицы.

Вольеру для зерноядных неплохо оборудовать автокормушками на случай отъезда. Сделать такие кормушки очень просто, как показано на рис. стр. 169.

Чтобы не лазать каждый раз в помещение вольеры и не пугать птиц при чистке, должно быть несколько хорошо запирающихся дверок малой величины. Через них удобно ставить корм, воду, бросать траву.

Вольера нужна любителю в основном для летнего периода, когда птицы линяют, но можно содержать их и в другие периоды года. Лучше иметь две вольеры или одну, перегороденную для зерноядных и насекомоядных птиц. Надо помнить, что летом все зерноядные отлично едят муравьиные яйца, и вам не напасть корма для всей компании, если она велика.

Обязательным предметом для вольеры должны быть клеточки с широкой дверцей, как у западни. Они постоянно находятся в вольере, в них дают корм, ими же

отлавливают нужную птицу, чтобы не полошить остальных.

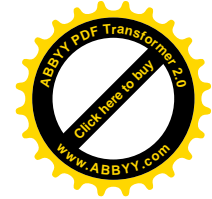
Выпуск птиц в вольеру делают теплым погожим утром, чтобы к ночи переселенцы хорошо ознакомились с новым жильем. Вольерное содержание певчих птиц имеет те же преимущества и недостатки, что и садковое. Птицы поют меньше. Но для изучения вопросов линьки, гнездования, гнездовых и перелетных инстинктов, особенностей поведения, а также для размножения птиц вольеры совершенно необходимы.

Что же касается кружков юных натуралистов в школах, Домах пионеров и зоопарках, то здесь вольерное содержание птиц должно быть главным.

Принадлежности для клеток и садков. К оборудованию клеток относятся жердочки, поилки, кормушки, песочницы. Жердочки делаются из твердого дерева, лучше естественные, то есть можжевеловые, черемуховые, кленовые, сосновые. В клетке они размещаются так, чтобы птица могла прыгать, слегка взмахивая крыльями. Делаются жердочки — одна потолще, другая тонкая.

Поилки должны быть достаточно широкими и тяжелыми — из стекла, фаянса, фарфора. Пластмассы надо избегать, ибо многие ее виды выделяют в воду ядовитые вещества.

То же самое можно сказать о кормушках, если они не выдвижные и не навесные. Навесная, застекленная кормушка с выдвижным ящиком — самая удобная, предпочитаемая для дроздов, жаворонков, соловьев, скворцов и других птиц, которые часто разбрасывают корм.

Купалки и песочницы хороши застекленные навесные или склеенные из оргстекла. Размеры и форма их различные. Навешиваются они на дверку или боковое отверстие 2—3 раза в неделю.

Корм

По корму мы разделяем птиц на зерноядных и насекомоядных. Такое деление условно, потому что птицы питаются целым набором кормов, куда входит и зерно, и семена, и насекомые, и травы, и почки, и кора молодых побегов. В разное время года состав кормов различен. Птицы «зерноядные» летом сплошь переходят на питание насекомыми, а многие «насекомоядные» в трудное время ранней весны и поздней осени употребляют в пищу семена, зерна, проростки злаков, зелень, ягоды. Наконец, есть группа птиц, питающихся смешанным кормом всегда, — это синицы, жаворонки, дрозды, зарянки, скворцы и им подобные. Те и другие летом предпочитают насекомых и беспозвоночных всякому прочему корму. Все это должен учитывать знающий охотник при содержании своих птиц.

Обычно рядовые любители и тем более люди несведущие покупают для зерноядных птиц коноплю или семечки и считают, что кормление обеспечено. Спустя короткое время они сетуют, что птичка находилась и погибла. Отчего? Я уж не говорю про птиц насекомоядных, нежных и привередливых. Даже «старые птицеловы» боятся насекомоядных как огня. Они у них сплошь гибнут.

Не стараясь проводить аналогий между птицами и человеком, я все-таки приведу здесь такой пример: что если б того, кто кормит птиц одной коноплей, а потом

жалуется, что птицы хохлятся и гибнут, посадить на такой рацион: вода и пирожное? Уже через несколько дней у человека началось бы страшное расстройство кишечника, а «нахохлился» бы он гораздо раньше.

Приходится только поражаться чудовищной выносливости и неприхотливости таких птиц, как щегол, чиж, зеленушка, дубонос, которые годами живут на одной конопле да еще и поют. Птицы других видов обычно не выживают и нескольких месяцев.

Я знаю, найдутся защитники конопли, закоснелые в своем упрямстве. Они не замедлят, прочитав эти строки, сказать: «Вот еще! Отцы-деды коноплей кормили. Был, знаете, у меня реполов замечательный, на одних семечках десять лет прожил. Стану я баловство разводить».

— Может быть, один реполов и прожил, а сколько погибло? — спрошу я. И снова повторю, что пишу книгу о наилучшем содержании маленьких крылатых друзей с тем, чтобы они всегда были здоровы, не хохлились, много пели и не гибли бы без естественных причин.

Корм для всех птиц нужно разделить на зимний и летний.

Зимний, то есть основной, корм для всех зерноядных птиц осенью и зимой должен состоять из возможно более разнообразной смеси семян и зерен проса, сурепки, конопли, овсянки, льна, салата, мака, канареечного семени. За основу корма берется просо, которого в смесь идет половина, остальное составляют указанные добавки. Уже смесь из трех частей — просо + сурепка + конопля из расчета $\frac{1}{2} + \frac{1}{4} + \frac{1}{4}$ вполне пригодна в качестве основного корма. Птицы не сразу берут просо, не очень любят его, поедают сперва коноплю. На первых порах конопли можно давать

и побольше, но постепенно птички привыкают и едят просо наравне с другими компонентами корма, а овсянки и жаворонки предпочитают просо другому зерну.

К зимнему корму **обязательно** добавляется **зелень** (проростки овса и салата), вареный картофель и тертая, смешанная с сухарями морковь. Это витаминная часть корма. Птицы также берут ее не сразу, а по мере привыкания, для чего ее **нужно упорно включать в корм каждый день**. Зерноядные птицы хорошо едят рубленую свежую капусту, зелень традесканции, проростки подсолнечника, ягоды черники, малины, рябины.

Летний корм для зерноядных состоит из половины зимнего корма плюс большое количество зелени (одуванчик, мокричник, птичья гречиха). Для кормления очень хороши полужелтые, молочно-восковые семена этих трав. Птицы и на воле едят их с удовольствием. Даются муравьи (в небольшом количестве) и муравьиные яйца (хорошо, если с сором из муравейника). Если нет муравьиных яиц, в корм добавляется вареное мясо, хлеб, размоченный в молоке (следить, чтоб не закисал!), и мучные черви. Многие зерноядные, как, например, чечевица, зяблик, вьюрок, овсянки, отлично едят зимой и летом мучных червей. Только реполовы да щеглы обычно их не трогают.

Зимний корм для насекомоядных состоит из тертой моркови, муравьиных яиц и белой сухой булки, истертой в муку. Соотношение частей корма приблизительно $\frac{1}{2} + \frac{1}{4} + \frac{1}{4}$. Этот корм готовят двояко. Или с вечера трут морковь, перемешивают с муравьиным яйцом и оставляют в закрытой посуде, чтоб яйцо пропиталось морковным соком, утром добавляют тертую булку так, чтобы смесь была слегка влажной и не липла к рукам. Добавляется

к основной смеси также молотое мясо, сырое или вареное, или рубленое крутое яйцо, или свежий творог, — когда что есть. Такую смесь отлично едят все насекомоядные птицы, приученные к ней исподволь, с лета. В качестве лакомства дают от 3 до 10 мучных червей в день в зависимости от вида птицы. В период начала пения — больше, в остальное время — меньше.

Второй способ приготовления корма. Сухое муравьиное яйцо заливают кипятком в плоской тарелке так, чтобы воды было не слишком много. Когда муравьиное яйцо разбухнет, его мешают с морковью и сухарями, дополняя всем остальным.

Летний корм насекомоядных состоит из $\frac{1}{3}$ свежего муравьиного яйца, $\frac{1}{3}$ моркови с сухарями и $\frac{1}{3}$ добавок в виде рубленой травы — мокричника, полужелтых семян, ягод, мучных червей.

Большинство насекомоядных птиц, а особенно дрозды и славки, хорошо едят разные ягоды: чернику, смородину, бузину, черноплодную рябину, иргу. Хуже поедается обычная рябина, брусника, красная смородина.

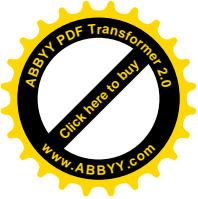
Также едят некоторые насекомоядные дождевых червей, голых слизней, мотыля (малинку), мормыша.

Для дроздов и скворцов хороши всевозможные круто сваренные каши от пшенной до рисовой.

Таковы разновидности корма.

Когда же переводить птиц с летнего корма на зимний и обратно?

Вниманию любителей! Перевод на новый корм делается постепенно в течение апреля и сентября. Ни в коем случае нельзя сразу, резко менять корм, ибо это вызовет преждевременную линьку птицы или прекращение песни.

Минеральные корма. Если сварить несоленый суп, все возмутятся и не станут есть. Не менее важно и для птиц иметь в клетке свою «солонку». В ней должен быть озерный песок, соль, толченый уголь и растертая в порошок скорлупа яиц. Летом нужен ком земли, а жаворонкам и реполовам — обычная глина, лучше выветренная, верховая. Зимой и летом нужно помещать к зерноядным птицам свежие прутики березы или ивняка. В их коре, почках, листьях содержатся необходимые птицам витамины и соли. Птица не замедлит обточить ветку до чиста. Хорошо также сделать во все клетки для зерноядных птиц маленькие чашечки-медовницы, куда кладется небольшое количество меда (или настаивается в смеси с водой).

Во всех руководствах по содержанию певчих птиц обязательно упоминается «ржавый гвоздь», который кладется в водопойку и объявляется чуть ли не чудодейственным средством от всех болезней птиц. Железо, конечно, необходимо в питании птиц, но они получают его вполне достаточно из водопроводной воды, идущей по ржавым трубам, и пужда в «гвозде» возникает разве в том случае, когда охотник поит своих птиц водой колодезной.

Как часто надо кормить птиц? Сколько давать пищи? Все можно установить лишь опытом.

Аппетит у птиц разных пород различен и меняется по временам года. Зимой и осенью птицы едят больше. Весной и летом — меньше.

Охотнику нужно помнить одно важнейшее правило.

Никогда не заваливать птицу кормом. Не давать его с излишком. Иначе любой житель клетки выбирает лишь лакомые жирные семена и в конце концов заболевает.

Птичка должна съедать весь корм, но не быть жирной. Особенно это касается содержания реполовов, зябликов, чечевид, дубровников, зеленушек, снегирей. Лучше, если птица содержится чуть-чуть впроголодь. И на воле ведь она ищет корм и не всегда сыта.

В немецких руководствах полагается даже контроль за весом. Но любителю можно ограничиваться лишь периодическим (раз в месяц при генеральной чистке клетки) осмотром птички, и если она тяжела в руке, а на хлупи и зобике просвечивает желтая жировая подушка, немедленно сократите количество корма.

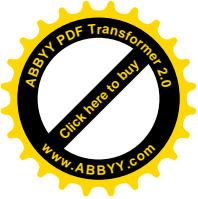
Жировые подушки, особенно на груди, — показатель, что птица ожирела очень сильно!

Часто слышишь от охотников, что не поют птицы, а то вдруг линять начали среди зимы. И первое и второе — результат ожирения, от неправильного корма или режима. Любит охотник птицу, готов ее всячески ублажить, а получается и ей вред, и самому хозяину никакой пользы. Он забыл, что в клетке птица не тратит столько энергии, как на воле, и потому излишек съеденной пищи немедленно превращается в жир. Ожиревшую птицу нетрудно определить даже внешне. Она тяжело дышит, держит клюв полукруглым, малоподвижна, летает и прыгает с трудом, от нее сыплется мелкое перо, выпадающее с жировых подушек.

Если она не погибнет в самое ближайшее время, то начнет вдруг линять.

Так организм птицы пытается освободиться от лишнего жира.

Помните, охотники, об этом и никогда не перекармливайте своих любимцев. Полторы-две чайные ложки смеси,

немного зелени, мучной червяк да солонка с минеральной подкормкой — и ваша птица будет резвой и здоровой. Недоверчивые могут проверить все сказанное на двух птицах одного вида.

Кормить лучше два раза, утром пораньше и днем около 4 часов.

Заготовка и добывание естественного корма для птиц. Собираение семян сорняков. Вот какие семена сорных растений можно собирать в конце августа, сентябре: лебеды, репейника, чертополоха, осота, одуванчика, подорожника, птичьей гречихи, крапивы, полыни черной и белой. Но семена конского щавеля, растущего в лугах и на огородах, похожие на мелкую гречу, вызывают заболевание и гибель птиц. Так погибли у меня овсянки-ремезы, посаженные на корм с примесью семян этого щавеля, усердно рекомендуемого во всех руководствах по содержанию.

В августе до полной спелости собирается и сушится на листьях бузина. Кисти ее срезают осторожно ножницами. Собранные руками бузина нещадно гниет и чернеет.

Ягоды ирги и черноплодной рябины берут по мере созревания и вялят.

Обычную рябину собирают, когда наступят холода. Лучше сохранить ее для дроздов замороженной.

Добывание муравьиных яиц. Поскольку летнее содержание насекомоядных невозможно без муравьиных яиц, опишу коротко их добывание. В ряде руководств, например в книге В. Остапова, о собирании муравьиных яиц пишут с таким ужасом, словно речь идет о встрече с оси-

ным роем. Упомянутый автор советует идти на добычу с помощниками, в резиновых сапогах, с бутылками керосина, керосиновыми тряпками на запястьях и чуть ли не в противогазе. Все это, конечно, чушь. Укусы даже большого количества муравьев для человека — не беда. К тому же они полезны при ревматических заболеваниях суставов. Если идти с керосином, вы неминуемо испортите весь сбор: пропахшее керосином муравьиное яйцо остается только выбросить.

Собирающему необходимы лишь матерчатые перчатки, мешок да саперная лопатка. Собирать яйца надо осторожно и аккуратно, не разоряя муравейника. Для этого сбоку, а не сверху делается подкоп, и в мешок берется лопатка-две яиц вместе с сором и муравьями. Никогда не нужно при этом жадничать, дочиста выбирать муравьиные куколки. Через два-три дня насекомые восстановят прежний вид муравейника, и он должен быть оставлен в покое до будущего лета. Варварское раскапывание муравьиц лопатами, разбрасывание сапогами — не больше как браконьерство и наказание самого себя.

Уже на другой год такой охотник не найдет здесь корма для своих птиц и будет искать новые места с муравейниками, часто более дальние и неудобные.

Бережное обращение с муравьями позволяет получать от них яйцо десятки лет, и при этом муравейники ничуть не становятся слабее.

Нельзя также заготавливать крупное весеннее яйцо. Его берут лишь в небольшом количестве.

Собранное в мешок из нескольких муравейников сорное яйцо вываливают на холстину или простыню, растеленную на солнечном открытом месте. Бока холстины за-

гибают, как у пододеяльника, и подкладывают в загиб ветки или заранее припасенные досочки. Муравьи, повинаясь инстинкту прятать куколки с личинками в тень, тотчас начнут работать и снесут в загнутые края холстины под ветки и листья все до яичка. Тогда осторожно выбираем сор с середины холста и, подняв холстину, сметаем чистое муравьиное яйцо в кучу. Подождав, пока разбегутся лишние мураши, добытое яйцо ссыпают в мешок.

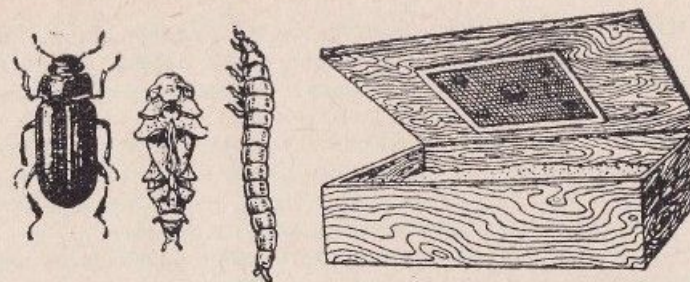
Самое лучшее муравьиное яйцо добывают в конце июля в лиственных лесах.

Сушить яйцо надо в духовке на вольном жару и хранить затем в полотняных или холщовых мешках, периодически осматривая и подсушивая, чтобы не заплесневело.

Разведение мучных червей. Мучные черви — личинки жука мучного хруща из семейства чернотелок.

Как важный корм для насекомоядных и прочих птиц, они разводятся всеми настоящими охотниками-любителями следующим образом.

В деревянный плотный ящик с крышкой, глиняный горшок или даже кастрюлю засыпают до половины отруби, муку, отсев. Лучше, если мука затхлая, лежалая, слипшаяся в комья. Сверху кладут ржаные корки и дольки резаной моркови. Затем в ящик садятся сто-двести жуков и время от времени добавляется резаная морковь, которую жуки, а затем личинки точат-пьют. Морковь можно заменять капустой, но понемногу. Если сырого листа положить больше, чем нужно, уже на другой день в ящике заведется черная плесень и жуки могут погибнуть. Из отложенных жуками яиц в отрубях выводятся мельчайшие личинки, едва различимые невооруженным глазом. Они быстро рас-

Жук мучной хрущ, куколка и личинка (увеличено)
Ящик для мучных червей

тут и через два месяца превращаются в желтых твердых личинок длиною в спичку. Они похожи на тех «проволочников», каких вы находили в картофельных клубнях осенью. Недели через полторы личинки окукливаются, превращаются в малоподвижных белых куколок, из которых в свою очередь выходят сперва белые мягкие, а потом твердеющие и темнеющие постепенно жуки. Полный цикл — от яйца до жука — длится около четырех месяцев.

Главное условие разведения мучных червей — тепло. Свет им совсем не нужен. Ящик может стоять в темном, но обязательно теплом месте. Недопустим, конечно, и перегрев, ибо насекомые могут погибнуть.

Никогда не нужно перешевеливать отруби. На поверхность отрубей кладутся тряпки, с них удобно собирать самые крупные личинки, заползающие окукливаться.

Птицы жадно едят и личинок, и куколок, и жуков. Перед скармливанием у личинок и жуков раздавливают головную часть, иначе они могут повредить птице пищевод.

Любитель должен помнить, что мучные черви никак не основной корм, а только необходимая витаминная и лакомая добавка к пище. Все попытки содержания птиц на одних мучных червях приводили к ожирению.

Несколько практических советов при разведении червей:

лучше иметь два-три ящика и выбирать личинки поочередно дочиста, заполняя потом ящик новой рассадой жуков;

чтобы черви не выползали, ящик обивается изнутри полоской жести шириною в 3 см;

если негде взять жуков для развода, их добывают в июне, выставляя на чердаках у слуховых окон ящики с затхлой мукой. Жуки часто залетают в июне и на свет. Ящик с мукой через месяц убирают и смотрят, нет ли мелких личинок;

породу жуков надо периодически обменивать с другими любителями, иначе жуки и личинки мельчают, вырождаются.

Чистота

В лесу, поле, на болоте своя особая, природная чистота. В самом деле — никому из нас не придет в голову положить кусок хлеба на пол, даже вымытый, а в лесу мы кладем хлеб, не задумываясь, и на траву, и на землю. Здесь чисто. И к лесной чистоте как нельзя более подходит

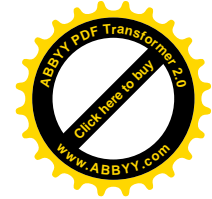
чистота птиц. Птички — большие чистюли. И в природе, и в клетке они постоянно охорашивают, причесывают, смазывают свой перовый наряд.

Ни одна модница не следит так за собой, как любая чечетка, овсянка, пеночка.

Тем более обидно видеть птичку в обтрепанном, загаженном виде, что бывает сплошь и рядом у нерадивых охотников. Я видел таких горе-любителей, у которых висит по тридцать клеток и в каждой — горки помета, вонь, грязь, сор. Если у охотника, как говорится, руки не доходят убирать за своими питомцами, лучше бы он их выпустил.

В грязной замусоренной клетке птица сидит скучная, растрепанная. В не чищенном неделями помещении благодушно плодятся паразиты. Они мучают обитателей, наползая на них по ночам. Птица бьется и беспокоится, как результат — обломанное, отертое до пеньков перо и прекращение песни.

Всем, кто скептически относится к вопросу о чистоте и не верит, что от состояния клетки зависит настроение и пение птицы, я советую проделать простой опыт. Промойте хорошенько давно не чищенную клетку, посыпьте доньшко песком, поставьте широкую водопойку или купальницу; и птичка тотчас полезет в воду, начнет чиститься, ощипываться, приподнимать хохолок — знак приветия и радости у птиц. Она ведет себя, как давно не мывшийся человек, которому удалось дорваться до бани. Отмечено, что в грязную воду птицы не идут. Но стоит налить свежей, как ремез, зяблик, соловей или дрозд тотчас спрыгивают с жердочек, лезут в купалку и полощутся, словно утки. Хороший певчий дрозд, живущий у меня сейчас,

относится к купанию, можно сказать, вдумчиво. Прежде всего он подходит к воде и глядит в нее. Потом пробует клювом: не холодна ли? Затем он степенно напьется, прижмуривая глаза от удовольствия, и уж тогда перешагнет за край ванночки. Там он долго стоит, отмачивает налипшую на ноги грязь. А уж после начнет приседать и полоскаться, подхватывать воду на спину крыльями. В завершение он ложится на бок, вздыбив все перья, чтоб промокнуть буквально до костей. Птичка вылезает из воды черной, мокрой вороной и, обалдело разинув клюв, развешивает крылья сушить. Мелкая дрожь сотрясает все ее жалкое, вдруг уменьшившееся вдвое тельце. Зато каким красивым станет дрозд через полчаса, когда разберет, просушит, смажет жиром каждое перо. Он начнет напевать вполголоса и громче, он доволен, ему весело.

Чистить клетки зерноядных птиц нужно через два-три дня. При занятости хозяина и большом количестве птиц — два раза в неделю. У насекомоядных, помет которых более жидкий, чистка проводится через день-два. Вот где нужны легко, быстро выдвигающиеся днища, что позволит в полчаса прибрать до пятнадцати клеток. На подстилку идет газетная бумага, песок, а для крупных дроздов, скворцов, иволг — торф и опил.

Некоторые кладут в клетку стопу бумаги и снимают потом загрязненные листы один за другим. Я не могу рекомендовать такой способ, ибо в слоях бумаги начинают гнездиться пероеды и прочая нечисть, с которой трудно бороться, едва она расплодится.

Один раз в месяц нужна большая чистка — санитарный день. Его всегда можно совместить с генеральной уборкой квартиры. Клетки тогда шпарят крутым кипятком, прожи-

272

гают паяльной лампой, протирают спиртом или денатуратом, очищают, моют. Птиц временно перегоняют в другие помещения, пугливых птичек (жаворонки, дрозды) сажают в мешочки. Можно и самих птиц осторожно помыть в теплой воде, не задевая головы. В холодной воде мыть нельзя, птица может погибнуть от внезапного переохлаждения. Во время генеральной чистки птиц осматривают, не зажирили ли, не отросли ли клюв и когти, нет ли резкого исхудания.

Подрезка отросшего клюва и когтей производится ножницами, причем коготок надо держать на свет, чтобы не прорезать кровеносный канал. Срезается лишь наросшая роговая часть.

Обломанные перья, например маховые или рулевые (хвост), выдергивать не нужно — птица перестанет петь, может начать внезапную линьку.

Помните, что купание обязательно нужно птицам для сохранения пера. У лишенной купания птицы перо часто выпадает без линьки и долго не восстанавливается. «Облысение» птиц — верный признак того, что им не давали купаться. Для здоровья мелких пернатых необходимо, чтобы они купались не реже двух раз в неделю.

За неимением специальных купалок отлично подойдут для этой цели пластмассовые или эмалированные фотокюветы размером 6×9 и 9×12, которые ставят прямо в клетку на короткое время и после купания убирают.

О жаворонках, обычно не идущих в воду и «купающихся» подобно курам в пыли и песке, уже говорилось. Но хорошему любителю не грех иметь и застекленные купалки-песочницы с землей, торфом, речным песком. Время от

273

времени их навешивают всем птицам — ведь и они любят в жаркие дни «пурхаться» в пыли. В садках и вольерах большая песочница обязательна.

Свет

Один мой знакомый любитель слыл совершенным неудачником. Он покупал у охотников и на рынке самых лучших птиц, брал «крытых с голоса», то есть выслушанных им лично в лесу и пойманных на заказ, платил большие деньги и все время жаловался:

— Что-то птицы поют плохо. Себе под нос или молчат. Надули меня опять...

И он выпускал, менял, возвращал прежним владельцам, у которых птицы вскоре снова начинали петь, как по волшебству.

Однажды я зашел к нему в квартиру и удивился: все окна завешены тюлевыми шторами, гардинами. Огромные кадки с пальмами создавали неприятный сумрак.

— Да что же вы окна-то не откроете, — удивился я. — Ведь только из-за этого у вас молчат птицы.

— Нууу?! — было в ответ. — Что вы?! Мебель выгодно...

Самое лучшее место для размещения клеток в комнате не окна, где птица может перегреться или простудиться и где ее видишь лишь силуэтом, а стены возле окна и напротив него. Размещать клетки надо сообразуясь с тем, как птицы живут в природе. Певчие птицы полевые (жаворонки, реполов, щегол и т. д.) требуют сильного света и солнца. Их можно устраивать даже на подоконниках и боковинах окон, а также близ окна и у потолка. Луговые

и болотные птицы также светолюбны (дубровник, варакушка), но есть среди них и тенелюбы, вроде соловья и камышевок.

Птицы опушек и леса помещаются дальше от окна, но не в тень. Желательно, чтобы в клетки хотя бы на час в день заглядывало солнце. Солнечные и воздушные ванны на свежем воздухе надо устраивать своим любимцам во все времена года (зимой в оттепели). На все лето хорошо переводить или вывешивать птиц на улицу, на балкон, во двор, в сад, конечно, обезопасив от бродячих кошек и строго следя за тем, чтобы птица не перегрелась, не получила солнечного удара. На период линьки — июль, август, сентябрь — желательно переводить птиц в летние садки и вольеры на улице.

Охотники должны знать, что птица в светлом месте скорее запевает и поет вдвое дольше, чем в сумрачных углах.

Нормальная линька в первую очередь зависит от достаточной освещенности. В темном месте, без солнца, у птиц выпадает без восстановления мелкое перо на голове, брюшке, боках.

Окраска пернатых певцов лучше сохраняется на свету и как бы выгорает (парадокс!), теряет яркость при отсутствии солнца.

Чтобы стимулировать начало пения, птиц помещают ближе к свету.

Вот для примера такой случай.

Четвертый год живет у меня отличная овсянка-ремез. Поет ремез до семи месяцев в году, но при одном условии — если его клетка стоит на подоконнике. Стоит перенести клетку в другое, более темное место, как ремез ме-

няет песню и поет ее вполголоса, а то и вовсе молчит. Почти так же вели себя дубровники, полевые жаворонки, юлы и другие птицы.

Таково значение света.

Итак, что же нужно охотнику, чтобы его певчие птицы оправдали свое название? Напомню, что **это отдельная клетка, хороший корм, чистота и светлое место.** Эти слагаемые — гарантия здоровья, долголетия и песни любой, самой привередливой птички при добром и бережном обращении с ней.

Многие любители часто спрашивают, сколько может прожить птичка в комнатных условиях? На этот вопрос я могу ответить лишь одно: берегите ее, и она проживет долго. В среднем птицы в клетках живут дольше, чем на воле, где под старость почти всегда становятся жертвами хищников. Долголетие птиц в значительной мере связано с их величиной. Мелкие птички вроде короля, пеночки, синицы-московки могут жить до десяти лет.

Птицы тина щегла, реполова, зяблика — до пятнадцати лет. Более крупные, дрозды и скворцы, выживают в клетке до двадцати, двадцати пяти и более лет.

У меня наиболее долго жили: чиж — 12 лет, щур — 9 лет, реполов — 9 лет, певчий дрозд — 10 лет. Все эти птицы, кроме щура, были выпущены на волю в отличном виде, здоровыми, без признаков одряхления.

Обдерживание и приручение

276 Только что пойманную птицу нельзя садить в клетку сразу, тем более в клетку, обращенную к окну, на яркий свет. Птица будет стараться вылезти, может отказаться от кор-

ма, ослабеть и погибнуть. Если даже она не погибает, то часто разбивает в кровь основание клюва, стирает концы перьев у хвоста, надоедливо лазает по прутьям.

Чтобы избежать таких неприятностей, всякую пойманную птицу надо посадить в невысокую отдельную матерчатую клетку, которая называется куролеска, или кутейка. Сделать ее очень просто, как обычную низкую «жаворонковую», но обтянуть холстиной или другой светлой редкой тканью. Дверцу делать со стеклом, заешивающимся той же материей. В кутейке должны быть две жердочки, вода, песок и корм. Таких кутеек надо иметь не одну, тем более, что они удобны и для переноски птиц из леса, хотя нужно помнить правило — никогда не сажать в кутейку много птиц. Иначе они задыхаются и гибнут.

В куролесках обдерживаются первую неделю пугливые пойманные птицы и особенно насекомоядные, как более нежные.

Некоторые охотники связывают пойманным птицам крылья, сложив их кончиками крест-накрест. Я этого почти никогда не делаю и не рекомендую: во-первых, от связки безнадежно портятся маховые перья; во-вторых, птичка все время стремится развязаться и тем отвлекается от корма; в-третьих, подвязка крыльев ничего не дает для приручения.

Итак, птицы должны быть со свободными крыльями, исключая случаи, когда их надо перевозить или пересылать.

Если у любителя нет кутейки, то обычную клетку обвязывают полотенцем, а верх закрывают картонками, просовывая их сквозь прутья. Такую обвязанную клетку, а также и куролеску с птицей ставят в светлое место, можно

и на окно. Иногда обвязанная клетка даже лучше куролески, ибо нет необходимости затем переводить птицу и приучать ее к новому месту. Обычно уже через 2—3 дня птицы привыкают к клетке, а насекомоядные несколько дольше, до недели. Тогда полотенце можно снять, и клетку повесить на постоянное место, лучше так, чтоб птица не видела улицу. Ни в коем случае нельзя оставлять птицу со снятым полотенцем на окне.

Поначалу клетки с дикими строгими птицами (дрозды, жаворонки, соловьи) можно слегка прикрывать марлей и вешать повыше. Можно закрывать частично картонками, ведь птица дика и хочет спрятаться. Но нужно помнить: чем больше предосторожностей в обращении с «дикарями», тем долее они сторожатся, не привыкают. Иногда стоит повесить клетку поблизости от себя, чтобы птица обвыкала скорее. Я часто пользуюсь этим правилом и нахожу его хорошим, если клетка удобная и птица не может побиться о прутья.

Через две-три недели птичка считается обдержанной, сиделой. Она не мечется при виде человека, не забивается в углы. Теперь можно приступить к ее приручению. Совсем нет необходимости добиваться, чтобы птица лезла в руки. Такие чересчур ручные птички теряют свой гордый природный облик. Вполне достаточно, когда птица спокойно кормится вблизи хозяина, поет, не пугаясь его, берет из рук лакомства вроде ягод и мучных червей. Для такого приручения не надо быть Дуровым или тратить многие часы свободного времени. Кормите птицу сами, ухаживайте, не передоверяйте этого дела никому, старайтесь разговаривать с ней, чтоб она привыкала к вашему голосу, давайте лакомства натошак, и даже самый упрямый

мый дикарь со временем станет брать корм из рук. Многие певчие птицы приручаются лучше и бывают смирнее домашних. Например, домашние канарейки и куры никогда не идут в руки хозяина, а снегирь, чиж, щур, синичка-московка или скворец делают это с видимым удовольствием. Птицы очень хорошо знают хозяина по одежде и в лицо, знают членов его семьи, никогда не дадутся в руки чужому. Конечно, не все певчие приручаются так. Даже выкормленные из птенцов остаются строгими реполовы, жаворонки, овсянки. Совсем ручные птицы среди названных — баснословная редкость.

Некоторые пойманные птицы как бы не замечают корма, не берут его и, ослабев, могут погибнуть. Таких «упрямцев» нужно накормить насильно. Взяв птицу в кулак левой руки, перед ее клювом водят мучным червем, или раздавленной долькой кедрового ореха, или подносят горсть конопля, или щепотку муравьиных яиц, хлеб, размоченный в молоке. Почти всегда птица рефлексивно начинает клевать и щипать предложенный корм, и тогда — дело в шляпе! Накормленная так один-два раза птичка начнет есть сама. Подробнее об этом важнейшем условии сказано в разделе о синицах.

Уход во время линьки

Период линьки, или «перебора», как говорят заядлые птичники, самое ответственное время в жизни птицы. Сменяется весь ее обносившийся перовый наряд. Она снова становится чистенькой, нарядной, как игрушка. Но птицы и часто гибнут в период линьки, в руках неумелых любителей. Как же избежать такой беды?

Смена пера бывает каждый год после гнездования, то есть падает на июль, август, сентябрь.

Каждому охотнику надо знать, что главные условия правильной линьки — солнечный свет и богатый корм. Перед линькой, примерно в середине июля, птицы начинают петь. Вот тут-то и надо их поместить на свежий воздух, для чего хорошо подходит балкон, терраса, на худой конец просто оконный проем за рамой. Надо лишь строго следить, чтобы клетка не находилась на сплошном солнцепеке, чтобы в ней было укрытие и тень.

Птица, вывешенная на яркое летнее солнце без укрытия, гибнет уже через час-полтора.

Самое лучшее место для линьки птиц — большая летняя вольера.

Каждое утро линяющим птицам дается в дополнение к корму салат из свежей травы — мокричника, одуванчика, птичьей гречихи. В банке с водой ставят свежие липовые и березовые ветки. Обязательны кюветы с чистой водой и песком. В отдельной коробке — толченая скорлупа, дробленый уголь с золой, глина, известь, соль, гнилушки листовенных пород. Кормить нужно обильно. Во время линьки птица не зажирет.

Линяющим птицам как зерноядным, так и насекомоядным обильно дают мягкие корма — тертую морковь, хлеб в молоке, муравьиное яйцо, личинки хрущей.

Не нужно излишне беспокоить птиц, брать в руки, осматривать. Осторожность особая должна быть к диким дроздам, жаворонкам, овсянкам. Бросаясь на решетку вольеры, птицы могут повредить мягкие зорьки-пеньки крупных перьев. Поврежденная крупная зорька сильно кровоточит. Ее надо немедленно вырвать.

Даже случайно выбитые крупные перья — причина прекращения песни у всех птиц. Поэтому никогда не ждите песни в период линьки. Помните, что это полуболезненное состояние.

Обычно линька начинается с второстепенных маховых, затем попарно выпадают крупные махи, линяет грудь, спина, надхвостье, в последнюю очередь — голова и хвост. Такой порядок обязателен не для всех видов и может нарушаться.

Кроме линьки полной, бывает еще частичная линька, но далеко не у всех птиц. Линяют лишь самцы у дубровников, ремезов, тростниковых овсянок и некоторых других, надевая яркую брачную окраску головы (у реполовов-самцов линяет грудь). Неполная линька бывает в марте.

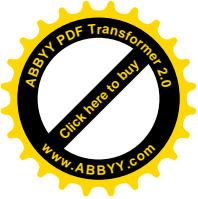
Иногда любители жалуются: птица стала линять не вовремя, зимой или весной. У иных охотников они линяют дважды и чуть ли не беспрерывно. Здесь может быть несколько причин.

Первая причина — ненормальный корм и ожирение. Очень часто любители перекармливают птиц. Птицы обливаются салом и если не гибнут, то начинают линьку, тем самым избавляясь от избытка жира. Особенно подвержены таким ненормальным линькам те несчастные чижи, снегيري, реполовы, которых закопелые в своем упрямстве и невежестве губители — иного слова не подберу — держат на одной конопле и семечках.

Да еще и жалуются потом:

— Не живет у меня клест!

В ином случае линьку вызывает резкая смена корма. Достаточно птицу, привыкшую к одному корму, перевести

на новый, хотя бы и лучший, как она начинает не вовремя линять. Переводить нужно постепенно.

Может вызвать линьку утрата большого числа крупных перьев, например выдернутый хвост, выбитые маховые перья.

Случается беда и другого рода — птица не линяет, сидит в грязном обношенном пере. В первую очередь это касается чечевиц, дубровника, дроздов, пеночек и некоторых других.

В данном примере причиной является темнота и плохой, бедный витаминами, корм. Птицу содержат в глубине комнаты, а ей нужен солнечный свет и простор. Достаточно перевести «ободрышей» на улицу в светлую клетку, на хороший летний корм, как они тотчас начнут смену оперения. Иногда помогают тепловые ванны, если перо растет плохо.

Всем охотникам известно, что многие певчие птички теряют после линьки свою яркую окраску. Карминовые тона в оперении чечевиц, сизо-малиновый оттенок у щуров, красные пятна на голове и груди чечеток и реполовов — заменяются желтоватым или оранжевым цветом.

Оранжевая и желтая окраска овсянок, дубровников, больших синиц, лазоревок как бы выцветает.

Исключение составляют красные и желтые тона у щеглов и чижей, делающиеся от времени более яркими.

Во всех случаях для сохранения окраски нужен правильный корм и свет в соединении со свежим воздухом хотя бы в период линьки. Замечено, что в уличных вольерах и садках цвет «выгорает» значительно меньше, но все-таки изменяется, ибо подобрать и предусмотреть все

природные корма и условия никакой любитель не в состоянии.

Птицы, линявшие на одной конопле или семечках и чудом уцелевшие, часто имеют после линьки сплошной грязно-серый или даже черноватый окрас пера. Мне доводилось видеть на птичьих рынках таких «черных» снегирей, щегла, чечеток.

По возможности на время линьки птиц надо разбивать на группы, сходные по особенностям питания, и содержать каждую группу особо. Если птиц немного (до пяти), все они могут жить вместе в большом садке — и зерноядные и насекомоядные, надо лишь хорошо обеспечивать их кормом с учетом того, что летом кормом насекомоядных питаются и все зерноядные.

Снасти охотника

Описывая любительскую ловлю, я сознательно опускал все способы, применяемые охотниками-промышленниками, и упоминаю только те снасти, которые нужны любителю.

К числу орудий охотника-птицелова относятся четыре главные снасти: сеть-тайник, круглый лучок на деревянных дужках, лучок-самолет и западня.

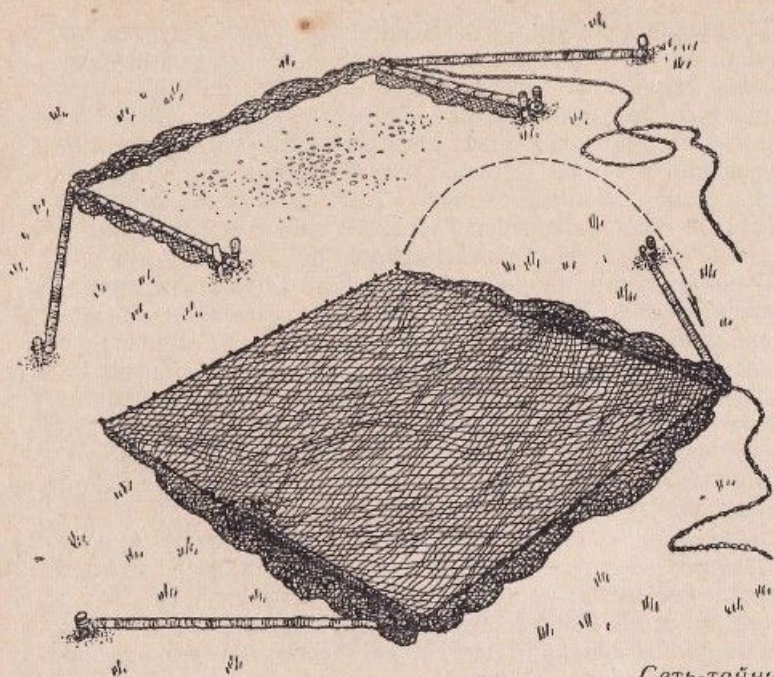
Тайник — самая лучшая охотничья снасть. Это прямоугольная или квадратная сеть самого различного размера от 1,5 м в длину и 1 м в ширину до величины 8×5. Сеть вяжется из крепких ниток десятого номера, размер ячейки не должен превышать 2 см. Обычно 1,5 см по стороне. Связанная сеть продевается в бортах на шнур — садится. Шнур для посадки должен быть меньшей длины, чем длина сети по всем сторонам. Посаженная правильно сеть провисает и образует мешок. Плоская сеть без мешка непригодна, она будет бить птиц о землю. Цвет сетки лучше зеленоватый или бурый, для зимней ловли — белый. А обычно и лучше всего связанную из светлых ниток сеть

обмакнуть в жидкую грязь. В таком случае образуется отличная естественная окраска, которую всегда можно подновить. Чтобы сеть стала снастью, ее надо приспособить. Для этого два угла тайника привязывают к палкам или сошникам, у которых внизу есть ременные петли для прикалывания к земле. Длина сошников равна половине ширины сети и немного меньше. Там же в углах вяжутся с каждой стороны веревки-растяжки или укусы с петлями.

Оснащенная сеть растягивается по выбранному под току месту. Сошники кладутся вровень с боками и прибиваются к земле шпильками из толстой проволоки или деревянными колышками. Укусы отводятся в стороны, а также прибиваются через петли надежными железными штырями. Получается, что сеть ходит на прибитых сошниках и укусах, как на шарнирах. Надо всегда проверить перед ловлей, хорошо ли она складывается и опадает. Шпильки сошников и укусов должны быть строго на одной линии. Укусы лучше иметь подлиннее, в полтора-два раза больше палок-сошников. Тогда сеть ходит легко, кроет мгновенно. Поставленная же без соблюдения указанных правил, она может перекошиться и не захлопнуться. После проверки задняя часть сети также прикалывается к земле. Затем палки перекидываются, сеть собирают в одну линию и маскируют. К одной из палок за угол вяжется шнур и протягивается в укрытие, где сидит охотник.

Иногда для ловли употребляют два тайника, поставленных так, что они кроют навстречу друг другу. Снасть называется понцы и для любителей охоты вряд ли нужна.

Редко употребляется еще один вид сетчатой снасти — сеть развесная, или обметная. Она подобна рыбацкой оди-
нарной мереже и плетется из зеленых ниток. В развесную

Сеть-тайник

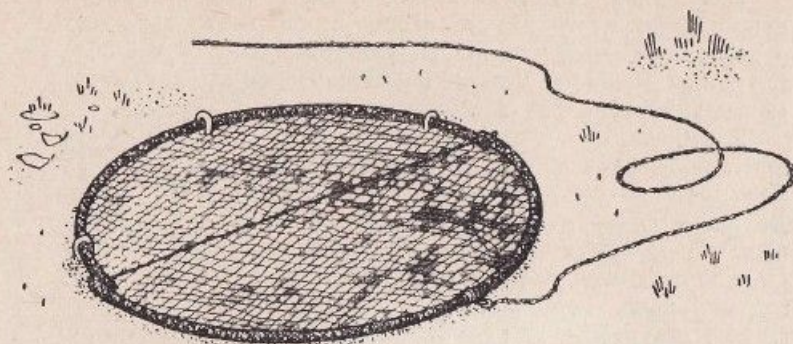
сеть, поставленную в кустах, загоняют птиц, держащихся понизу. В старину сеть была главным орудием ловли соловьев. Теперь употребляется редко, да и неудобна она, громоздка, а результат — какая-нибудь перепуганная серая славка — не стоит внимания.

Уже одним тайником можно поймать любую птицу — важно найти место, где она сходит, прикормить, выследить и покрыть. Самый лучший размер тайника 4×3 м с полуметровым мешком. Для ловли одиночных птиц в кустах может употребляться маленький тайничок — 1×1 м.

В заросших, захламленных хворостом уремных местах при ловле соловьев, варакушек, славок и камышевок нужен лучок — снасть очень простая и ловкая в обращении. Делается лучок из двух полуобручей березовых, рябиновых, черемуховых или можжевельников, что самое лучшее. Полуобручи, которые должны быть один побольше, а другой поменьше, осторожно просверливают в концах и стягивают шнуром, чтоб получился в развернутом виде круг. Важно, чтобы одна дуга лучка входила в другую, и оставалось бы некоторое пространство для укладки сети. Такой лучок обшивается круглой сетью большего диаметра, чтобы образовался колпак.

Для ловли одна дуга лучка прикалывается к земле проволоочными шпильками намертво. К другой подвижной дуге сбоку привязывается шнур. По быстроте установки и работы лучок не имеет себе равных. Величина лучков по диаметру от 80 см до 150 см. Некоторые охотники делают лучки на металлических и даже на складных дугах для удобства их переноски. Но здесь уж простор изобретательству и творчеству.

Автоматические снасти хороши тем, что не требуют подчас очень утомительного сидения и подстерегания птицы, но имеют и недостатки. Часто автоматические ловушки кроют птицу не ту, что надо, состороживаются от ветра и других причин. Ими можно поймать одну, максимум две птицы. И все-таки они нужны.

Лучок

Есть много видов самоловов, большинство из которых сложно в изготовлении и несовершенно. Я опишу лучший и самый простой самолов-лучок. Он делается как обычный лучок, но дуги гнутся из проволоки. Соединяют дуги проволочной связкой. В боках ставят пружины, как это видно на стр. 290. После чего лучок обшивают сеткой и делают насторожку в виде досочки, корытца и т. п. Насторожка ходит на шарнирах и имеет петельку, куда заводится проволочный сторожок. В общем, действие лучка-самолова напоминает огромную мышеловку-давилку. Точно такую же или прямоугольную снасть можно сделать на доске с бортиками, чтобы ставить ее на ветки и сучья.

На земле самолов прикалывается, как лучок, и маскируется землей, листьями, травинками. Это можно сде-

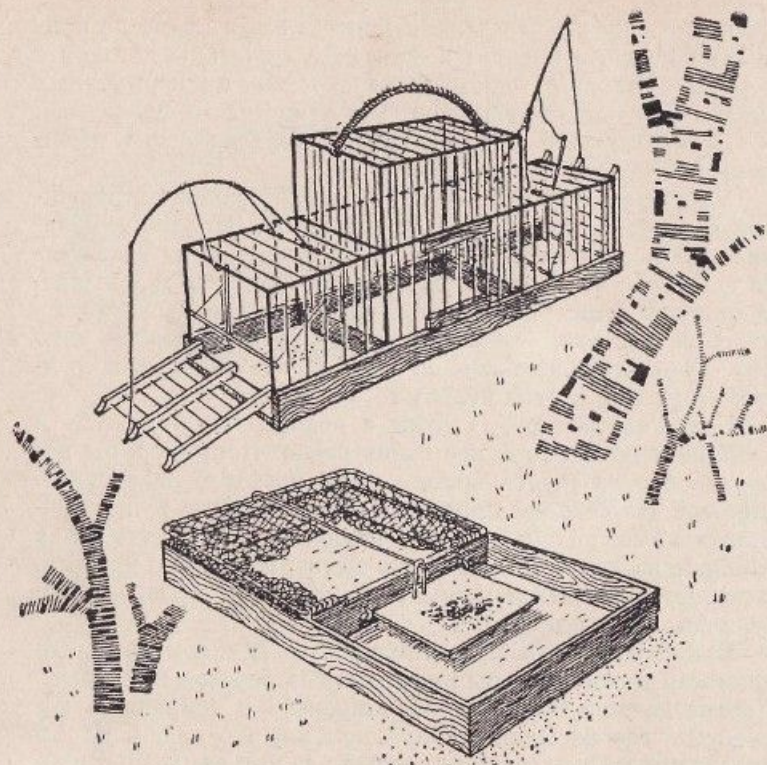
лать так искусно, что даже самая пугливая птица не признает подвоха и попадет в сеть, едва ступит на досочку с кормом. Ставится самолов только на прикормленных местах или там, где замечено, что птица часто спускается.

Я ловил таким способом даже певчих дроздов и жаворонков и нахожу, что он очень удобен.

Наконец, самой обычной распространенной ловушкой является клетка-западня (стр. 290). Западня — мальчишеская забава, ни один серьезный охотник не пользуется ею, разве что только для ловли синиц и поползней. В западню ловят лишь самых доверчивых птичек. Чечетка, чиж, снегирь, щегол, щур, редко реполов или вьюрок — вот что попадает на приманку и сидящую в среднем отделении клетки птичку того же вида.

Большинство других птиц с недоверием относятся к западне и попадают в нее очень редко. Например, вы напрасно будете терять время, если посадите в западню зяблика. На осеннем пролете тысячи зябликов будут пролетать мимо, но ни один не попадется. Зяблик идет в западню весной, на гнездовом участке, да и то не каждый. Бесполезно пытаться поймать западней жаворонка, даже если есть приманый.

Самые лучшие западенки делаются целиком из проволоки или из натуральных нечищенных березовых прутьев. Клетка должна быть низкой, широкой, с широкими западками, где насыпанный прикорм хорошо виден. Чтобы прикормка не высыпалась каждый раз при попадании птицы, ее закрепляют на слое столярного клея. Иногда охотники применяют отдельные западки или хлопки, которые ставят на заранее прикормленные места или навешивают на клетки. На прикорме в западню можно поймать со-

Западня. Самолов на доске

ловья, зарянку, варакушку — птичек доверчивых и не пугливых.

Западни, применяемые охотниками, обычно имеют два хлопка, реже три или даже четыре — три по бокам, один сверху. Такое обилие хлопов вряд ли нужно, ибо в западню попадает всегда одна-две птички. Если же их оставить на целый день и ждать, когда в свободные хлопки попадутся еще птицы, то скорее всего вы погубите уже пойманных. Они побьются о прутья и погибнут. Вообще нужно взять за правило — тотчас вынимать пойманную птицу и не оставлять в западне ни в коем случае более чем на час-два.

Очень редко у маститых птицеловов встречается оригинальная снасть, которую можно назвать западня-самолов. Она довольно громоздка и представляет собой низкую широкую западню, на верхней крыше которой помещен самолов-лучок с квадратными дугами. Я не ловил такой снастью, но по отзывам она хороша.

Несколько слов о маленьких клетках, которые ставят под сеть. Их называют подтайничниками или барашками. Лучшими барашками будут те, которые сделаны целиком из проволоки. Для птичек, прыгающих кверху — овсянки, жаворонки, — верх подтайничника нужно делать из частой тюлевой сетки. Подтайничник не должен быть слишком мал. Его оснащают небольшими питейками, прикрепленными к стенке, и жердочками. Кормушка не обязательна, выдвижное дно — также. При ловле подтайничники маскируют травой и устанавливают в заранее выкопанных ямках на току.

Вот все снасти охотника-птицелова. Располагая ими, можно вести любую охоту, добывать всевозможных птиц,

помня, однако, что главное в нашей охоте вовсе не снасть, хотя она и должна быть хорошей, а умение выследить птицу, узнать, когда и в какое время она держится в месте ловли, что ест, где пьет, куда перелетает. Настоящий охотник до тонкости знает все повадки птиц, их крики, пение, разговор, окраску, манеру держаться. Он знает их на слух, на взгляд, по полету. Такой охотник всегда раздобудет себе любую добычу. Для него нет слов: «не идет», «не спускается», «не мог поймать», «прокрыл». Это все отговорки неумелых, нетерпеливых и ненаблюдательных.

Завершая разговор о снастях, я хочу сказать, что всякие прочие орудия ловли, как-то: силки, петли, опадные колпаки, сундучки, птичий клей и т. п. — не более как несовершенная дрянь, часто губящая птиц. Мы не будем на них останавливаться.

Главные способы ловли

Существует три основных способа охоты на птиц — ловля на приманных, ловля на прикормку и ловля на воде.

Ловля на приманных — самый распространенный способ добывания обыкновенных клеточных птиц — щеглов, чижей, чечеток, клестов, снегирей, шуров, зеленушек, реполовов. Суть ее сводится к тому, что на выбранном для тока месте (обычно низенький кормный подлесок, опушка, кромка поля, перемычка, соединяющая лесные массивы, берег речки, поросший кустами) настраивается тайник, на току помещаются в барашках приманные птицы того вида, на какой производится охота. Если собираются ловить чижей — на току должен быть чиж, на щеглов — щегол, а на снегиря — снегирь. Иногда ставят несколько разных приманных птиц, но это часто снижает качество ловли. При виде большого количества клеток на току подлетающие птички сторожатся и не сходят под сеть. Изредка на ток может сесть птица какого-нибудь другого вида, особенно если она кормилась тут оставленным зерном.

В старинных да и в некоторых современных книгах о ловле птиц содержатся утверждения, что лучшей приманной птицей для всех видов является самка чижа, чижовка. Но сколько я ни пробовал ловить на чижовок, кроме чижей на них никто не спускается, да и чиж-то лучше идет на старого яркоперого самца, рассыпающего свое звонкое «нюн, тви, пиви».

Итак, установим твердо, что для ловли каждого вида птиц нужны свои приманные, хорошо обдержанные, спокойные, а главное, непрерывно кричащие птички. Они-то и подманивают к току пролетающие стайки и заставляют спускаться.

Ток, помимо приманных, должен быть оборудован обильной прикормкой из зерна, семян, ягод, муравьиных яиц. По краям его недалеко от сети втыкают ветки — «присаду», ставят снопики кормных трав, которые любят птички. Конопля, репейник, полевой осот и лебеда очень подходят для этого. Снопики надо предварительно околотить, вылущить, иначе подлетевшие птички займутся ими и не сойдут на ток. Нужна на току и вода в противне или в полиэтиленовой пленке, замаскированной травой и листьями под естественную лужу.

Присевшая к току птица не сразу сойдет, а сперва оглядывается, сторожится. Лишь когда увидит, что приманные не бьются, а спокойно занимаются едой, слетает к ним. Если спустилась стайка, лучше подождать, пока сойдут на землю все, но так нужно делать, если на току имеется обильный и лакомый корм, которым птицы могут заняться. В другом случае опустившиеся на ток быстро слетают, так что охотники не успевают дернуть за шнур. Умение чисто крыть птиц — результат большой школы и

придет не сразу. Ни в каких руководствах этого не описать. Нужно только запомнить начинающему охотнику, если птица спустилась и спокойно движется по току, кормится и не сторожится — ждите, пока она не займет удобное положение — головой к сети и не придвинется поближе к подобранной сетке тайника. Выждав, энергично и плавно кройте. Если же птичка насторожилась, приподнялась — кройте мгновенно, иначе улетит. Если она сидит головой к вам, навывлет, а расстояние от сетки велико, в девяноста случаях из ста будет промах. Лучше подождать, может быть, птица успокоится и займет нужное положение, ведь «прокрытые», то есть вылетевшие из-под сетей птицы, обычно уже не спускаются вновь.

Перед ловлей всегда нужно не полениться проверить, как кроет сеть, прочен ли шнур, не застревают ли он где-нибудь в корнях. Хороший охотник без проверки не начинает.

Как же добыть птиц, если у вас нет приманных? Здесь на помощь охотнику приходит второй, самый интересный и нужный способ — ловля на прикорм. Это уж чисто любительская, не промысловая охота. Я уже говорил о ней несколько выше довольно подробно, а здесь укажу только, что ток устраивается там, где нужная охотнику птица чаще встречается. Охотник тратит иногда не один день, не одно утро, лазая по кустарнику, в уремах, в оврагах и на пустырях, пока отыщет пугливую птичку и узнает о ней все. Вот где школа для орнитолога, натуралиста, следопыта! На току, расчищенном для лучка или сети, оставляется обильная привада. Через день-два она проверяется. Когда птица начнет регулярно летать на прикорм, ее подстерегают и ловят замаскированным тайником или луч-

ком, или самоловом. Так добываются все осторожные, редкие, драгоценные птицы.

Третий вид охоты — ловля на водопое, там, где спускаются пить и купаться разные пернатые. Охота на воде очень занимательна, добычлива, захватывающе интересна, хотя найти верное место очень трудно. Ключик-студенец, лужа на лесной дороге в жару, удобный берег озера — все должно быть обследовано охотником. Иногда водяной точок дополняется прикормкой. Сеть для ловли на воде нужна большая, а в стороне удобный, не вызывающий подозрений у птиц скрад.

Вообще скрад или шалаш очень важная часть охоты. Иногда птицелов возвращается без добычи только потому, что поленился построить хорошую закрадку.

«Не валится чирик! — сетует иной даже убежденный сединой птицелов. — И жулан тоже отлетает. Не время еще, видно».

А суть вся в том, что горе-птицелов стоит со шнуром чуть ли не у самого тока, весь на виду, заслонясь какой-нибудь веточкой. Тут уж даже добродушный снегирь и непугливый чирик замечают — «неладно дело!» И улетают подальше. Я уже не говорю о зябляках, реполовах, жаворонках — они никогда не попадают таким охотникам и не спускаются на ток, если видят человека даже за 30 метров.

На месте постоянной ловли лучше всего выстроить шалаш-окоп, где земля выбрана на полметра, а сверху — прочное укрытие из веток и хвороста. Надо, чтобы птицы привыкли к шалашу. Они очень любопытны, недоверчивы. Часто-часто бывает так: прилетит зяблик, синица или пеночка, прежде чем спуститься, подлетит на шалаш, загля-

нет, увидит охотника и — «до свидания». Вот вам и неразумные существа. Вот вам и рефлекс, будто бы только и управляющие поведением животного. Наблюдая за птицами три десятка лет, я нахожу, что это чрезвычайно мысленные существа. Они могут радоваться, горевать, грустить, приходить в ярость, смеяться, любить. Они отлично передают свои чувства и голосом, и мимикой. И порой кажется, что птицы — мыслящие существа, мыслящие по-своему, по-птичьи, коротенько и примитивно.

Самое главное во всех видах птицеловства — выбор подходящего места. Хороший охотник исследует все леса в окрестностях. Они у него хожены-перехожены. Ног своих он не жалеет. **И настоящий охотник не бывает жаден. Он не ловит самок, не губит ни одной птицы. Он любитель и радатель родных лесов. Он идет в лес не на поиски рублей и наживы, но на поиски поэзии и красоты.**

Основные заповеди любителя певчих птиц

Настоящим охотником и любителем птиц может быть признан тот, кто добывает их сам.

Если не можешь создать птице самых лучших условий в клетке, лучше не лови ее.

Не садись есть, не проверив, сыты ли твои птицы.

Никогда не жадничай, не лови птиц много. Оставь необходимых, остальных выпусти.

Не лови самок, а если они попали, немедленно выпусти.

Гнездо птицы — запретная земля. На гнезде ловит лишь браконьер.

Никогда не делай ловлю средством наживы.

Не жди от птицы круглогодичной песни. Если птица долго не поет, — значит, она в плохих условиях.

Научись делать клетки сам и сам заготовляй корм.

Настоящему охотнику птица сама указывает, где ее поймать.

298

Запомни: птица любит того, кто ее любит.

Певчие птицы Среднего Урала

Обозначения: к.г — круглый год; л — встречается в летнее время; пр — пролетный; з — залетный; р — редкий; р.з — редкий, залетный.

ОТРЯД ВОРОБЬИНЫЕ

Семейство вороновые

1. Ворон к. г
2. Ворона серая к. г
3. Грач л
4. Галка к. г
5. Сорока к. г
6. Сойка к. г
7. Кукша к. г
8. Кедровка к. г

Семейство скворцовые

9. Скворец обыкновенный л

Семейство иволговые

10. Иволга обыкновенная л

Семейство вьюрковые

11. Дубонос к. г
12. Зеленушка к. г
13. Щегол к. г
14. Чиж л
15. Чечетка обыкновенная пр
16. Чечетка тундровая пр
17. Чечетка горная л
18. Реполов л
19. Снегирь к. г

299

20. Длиннохвостый . . . сне-
гирь з
21. Чечевица обыкновен-
ная л
22. Чечевица розовая . . . з
23. Щур пр
24. Клест-сосновик . . . з
25. Клест-еловик . . . к. г
26. Клест белокрылый . . з
27. Зяблик л
28. Вьюрок л

Семейство ткачиковые

29. Воробей домовый . . к. г
30. Воробей полевой . . к. г

Семейство овсянковые

31. Овсянка обыкновен-
ная к. г
32. Овсянка белошапоч-
ная к. г
33. Овсянка-дубовник . . л
34. Овсянка-ремез . . . л
35. Овсянка-крошка . . пр
36. Овсянка тростнико-
вая л
37. Подорожник лапланд-
ский пр
38. Пуночка пр

Семейство жаворонковые

39. Жаворонок полевой . л
40. Жаворонок рогатый . пр

Семейство трясогузковые

41. Трясогузка белая . . л
42. Трясогузка горная . л
43. Трясогузка желтая . л
44. Трясогузка желтоголо-
вая л

45. Конек лесной . . . л
46. Конек луговой . . . пр
47. Конек степной . . . р. з
48. Конек краснозобый . пр

Семейство пищуховые

49. Пищуха обыкновен-
ная к. г

Семейство поползны

50. Поползень обыкновен-
ный к. г

Семейство синицы

51. Синица большая . . к. г
52. Синица лазоревка . р. з
53. Белая лазоревка . . к. г
54. Синица-московка . . к. г
55. Синица хохлатая . . к. г
56. Синица-гаечка буроголо-
вая к. г
57. Синица-ремез . . . л
58. Синица-гаечка сероголо-
вая з

Семейство толстоклювые синицы

59. Синица длиннохво-
стая к. г
60. Синица усатая . . . з

Семейство сорокопуть

61. Сорокопуть-жулан . л
62. Сорокопуть серый . л

Семейство свиристели

63. Свиристель . . . пр

Семейство мухоловки

64. Мухоловка серая . л
65. Мухоловка малая . л
66. Мухоловка-пеструшка л

Семейство корольки

67. Корольк желтоголо-
вый к. г

Семейство славковые

68. Пеночка-весничка . л
69. Пеночка-теньковка . л
70. Пеночка зеленая . л
71. Камышевка-сверчок . л
72. Сверчок соловьи-
ный л
73. Камышевка-барсучок . л
74. Камышевка садовая . л
75. Камышевка индий-
ская л
76. Камышевка-сверчок
пятнистый р. з
77. Пеночка - пересмеш-
ка л
78. Славка ястребиная . л
79. Славка черноголовая . л
80. Славка садовая . . л
81. Славка серая . . . л
82. Славка-завирушка . л

Семейство дроздовые

83. Дрозд земляной . . л
84. Дрозд-деряба . . . л
85. Дрозд певчий . . . л

86. Дрозд-рябинник . . л
87. Дрозд-белобровик . л
88. Дрозд чернозобый . з
89. Каменка обыкновен-
ная л
90. Чекан луговой . . . л
91. Чекан черноголовый . л
92. Синехвостка . . . л
93. Горихвостка . . . л
94. Зарянка л
95. Варакушка л
96. Соловей восточный . л
97. Соловей-красношейка з

Семейство завирушки

98. Завирушка лесная . л
99. Завирушка сибир-
ская пр
100. Завирушка черногор-
лая пр

Семейство оляпки

101. Оляпка з

Семейство ласточки

102. Ласточка деревен-
ская л
103. Ласточка городская . л
104. Ласточка береговая . л

* * *

* * *

Заканчивая очерки о певчих птицах, хочу еще раз подчеркнуть, что писал их для птицеловов-любителей и всех, кому птица — дорогое и близкое существо. Я стремился принести посильную пользу в вопросах охраны, сбережения здоровья и жизни певчих птиц.

Пусть все помнят, что к содержанию их нельзя относиться легкомысленно. Только внимательно ознакомившись с правилами ухода, подобрав все нужные корма и помещение, любитель может заводить певчих птиц, помня, однако, что чем больше у него будет клеток, тем меньше он услышит пения, ибо пение птиц, их здоровье, красота, долголетие прямо зависят от степени ухода и внимания к ним.

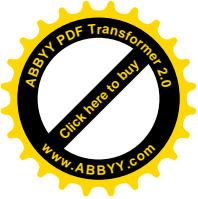
В этой книге описаны все певчие птицы Средней Европейской полосы и Урала, за исключением нескольких, которые обычно не содержатся в клетках, например мухоловки (пеструшка серая и малая), а также крапивник и оляпка. Переписывать данные, имеющиеся в литературе по этим птицам, автор не считал нужным.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Певчие птицы	7
О вреде и пользе	8
Пение птиц	14
Певчие птицы полей, пустырей и городских окраин	20
Полевой жаворонок	21
Прочие жаворонки	29
Жаворонок рогатый, или рюм	32
Скворец	36
Каменка	42
Дубонос	43
Реполов, или коноплянка	46
Щегол, или щегленок	53
Зеленушка	58
Пуночка, или снежный подорожник	59
Лапландский подорожник	64
Краснозобый конек и луговой конек	66
Воробьи	68
Ласточки	72
Певчие птицы лугов, болот и речных урем	76
Тростниковая, или болотная, овсянка	78
Варакушка	80

Соловей	86
Дубровник	99
Белая лазоревка, или князек	103
Камышевки	107
Трясогузки	112
Чеканы луговой и черноголовый	117
Чечевица, или черемошник	119
ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ ОПУШЕК И КУСТАРНИКОВ	125
Пеночки	128
Славки	133
Славка черноголовая	134
Славка ястребиная	138
Славка садовая	139
Другие славки	141
Сорокопуты	142
Овсянка обыкновенная	146
Овсянка-ремез	149
Лесной конек	153
Лесной жаворонок-юла	156
ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ ЛЕСА	159
Синицы	164
Большая синица, или синица-кузнечик	165
Московка, или моховушка	171
Зеленая лазоревка	174
Синица длиннохвостая, аполоновка	175
Гаечка, или гаечка буроголовая	178

Синица хохлатая, гренадер	181
Королек	183
Поползень-ямщик	186
Пищуха	189
Иволга	192
Несколько правил выкармливания птенцов всех птиц	194
Дрозды	195
Певчий дрозд	195
Черный дрозд	200
Дрозд-деряба	203
Дрозд-рябинник	205
Дрозд-белобровик	208
Зарянка	209
Горихвостка-лысушка, или садовая горихвостка	213
Пеночка-пересмешка, лесная малиновка	215
Свиристель	217
Щур	218
Клесты	223
Еловик, белокрылый и сосновик	223
Зяблик	227
Вьюрок, юрок	230
Чиж	231
Чечетка	235
Снегирь обыкновенный	240
ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА СОДЕРЖАНИЯ ПЕВЧИХ ПТИЦ	245
Помещение для птиц	245

Корм	260
Чистота	270
Свет	274
Обдерживание и приручение	276
Уход во время линьки	279
снасти охотника	284
главные способы ловли	293
основные заповеди любителя певчих птиц	298
певчие птицы среднего урала	299
РАССКАЗЫ	303
Птички	305
Черный дрозд	317
Уникальная птица	338
Чижи	341
Синичьи пляски	350
Приемыш	356
Торфяник	364
За малиновым шуром	375
Страницы осени	383
Соловьи	406

Николай Григорьевич Никонов
ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ

Печатается по изданиям Средне-Уральского Книжного Издательства.

Редактор М. Немченко. Художник В. Бубеников. Художественный редактор Г. Кетов. Технический редактор Л. Голобокова. Корректор Е. Журавлева.

Сдано в набор 15/VI 1972 г. Подписано в печать 20/XII 1972 г. Бумага тип. № 2. Формат 60×108₁₆. Усл. печ. л. 15,9. Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 75 000. Заказ № 331. Цена 59 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24
Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

